

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

ГУЛИК Оксана Олеговна

**НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ
ГЕНДЕРНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЗООНИМОВ В РУССКОМ
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ
ОБЪЕКТИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Радбиль Т.Б.

Нижегород — 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ГЛАВА I. Историко-научные и теоретические основы изучения гендерно-маркированных метафор в современном гуманитарном знании	15
---	----

1.1. Основные принципы когнитивно ориентированного лингвокультурологического подхода в современной науке о языке.....	15
1.1.1. Основные подходы и направления современной когнитивной лингвистики.....	16
1.1.2. Основные идеи и методы современной лингвокультурологии.....	28
1.1.3. Структура и организация идеализированных когнитивных моделей.....	34
1.2. Когнитивные операции концептуализации и категоризации в лингвокультурологических исследованиях.....	36
1.2.1. Объем и содержание научных понятий «категоризация» и «концептуализация».....	37
1.2.2. Принципы категоризации в современной когнитивной лингвистике.....	40
1.3. Когнитивные модели зоометафоры в лингвистической гендерологии...42	
1.3.1. Категория гендера в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом освещении.....	42
1.3.2. Гендерные аспекты категоризации и перекатегоризации.....	48
1.3.3. Гендерная метафора с зоокомпонентом как модель категоризации...51	
1.3.4. Аксиологический потенциал гендерной зоометафоры.....	54
1.3.5. Национальная и культурная обусловленность гендерной зоометафоры.....	59
1.4. Обоснование концепции исследования.....	61
Выводы по содержанию I главы.....	63

ГЛАВА II. Национально-специфичные модели гендерно-ориентированной зоометафоры в языке и речи	66
---	----

2.1. Системно-языковая объективация моделей гендерно-маркированной антропоморфной языковой зоометафоры и особенности ее речевого функционирования.....	66
2.1.1. Гендерная категоризация антропоморфной зоометафоры в русском языке (по данным лексикографических источников).....	67
2.1.2. Анализ семантической структуры гендерно-маркированной зоометафоры в лексико-семантической системе русского языка.....	73
2.1.3. Особенности речевой реализации моделей гендерно-маркированной зоометафоры (по данным Национального корпуса русского языка).....	77
2.2. Функционирование моделей гендерно-ориентированной зоометафоры в роли обращения: особенности языковой и речевой реализации.....	86

2.3. Инвективное функционирование гендерно-ориентированных антропоморфных зоометафор.....	96
2.4. Анализ контекстуального окружения гендерно-ориентированной зоометафоры.....	102
2.4.1. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>голубчик</i>	103
2.4.2. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>голубушка</i>	105
2.4.3. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>гад</i>	108
2.4.4. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>скотина</i>	110
2.4.5. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>козел</i>	113
2.4.6. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>щенок</i>	115
2.4.7. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>свинья</i>	118
2.4.8. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>сука</i>	121
2.4.9. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>гусь</i>	124
2.4.10. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>баран</i>	127
2.4.11. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>соколик</i>	130
2.4.12. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>бык</i>	133
2.4.13. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>червь</i>	136
2.4.14. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>боров</i>	140
2.4.15. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры <i>заяц</i>	143
2.5. Анализ гендерных пар антропоморфных зоометафор.....	147
Выводы по содержанию II главы.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	181
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сопоставительный анализ языковой и речевой реализации моделей гендерно-маркированной зоометафоры в роли обращения	216

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Гендерная дистрибуция в речевой реализации антропоморфных зоометафор (по данным НКРЯ).....221

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Изменения знака гендерной маркированности зоометафор в языке и речи.....227

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено комплексному описанию национально-обусловленных моделей гендерной метафоризации зоонимов в русской языковой картине мира и особенностей их языкового воплощения в современной русской речи.

С появлением когнитивно-дискурсивной парадигмы, в результате чего осмысление коммуникативной функции языка перешло на новый уровень, интерес научного сообщества обратился к изучению знакомых лингвистических явлений с позиций новых интерпретационных возможностей. Гендерно-маркированная метафора стала объектом, позволяющим отследить структуру и способ организации идеализированных когнитивных моделей, отвечающих за получение и ментальную обработку информации. Рассмотрение гендера как категории способствует развитию активно формирующегося направления когнитивной гендерологии.

Актуальность исследования определяется научной и общекультурной значимостью лингвокогнитивного изучения гендера как ключевой категории в процессе формирования национального самосознания посредством применения востребованных в современном гуманитарном знании антропоцентрического, лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов и научно-практического инструментария современной корпусной лингвистики.

Объектом исследования является гендер как одна из определяющих антропоморфных категорий, представленная в национальном сознании и объективируемая в языковой системе посредством различных проявлений концептуальной гендерно-маркированной метафоры.

Предметом исследования выступают языковые и речевые антропоморфные метафорические гендерно-маркированные значения, реализованные в современном лексикографическом описании и контекстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Цель исследования – определить особенности языковых средств реализации национально-обусловленных моделей гендерной метафоризации, а также их речевого воплощения с целью выявления актуальных компонентов значения, конструирующих идентичность в сознании современного носителя русского языка на материале гендерно-маркированной зоометафоры.

Представленная цель предполагает решение следующих **задач исследования:**

- 1) изучить подходы к определению когнитивной категории, теоретических принципов ее исследования, ее структурной и содержательной организации и на этой базе обосновать концепцию работы;
- 2) в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом освещении рассмотреть концептуализацию и категоризацию как основные мыслительные процессы, позволяющие выделить когнитивные классификационные признаки посредством анализа языковых единиц;
- 3) на материале лексикографических источников определить состав и дифференцирующие признаки категории, реализуемой посредством языковой зоометафоры;
- 4) верифицировать полученные классификационные признаки, семантическую структуру и объем гендера как категории по данным Национального корпуса русского языка;
- 5) определить новые явления в дискурсивном варьировании лексем, конструирующих метафорическую модель **«человек/мужчина/женщина – это животное»** посредством их текстовой реализации на материалах Национального корпуса русского языка;
- 6) рассмотреть самые частотные способы речевой реализации гендеро-ориентированной зоометафоры в функции ласкового или инвективного обращения;
- 7) проанализировать контекстуальное окружение гендерно-маркированной зоометафоры с целью выявления национально-

специфического компонента значения, определяющего категорию гендер в рассматриваемой лингвокультуре.

Материалы для исследования:

- 1) данные лексикографических источников — толковых словарей русского языка;
- 2) материалы Национального корпуса русского языка;
- 3) данные Интернет-мониторинга, проведенные автором.

В качестве **программного обеспечения** использовались:

- 1) корпусный менеджер Sketch Engine;
- 2) конкорданс-программа AntConc;
- 3) вспомогательная программа для создания графов Easy Linavis;
- 4) программа для построения графов Gephi.

Объем обследованного материала представлен 1228 единицами из лексикографических источников, выраженных различными зоонимами, на базе которых производился отбор антропоморфных метафорических употреблений. Из Национального корпуса русского языка выделено 10138 контекстов, удовлетворяющих условиям исследования.

Степень изученности вопроса. Метафора как одно из основных языковых средств, обнаруживающее базовые принципы работы сознания, активно рассматривалась в последние десятилетия отечественными и зарубежными учеными. К основным работам можно отнести следующие труды: В.Ю.Апресян [Апресян 1995а], Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2001], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999а], А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов [Баранов, Караулов 1991], Э.В. Будаев [Будаев 2006], В.Г. Гак [Гак 1988], В.З. Демьянков [Демьянков 2005], Е.Ю.Мякова [Мякова 2000], Е.О. Опарина [Опарина 1990], Т.В. Симашко [Симашко 1993], Г.Н. Складаревская [Складаревская 1993], Т.Г. Скребцова [Скребцова 2000], В.Н. Телия [Телия 1988], А.П. Чудинов [Чудинов 2000].

Исследования зарубежных авторов, освещающих вопросы формирования и функционирования метафорических значений, представлены трудами

Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Дж. Лакофф, М. Джонсон 2004], Маккормака [Маккормак 1990], Ж. Фоконье [Fauconnier 1999], М. Тернера [Тернер 2006], М. Блэка [Блэк 1979], А. Ченки [Cienki 1998], Р. Крипса [Crisp 2003], К. Брук-Роуз [Brooke-Rose 1958], Ч. Форсвилля [Forceville 2005], Р. Гиббса [Gibbs 1993], Дж. Стина [Steen 1994], З. Кёвешес [Kovesces 2005], А. Ортони [Ortony 1979], Р. Барч [Bartsch 2003].

Анималистическая сфера, представляющая собой обширный материал для создания переносных значений на основании схожести внешнего вида, манеры действия и т.п., представляет собой многочисленную группу зоометафор, репрезентированных в любой языковой картине мира. Разные аспекты данного материала рассматривались в работах Е.Г. Гусар [Гусар 2004], Ю.Г. Завалишиной [Завалишина 1998], Е.Н. Каменской [Каменская 2008], О.Ю. Семиной [Семина 2008], Е.Н. Нагорной [Нагорная 2014], А.О. Кубасовой [Кубасова 2008], О.Б. Манговой [Мангова 2012], Ц.Ц. Огдоновой [Огдонова 2000] и некоторых других.

Различия в языковых формах, используемых мужчинами и женщинами, а также постоянно растущее количество вопросов, касающихся природы данного явления, не перестает покидать сферу внимания лингвистов.

Введение гендера как объекта в сферу лингвистического описания произошло в 60-80-е годы XX века под влиянием психологических и социологических исследований. Это позволило сосредоточить внимание на том, что нового вносит данная категория в лингвистическое описание, какие языковые средства используются для конструирования гендерной идентичности, какие из ее параметров имеют стабильный/изменчивый характер, какие ограничения в функционировании языка и речи могут накладываться данным параметром, в каких отношениях находятся метагендерный и гендерно-маркированный уровни определенной лингвокультуры, какова специфика функционирования стереотипов феминности и маскулинности в отдельно взятой языковой системе, как соотносятся проявления гендерной идентичности нескольких лингвокультур, как изменяются гендер-конструирующие па-

раметры в диахроническом аспекте, как отражаются процессы глобализации и культурной унификации на функционировании гендерного параметра отдельной лингвокультуры и т.п.

Сложность и междисциплинарность рассматриваемого явления обуславливает необходимость его подробного разностороннего описания с привлечением и комбинированием данных и методов смежных лингвистических областей, позволяющих производить адекватное моделирование гендерной концептосферы.

Рассмотрение гендера с антропоцентрических, лингвокультурологических и когнитивных позиций привело к выделению и становлению самостоятельной области знания – **лингвистической гендерологии**.

Проявление гендерного параметра в языке и речи рассматривается во многих работах последних десятилетий. К основным трудам можно отнести исследования О.А. Ворониной [Воронина 2001], А.В. Кирилиной [Кирилина 1999], Е.И. Горошко [Горошко 1999], А.А. Денисовой [Денисова 2004], Е.А.Земской, М.А. Китайгородской, Н.Н. Розановой [Земская, Китайгородская, Розанова 1993], О.Л. Каменской [Каменская 2002], И.И. Халеевой [Халеева 1999] и некоторых других.

Активная работа по созданию языковых корпусов стимулировала использование данных ресурсов в качестве дополнения к языковому описанию. Возможность анализа макроконтекста, позволяющего использовать данную базу для расширения и уточнения лексикографического описания языковых единиц, освещается в трудах: Ю.Д. Апресяна [Апресян 2004], Е.В. Рыжкиной [Рыжкина 1980], Т. Макэнери, Э. Уилсен [Макэнери, Уилсен 1999], Э. Гоутли [Goatley 1997] и некоторых других.

Корпусные системы все еще переживают стадию становления, что отражается в ряде проблем, требующих решения. Среди них выделяются проблемы метаразметки, снятия многозначности и вопрос репрезентативности комплексной системы. Данные аспекты представлены в работах В.В. Рыкова [Рыков 2002], С.А. Шарова [Шаров 2004], А.А. Леонтьева [Леонтьев 2004],

О.Н. Ляшевской [Ляшевская 2005], А.С. Герда, В.П. Захарова [Герд, Захаров 2004], И.Ю. Семиной [Семина 2008] и некоторых других.

В целом, мы можем заключить, что именно гендерно-ориентированная зоометафора по предлагаемой нами исследовательской программе комплексного лингвокогнитивного описания моделей метафоризации еще не исследовалась. Кроме того, мы предлагаем ввести в исследовательский оборот новый материал, связанный с новейшими данными Национального корпуса русского языка, которые показывают специфику именно речевой реализации указанных моделей.

Научная новизна исследования, таким образом, состоит прежде всего во введении в научный оборот нового предмета и материала для анализа в аспекте избранного нами лингвокогнитивного подхода к описанию моделей гендерно-ориентированной концептуальной зоометафоры. Также практически не исследованными в научной литературе являются проанализированные в данной работе особенности именно речевой реализации данных моделей.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении принципов лингвокогнитивного анализа гендера как категории в аспекте ее национально-специфического содержания, способов экспликации гендерно-маркированных дифференцирующих метафорических значений, рассмотренных на материале лексикографических источников и Национального корпуса русского языка.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применить полученные результаты в вузовских курсах преподавания современного русского языка, в теоретических курсах по лексикологии, стилистике, общему языкознанию, в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, в составлении словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов, а также словарей на корпусной основе. Также результаты изучения национально-специфичной инвективной составляющей рассматриваемых единиц могут быть применены в практике производства

судебной и внесудебной лингвистической экспертизы по разным категориям дел.

Методологической основой исследования являются теоретические принципы изучения когнитивной категоризации и концептуализации окружающего мира как основных когнитивных операций. Они представлены в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995а], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999а], В.А. Масловой [Маслова 2004а], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004], Е.В. Дзюбы [Дзюба 2015], Т.В. Романовой [Романова 2014а и 2014б], М.С. Миловановой [Милованова 2018], Э. Рош [Rosh 1978], Ж. Фоконье [Fauconnier 1995], Р. Ленекера [Langacker 1999], Ч. Филлмора [Fillmore 1985], Р. Гиббса [Gibbs 1996]. Идеи лингвокультурологического анализа отражены в трудах С.А. Аскольдова [Аскольдов 1997], С.Г. Воркачева [Воркачев 2001], В.И. Карасика [Карасик 1996], Д.С. Лихачева [Лихачев 1997], З.Д. Поповой, И.А. Стернина [Попова, Стернин 2003], Т.Б. Радбиля [Радбиль 2010], Ю.С. Степанова [Степанов 1997], Г.Г. Слышкина [Слышкин 2004], В.Н. Телия [Телия 1988], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2013]. Основы описания инвективной лексики рассмотрены в работах В.И. Жельвиса [Жельвис 1988], М.Д. Бузаджи [Бузаджи 2006]; исследовательские модели конструирования гендерной идентичности предложены в работах А.В. Кирилиной [Кирилина 1999], Е.С. Гриценко [Гриценко 2005], Д. Таннен [Tannen 1990] и некоторых других.

Методы и методики исследования определены специфичностью и многогранностью исследуемого материала. В качестве основных использовались метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, метод интерпретативного анализа, метод контекстуального анализа, статистический метод и метод корпусного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Всестороннее описание такого сложного и многогранного явления, как гендерная категория, должно осуществляться посредством комплексного анализа разносторонних (лексикографических, корпусных, экспе-

- риментальных) данных, обеспечивающих языковую и речевую реализацию рассматриваемого феномена.
2. Широкое использование группы единиц, репрезентирующих модели гендерно-ориентированной зоометафоры, в языковой системе, высокая частотность их речевой реализации, эмоциональная насыщенность, оценочный потенциал данных лексем и их активное функционирование в роли гендерно-маркированных значений свидетельствуют о важности представленной группы лексики для конструирования национально-специфичной языковой картины мира в целом и гендерной идентичности в частности.
 3. Процесс верификации результатов языкового исследования метафорической модели «человек – это животное» на материале национального корпуса русского языка является обязательным условием для рассмотрения эволюции, структуры и содержания гендера как лингвокультурологической категории. Дискурсивное варьирование в языке антропоморфных зоометафор обеспечивает дополнительные национально-обусловленные компоненты значения, конструирующие гендерную категорию.
 4. Метафорическая модель «человек – это животное» проявляет высокую продуктивность при образовании гендерно-маркированных и метагендерных оценочных значений в целом и реализации инвективной интенции в частности. Русская языковая картина мира обнаруживает возможность конструирования инвективного маскулинно-маркированного значения при помощи феминной референции (курицын сын, сукин сын).
 5. Использование корпусных материалов для исследования в сочетании с применением адекватного целям программного обеспечения в виде корпусных менеджеров, которое осуществляется в ходе предлагаемого исследования, позволяет получить более детализированные лингвистические результаты с опорой на значительное количество показательных

употреблений лексем – репрезентантов гендерно-ориентированных моделей концептуальных зоометафор.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах, которые обсуждались на межвузовских, региональных и международных научно-практических конференциях: IV Новиковские чтения «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» (Международная конференция, Москва, 2014), Чтения, посвящённые памяти профессора А.Т. Кукушкиной (Международная конференция, Н.Новгород, 2014), конференция, посвященная памяти основателя кафедры зарубежной лингвистики С.Г. Стерлигова (Региональная конференция, Н.Новгород, 2014), международный конгресс «Многогранный В.И. Даль и современная филология» (Международная конференция, Н.Новгород, 2015), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Международная конференция, Челябинск), «Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты» (Всероссийская конференция, Н.Новгород, 2016).

Исследование обсуждалось на аспирантском семинаре кафедры современного русского языка и общего языкознания и на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и трех приложений. Объем исследования, не считая приложений, — 215 с. Общий объем исследования — 231с.

Во **введении** раскрывается актуальность и научная новизна, обозначаются цель и соответствующие ей задачи, определяется теоретическая и методологическая база, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** освещаются теоретические принципы и концептуальная база исследования, обосновывается концепция исследования.

Во **второй главе** рассматриваются семантическое наполнение, смысловый объем и семантическая структура гендерно-маркированных зоометафор в языковой и речевой реализации гендера как национально-специфичной категории.

В **заключении** содержатся основные результаты проведенного исследования и обосновываются возможные перспективы его развития.

Библиографический список включает в себя три раздела: источники, научная и научно-методическая литература, словари – и содержит 291 наименований (из них 26 — на иностранных языках).

В **приложениях** приводятся таблицы, отражающие реализацию гендерных параметров в языковой картине мира на материале рассматриваемых зоометафор.

ГЛАВА I. Историко-научные и теоретические основы изучения гендерно-маркированных метафор в современном гуманитарном знании

В настоящее время существует точка зрения, согласно которой лингвистическое знание может выступать в качестве базы для многих антропоориентированных наук [Шаховский, Карасик 1998]. Это объясняется тем, что вектор лингвистического описания направлен в сторону рассмотрения основных принципов функционирования человеческого сознания, что привело к появлению **антропологической лингвистики**, одной из основных задач которой стало изучение эволюции принципов мышления и его основных механизмов посредством анализа функционирования косвенных проявлений, таких как языковая система.

В процессе перехода лингвистической парадигмы с системно-структурной на антропоцентрическую проявились две самостоятельные отрасли знания: когнитивная лингвистика, направленная на рассмотрение корреляции языковых структур и когнитивных механизмов, и лингвокультурология, ориентированная на культурный фактор в языке и речи.

1.1 Основные принципы когнитивно ориентированного лингвокультурологического подхода в современной науке о языке

Способы соотношения языка и культуры рассматривались в XIX веке немецкими учеными – братьями Гримм, идеи которых нашли отражение в конце XIX века в трудах Ф.И. Буслаева [Буслаев 1868], А.А. Потебни [Потебня 1989] и в работах современных лингвистов: В.В. Воробьёва [Воробьев 1997], Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 2005], В.И. Карасика [Карасик 2001], В.А. Масловой [Маслова 2001], Т.Б. Радбиля

[Радбиль 2010], Ковшовой М.Л. [Ковшова 2013], Романовой Т.В. [Романова 2014], Миловановой М.С. [Милованова 2018] и некоторых других.

Антропологическая ориентация ряда лингвистических направлений даёт возможность реализовывать междисциплинарные исследования, не теряя общего вектора. Таким образом, категория «гендер» может рассматриваться как в лингвокогнитивном, так и лингвокультурологическом аспектах, позволяющим описать ее ментальное содержание и структуру, обладающую культурными маркерами.

1.1.1. Основные подходы и направления современной когнитивной лингвистики

Отличительной чертой разнонаправленных научных исследований XX века является интерес к вопросам соотношения **языка и мышления**, а также способам описания ненаблюдаемых сторон познавательного процесса. Так появилось междисциплинарное направление, объединившее теорию познания, когнитивную психологию, нейрофизиологию, когнитивную лингвистику и теорию искусственного интеллекта.

Когнитивный поворот (*cognitiveturn*), произошедший в последние десятилетия в отечественной и зарубежной лингвистике, привел к смене фокуса исследований некоторых гуманитарных наук, а также способствовал появлению новых направлений. Получили развитие теоретические основы таких направлений когнитивистики, как **когнитивная антропология**, изучающая и сравнивающая когнитивные категории в культурном и этническом аспектах; **когнитивная нейролингвистика**, рассматривающая ментальные процессы в основе речетворения и постулирующая речь в качестве инструмента накопления и систематизации знаний; **психоллингвистика**, исследующая связи между языком, мышлением и сознанием. В качестве самостоятельных областей изучения выделились **когнитивная социология** и **когнитивное литерату-**

поведение. Сегодня научное сообщество находит возможным говорить о существовании **КОГНИТОЛОГИИ**, поскольку «почти в каждой гуманитарной ветви знания выделилась специальная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» [Кубрякова 2004, с. 10-11].

Отечественные ученые определяют **КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ** как отрасль знания, представляющую собой одну из наук когнитивного цикла, наряду с когнитивной психологией, этологией, нейробиологией и т.п., сложившуюся в 70 годы XX века и определяющую язык как когнитивный инструмент презентации, кодирования и преобразования информации [Азимов, Щукин 2009]. Более конкретно ее определяют как междисциплинарное направление, интегрирующее усилия психологов, лингвистов, философов, логиков, психолингвистов, математиков, программистов, антропологов и т.п. с тем, чтобы получить наиболее достоверное представление о работе человеческого сознания [Болдырев 2001а, с.8].

Зарубежными исследователями чаще используется термин «когнитивная грамматика» (впервые появившийся в статье Дж.Лакоффа и Г.Томпсона «Представляем когнитивную грамматику» в 1975 г.), что связывают с более широкой интерпретацией второго компонента. Из особенностей употребления термина в отечественном языкознании можно отметить его тесную связь с термином «**КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА**», что может вызывать трудности в определении типа отношений между ними: синонимия или включение [Рахилина 1998]. В ряде работ наблюдается замещение термина «когнитивная лингвистика» (в дальнейшем изложении – КЛ) на «**сверхглубинная семантика**», под которой понимается рассмотрение общих понятийных категорий, ставших результатом человеческого познания.

В зарубежном языкознании официальной датой появления когнитивных исследований считается июнь 1989 года, когда состоялся первый Международный симпозиум в Дуйсбурге (Германия), где была официально создана Международная ассоциация когнитивной лингвистики (International

Cognitive Linguistics Association), имеющая целью объединение лингвистов разных стран, работающих в данном направлении. К этому времени в зарубежной лингвистике уже существовал ряд работ, посвященных когнитивной тематике [Лакофф, Джонсон 1990; Fauconnier 1999, Langacker 1994]. В 1976 г. была опубликована книга Миллера и Филипа Джонсона-Лэрда «Язык и восприятие», заложившая основы нового научного направления «психолексикологии». Данное направление не было сформировано, но появившаяся когнитивная лингвистика во многом унаследовала его идеи [Скребцова 2011, с.8].

В разработке вопросов **когнитивной лингвистики** принимали участие такие известные зарубежные ученые, как Э. Маккормак [Маккормак 1990], Л. Талми [Talmy 2000], Р. Лэнкер [Langacker 1994], Д. Герартс [Geeraerts 1988a], Ч. Филмор [Fillmore 1985], Дж. Лакофф, М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 1990], Л. Дженкинс [Jenkins2000], Г. Фоконье [Fauconnier 1999], А. Вежицкая [Вежицкая 1997] и мн.др. Среди отечественных исследователей вклад в развитие научной базы внесли Н.Д.Арутюнова [Арутюнова 1999а], А.Н. Баранов [Баранов 1997], Н.Н. Болдырев [Болдырев 2001а], А.Е. Кибрик [Кибрик 1994], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], В.А. Маслова [Маслова 2004а], Д.О. Добровольский [Добровольский 1997], Е.В. Рахилина [1998], З.Д.Попова, И.А. Стернин [Попова, Стернин 2005] и некоторые другие.

Когнитивная лингвистика могла появиться в результате исчерпанности идей генеративного направления, утверждающего, что языковая способность представляет собой один из независимых модулей, участвующий в регулировании системы человеческого поведения. В рамках генеративной лингвистики утверждается **независимость языковых структур от общей организации человеческого мозга**, в то время, как когнитивное направление основывается на идее неавтономности языковой системы, обусловленной общим когнитивным механизмом. Следовательно, язык считается открытой структурой, определяющейся процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта [Скребцова 2011, с. 18-19].

Развитие данного направления способствовало обращению внимания исследователей «к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта» [Арутюнова 1990, с.5-6]. Приоритетной стала задача выведения основных когнитивных процессов и принципов их функционирования с опорой на изучение языковых операций. Когнитивная лингвистика рассматривает концептуальную и эмпирическую базу категорий и понятий, изучая языковые формы с точки зрения того, как в них отражается влияние окружающей среды и познавательный опыт человека [Болдырев 2001а, с.6]. В отличие от традиционной, когнитивная лингвистика уделяет внимание влиянию языковых форм на сознание индивида, а также степени их взаимного воздействия. В рамках когнитивного исследования приоритетным является получение информации о структуре и функционировании не языка, но сознания. Когнитивная лингвистика подвергает анализу не только теоретическое, но и обыденное мышление. Вместе с тем, наряду с коллективным, изучается индивидуальное сознание [Болдырев 2001а, с.24-25].

Определяющей особенностью когнитивного направления является внимание к концептуальному содержанию человеческого мозга, а не его строению. Акцентируются вопросы получения, организации и активации/применения знания о себе и окружающем мире [Gibbs 1996]. Полагается, что ответы на главные вопросы данного направления можно найти в анализе языковых фактов, поскольку установлено, что механизмы работы сознания регулярно выражаются средствами языка, обладающего объяснительной силой, при определении общих аспектов когниции [Fauconnier 1999].

Основные направления исследований в современной когнитивной лингвистике. В зависимости от применяемых типологических критериев отечественная когнитивная лингвистика подразделяется на лингвокогнитивное, лингвокультурное [Балашова 2004, с.6], лингвокультурологическое, ментально-деятельностное, индивидуально-речевое, семантическое, культурологическое, логическое и когнитивное направление [Костин 2002, с.6].

Наличие различных векторов исследования с одной стороны говорит об активном развитии КЛ в целом, поиске новых аспектов и возможностей, открывшихся перед лингвистами и специалистами смежных наук в рамках когнитологии, с другой – свидетельствует о размытости представлений о конкретном предмете и способах его анализа. В дальнейшем, вероятно, некоторые направления будут объединены либо трансформируются в иные формы анализа, исчерпав свои первоначальные ресурсы.

Основные тенденции отечественной когнитивной лингвистики представлены работами следующей тематики:

а) **культурологические исследования**, рассматривающие концепты, как элементы культуры, а язык как один из возможных источников знаний о них. Направление отличается выраженным междисциплинарным характером, к ярким представителям данного направления относят Ю.С. Степанова [Степанов 1997];

б) **лингвокультурологические исследования**, рассматривающие концепты как элементы национальной лингвокультуры, представляющие доступ к системе национальных ценностей, репрезентированных в языковых формах. К данному направлению относят работы В.И. Карасика [Карасик 2001], С.Г. Воркачева [Воркачев 2002], Г.Г. Слышкина [Слышкин 2004б] и некоторых других;

в) **логические исследования**, посвященные изучению концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы. В рамках данного направления выполнены работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999б], Р.И. Павилёниса [Павилёнис 1983], рассматривающие вопросы логического анализа и роли языка в создании концептуальной системы;

г) **семантико-когнитивные исследования**, уделяющие внимание лексической и грамматической семантике слова как средству изучения содержания концептов. К данному направлению относят работы Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2001а], Е.В. Рахилиной [Рахи-

лина 1998], И.А. Стернина, З.Д. Поповой [Стернин, Попова 2005] и некоторых других;

д) **философско-семиотические** исследования, представляющие собой изучение когнитивной основы знаковости. Направление считается развивающимся, а одной из представительных фигур называют А.В. Кравченко, занимающегося в том числе изучением репрезентации мыслительных структур в языке [Попова, Стернин 2007].

Процесс интерпретации когнитивного знания и предполагаемый результат обусловлены выбором направления исследования, поскольку, имея общей целью изучение когниции, процессы анализа фокусируются на различных языковых аспектах когнитивных проявлений.

Развитие КЛ способствовало развитию новых методов анализа соотношения ментальных и языковых структур, а также принципов их организации и представления, т.е. исследованию проявлений когнитивной функции языка [Болдырев 2006б, с.34]. Богатая теоретическая и методологическая база, накопленная отечественными когнитологами, привела к формированию школ лингвокогнитивных исследований, использующих различные подходы:

а) **общеконцептуальный подход** реализован в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004], Д. С. Лихачева [Лихачев 1997] и некоторых других. Концептуальный анализ позволяет определить путь образования смысла и записать результат формализованными средствами языка [Телия 1988]. Отмечают значимое отличие концептуального анализа от семантического, направленного на уточнение денотативных, сигнификативных и когнитивных значений, в то время, как концептуальный анализ представляет собой поиск общих концептов, подведенных под один знак и предопределяющих его бытие как известной когнитивной структуры. Если семантический анализ связан с разъяснением слова, то когнитивный анализ направлен на извлечение знаний о мире [Кубрякова 2008];

б) **психолингвистический подход** отражен в исследованиях И.Н. Горелова [Горелов 2003], А.А. Залевской [Залевская 2007], Н.И. Жинкина

[Жинкин 1998] и опирается на понятие смыслового восприятия как набора схем, стереотипов и представлений, хранящихся в сознании, и составляющих когнитивную базу индивида, которая не может быть определена как полностью субъективное образование [Бубнова 2010, с.27];

в) **прототипический подход** к изучению когнитивных аспектов языковых единиц используют последователи Тамбовской школы: Н.Н. Болдырев [Болдырев 2001б], А.Л. Шарандин [Шарандин 2000] и некоторые другие. В процессе исследования со словом соотносится его прототип, представленный набором семантических признаков, позволяющий определить, на каких основаниях сознанием объединяются единицы, не проявляющие значительного сходства. Неоднородность состава категории объясняется многообразием признаков, а также их количественным и качественным варьированием, центральностью/периферийностью элементов и нечеткостью категориальных границ [Лакофф 1988];

г) **лексико-семантический подход в исследовании концептуального содержания единиц языка характеризует работы Воронежской школы** и применяется З. Д. Поповой, И. А. Стерниным [Попова, Стернин 2005], А. П. Бабушкиным [Бабушкин 2001] и некоторыми другими. Данный подход предполагает изучение концепта посредством анализа его лексико-семантического поля, выделения интегральных и дифференциальных компонентов значения, посредством установления степени семантической связи единиц внутри структуры поля;

д) **подход с использованием дискурсивного анализа** описывается в работах А.А. Кибрик [Кибрик 1994], Л.В. Цуриковой [Цурикова 2001] и некоторых других. Термин «анализ дискурса» принадлежит американскому лингвисту Зеллигу Харрису, понимающему его как «метод анализа связной речи» [Harris 1952: 1;2, цит. по: Макаров, 2003, с. 91]. В широком смысле дискурсивный анализ определяется как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности [Макаров 2003]. Под лингвистическим анали-

зом дискурса также понимается «уровневый раздел лингвистики, исследующий единицы, большие, чем синтаксические, и имеющие потенциально неограниченный объем» [Кибрик 2005, с.99];

е) **культурологический подход** к рассмотрению проблем представления знаний реализуется в работах Е.М. Верещагина, Е.М Костомарова [Верещагин, Костомаров 2005], Ю.Н. Караулова [Караулов 2004] и некоторых других. Исследование ментальной структуры производится посредством анализа концепта, определяемого как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997, с.72], при этом культура трактуется как «совокупность концептов и отношений между ними» [Там же с.38]. Человек рассматривается как «языковая личность», несущая в себе особенности национального мышления, ценностных ориентиров, логики лингвокультурного сообщества и этнической культуры [Бахтин 1979];

ж) **лингвокультурологический подход** к исследованию репрезентации знаний используется представителями Волгоградской школы: В.И. Карасиком [Карасик 2001], Г.Г. Слышкиным [Слышкин 2000б], Н. А. Красавским [Красавский 2001] и некоторыми другими. Подход базируется на идее взаимосвязи языка, сознания и культуры как основных элементов, позволяющих исследовать проблемы воплощения культурной семантики в языковом знаке, а также вопросы функционирования концептов как составляющих национальной лингвокультуры в их связи с аксиологическими аспектами языковой личности. Лингвокультурологический подход опирается на идею о кумулятивной функции языка, благодаря которой в нем отражается, хранится и передается опыт народа, его мировидение и мироощущение [Карасик 2002а, с.14-16];

з) **подход с применением гендерного анализа** рассматривается в работах А.В. Кирилиной [Кирилина 1999а], Е.С. Гриценко [Гриценко 2005], Т.Б. Рябовой [Рябова 2000], Е.И. Горошко [Горошко 2003] и некоторых других. Данный подход позволяет исследовать концепты маскулинности и феминности, рассматривая их культурно обусловленные сущности, т.е. расши-

речь поле их исследований. Фокус внимания концентрируется на идее, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование [Кирилина 2003].

Значительное количество используемых подходов отражает разнообразие формулируемых современными когнитологами исследовательских проблем, а также предлагает новые возможности с точки зрения методологических решений.

Принципы лингвокогнитивной интерпретации форматов знания в языке и речи. Современная когнитивная лингвистика в качестве общего предмета исследования рассматривает **когницию**, под которой понимается не только целенаправленное познание, но и неосознаваемое постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта [Рудакова 2004]. Также когницию определяют как совокупность сознательных и несознательных ментальных действий, связанных с получением и переработкой информации [Словарь когнитивных терминов, 1996, с. 81-84].

Отечественными учеными были **сформулированы общие принципы**, на которых основываются исследования, проводимые в рамках данной отрасли лингвистики. К главным из них относят:

1) **холистический подход** к интерпретации языковой способности, предполагающий функционирование языка в соответствии с общими когнитивными механизмами. Свойства языка определяются процессами концептуализации, связанными с человеческим опытом, а сам язык является не автономной, а неотъемлемой частью знания. Холистический подход рассматривает язык в качестве естественного биологического феномена, присущего индивиду как особому виду живых существ;

2) **язык принимается как проявление общих когнитивных механизмов**, что открывает возможность изучения мышления и познавательных процессов посредством анализа языковых структур. Утверждается, что язык,

представляет собой структурированную систему знаков, играющих роль в репрезентации, кодировании и трансформировании информации [Демьянков, Кубрякова 1997, с. 52];

3) **принцип органической связи между языковым знанием и психической организацией индивида** делает невозможным описание языка при помощи алгоритмического подхода, адекватного для точных наук, и сближает лингвистические исследования с науками биологического цикла. Так, он противопоставляется подходам, характерным для структурализма и генеративной грамматики, использующим принципы математики и логики;

4) **антропоцентрический принцип** отражается в смене позиции человека по отношению к языку: наблюдатель → субъект. Позволяет обосновать связь между языковой системой и познавательной деятельностью индивида и подчеркивает роль субъекта в формировании значения лексической единицы. Роль человека в языке не сводится к отражению, но реализуется в концептуальном преломлении знаний о мире [Магировская 2009];

5) **принцип учета физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром** строится на идее, что понятийная система человека имеет смысл лишь в терминах представленного опыта. Данный принцип способствовал появлению тезиса о «воплощенности» (термин «воплощенность»/«embodiment» принадлежит Johnson) мышления, который, по мнению ученых, объясняет трудности, возникающие при моделировании искусственного интеллекта и машинной обработке языковых данных;

6) **принцип субъективации лингвистических исследований**, предполагающий, что анализ значения является некорректным в случае отсутствия экстралингвистической информации, включающей фоновые знания, полученный опыт, социальные и культурные факторы, и образующей необходимый интерпретационный контекст, наличие которого является обязательным условием для проведения процедуры когнитивного анализа;

7) **принцип функционализма** реализуется в изучении языка с целью рассмотрения процессов восприятия и порождения речи, получения, перера-

ботки и хранения информации. Утверждению данного принципа способствовало признание языковой системы единственно доступным, наблюдаемым объектом, дающим возможность получать достоверные данные о когнитивных процессах;

8) **когнитивное обязательство**, принцип, согласно которому объяснение и описание языковых фактов не должно противоречить эмпирическим данным других наук [Lakoff 1990, p.40]. Данный принцип не требует придерживаться какой-либо определенной исследовательской стратегии, но предполагает изучение языковых явлений в связи со всем комплексом знаний, накопленных в рамках антропоцентричных исследований;

9) **принцип экспланаторности**, утверждающий необходимость объяснения языковых фактов и выражающийся в интерпретации как можно большего числа языковых форм. Акцент изучения смещается с описания языковых явлений в сторону объяснения обуславливающих данные явления процессов. Отмечается связь экспланаторности с антропоцентризмом и функционализмом как тенденциями поиска объяснения роли человеческого фактора в языке;

10) **принцип отрицания границ между языком и когнитивной функцией**, знаниями языка и знаниями о мире, семантикой и прагматикой и т.п., характерных для периода структурализма в лингвистике [Скребцова 2011, с.26-29]. Признание неразрывности процессов когнитивной и коммуникативной функций языка;

11) **принцип структурно-функциональной целостности (принцип концептуального единства языка и речи)**, состоящий в рассмотрении языка и речи в качестве единого объекта анализа, без выявления первичности/вторичности элементов в противопоставлении «язык-речь». Единое рассмотрение компонентов позволяет приблизиться к комплексному изучению языкового знания, фиксируемого в системе смыслов и значений;

12) **принцип междисциплинарности проводимых исследований**, предполагающий применение достижений различных областей научного

знания, с целью изучения когнитивных аспектов языковых явлений [Болдырев 2004а, с.23-24]. В процессе изучения языка необходимо рассматривать аспекты, связанные с распределением, запоминанием и хранением информации, обращаясь к данным психолингвистики, физиологии, нейронауки и т. п.;

13) **принцип равноправия когнитивной и коммуникативной функций** приводит к необходимости рассматривать любое явление одновременно с учетом содержания языковых единиц, с одной стороны, и способа подачи и организации информации – с другой [Кубрякова 2009, с.13];

14) **принцип многофакторности и системности** предполагает описание языкового явления как коммуникативно-когнитивной единицы [Беседина 2010, с.35], из чего следует, что рассматриваемые феномены должны быть описаны не только с точки зрения их положения внутри языковой системы, но и относительно других систем, частью которых может выступать язык;

15) **принцип многоуровневости анализа** предполагает, что семантика языковых единиц может подвергаться исследованию только с учетом когнитивных структур, поскольку лексическое значение определяется своим когнитивным основанием. Значение лексической единицы соотносится с его когнитивным контекстом, представленным когнитивными структурами, обеспечивающими понимание слова [Болдырев 2004а, с. 26];

16) **принцип разграничения семантического и концептуального уровней** приводит к разграничению языковой и неязыковой картин мира. Так подтверждается положение о невербальном характере мышления, основывающемся на отсутствии факта прямой зависимости между концептом и языком. Это объясняется мнением, что только часть концептов получают языковую вербализацию. Отмечается, что дифференциация концептуального и семантического содержания не предполагает их изоляции и противопоставления [Беседина 2010, с. 34].

Принципы КЛ направлены не на создание новой жесткой структуры, строго регламентирующей рамки и порядок проводимых исследований, но на разрушение утвердившихся в период структурализма и постструктурализма

принципов, отвергающих связь между языком и когницией, знанием языка и знанием о мире, семантикой и прагматикой, словарной и энциклопедической информацией [Рахилина 1998, с. 317]. Выделение подобных принципов позволяет определить круг характерных приемов и принципов, которыми должны обладать все исследования данной группы, чтобы избежать терминологических неточностей, подмены понятий и недифференцированного использования методологической базы.

При рассмотрении понятийной категории отмечается, что на смену лингвистическому моделированию, а именно, рассмотрению лексических единиц при помощи функционально-семантических полей и лексико-семантических групп, в новой парадигме приходят **методы когнитивного моделирования** – концептуальные структуры и категории, фреймы и когнитивно-матричный анализ [Болдырев, Куликов 2006].

Основной идеей, **определяющей когнитивное направление**, стало то, что семантическая характеристика лексической единицы предполагает учет не столько объективных данных описываемой ситуации, сколько особенностей ее восприятия и выбора точки зрения [Болдырев 2001а, с.18]. Акцентируется, что когнитивная семантика не игнорирует логический подход в процессе создания и описания языковых явлений, но опирается на когницию, содержательно представляющую все виды полученного знания.

1.1.2. Основные идеи и методы современной лингвокультурологии

Процесс стремительного развития дисциплин лингвистического направления в конце XX века привёл к выделению и становлению науки синтезирующего типа – лингвокультурологии, изучающей взаимоотношения языка и культуры. Данное направление возникло на основе идеи о языке как способе хранения и развития культуры. В 90-ые годы XX столетия за направлением закрепился термин «лингвокультурология», чему способствовали работы отечественных ученых: А.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999а], В.В. Воробье-

ва [Воробьев 1997], С.Г. Воркачёва [Воркачев 2001], В.И. Карасика [Карасик 2002б], В.А. Масловой [Маслова 2004б], Ю.С. Степанова [Степанов 1997] и некоторых других.

На начальных этапах становления могло иметь место недифференцированное использование терминов «лингвокультурология» и «этнолингвистика», что, несмотря на некоторую схожесть направлений, считается неверным, поскольку имеются значительные различия в целях, объекте, предмете и материале исследования. В этнолингвистических учениях акцент делается на этнических, фольклорно-мифологических аспектах языка, в то время, как лингвокультурология ставит своей целью описание взаимодействия языка и культуры и национального менталитета на основе единства языка, культуры и человеческой личности [Маслова 2001].

Единое мнение по поводу взаимоотношения данных дисциплин, а также места лингвокультурологии в парадигме научного знания, пока отсутствует. Согласно одной из точек зрения, данная наука определяется как одна из отраслей лингвистического знания, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая проявления культуры народа, отразившиеся и закрепившиеся в языке [Маслова 2001]. Согласно другой, она является частью этнолингвистики и описывает взаимодействие языка и культуры, где ведущую роль занимают фразеологизмы [Телия 1999].

Одним из наиболее полных определений считается следующее: **лингвокультурология** – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании, отражающая данный процесс как целостную структурную единицу языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки [Воробьев 2008].

Характерная для лингвокультурологии интегративность определяет **комплекс познавательных методов и установок**, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура». **Объектом** исследования считается

взаимодействие языка, культуры и человека, который создает данную культуру, пользуясь конкретным языком. **Предметом** являются единицы языка, приобретающие особое символическое значение в культуре и обобщающие результаты человеческого знания [Маслова 2001].

К основным лингвокультурологическим вопросам относят:

1. Каким образом культура участвует в образовании языковых концептов?
2. К какой части значения языкового знака относятся «культурные смыслы»?
3. Существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка? [Воробьев 2008].

Понятие «языковая картина мира».

В современных лингвистических исследованиях широко используется понятие языковой картины мира (в дальнейшем изложении ЯКМ), которая характеризуется «наивностью» концептуального членения действительности, поскольку представляет собой значительные отклонения от научного изложения, и «научной картины мира», соответственно. При этом, отраженные в языковом сознании наивные представления, как отмечается, не являются примитивными, а, в отдельных случаях, они не менее сложны и интересны, чем научные [Апресян 1995б]. Отмечается, что ЯКМ, может носить ограниченный характер, поскольку не подвергает обязательному отражению в своей структуре абсолютно все элементы окружающей действительности, и, следовательно, не все из них получают отдельную номинацию в условиях конкретной лингвокультуры.

Термин ЯКМ (sprachliches Weltbild) был предложен немецким лингвистом Лео Вайсгербером в 30-е годы XX века, но идея ЯКМ восходит к работам Вильгельма фон Гумбольдта [Гумбольдт 1835], а также теории лингвистического детерминизма Э.Сепира и Б.Уорфа [Уорф 1956]. Представленные труды объединены идеями о том, что языковая система, усваиваемая человеком в раннем возрасте, влияет на его способ категоризации явлений окружающего

мира. Следовательно, национально-специфические особенности языковой системы обуславливают особый способ категоризации действительности. Полагается, что различные языки функционируют в качестве «национальных органов мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985, с.324] и являются промежуточным элементом между сознанием и окружающим миром.

В процессе функционирования в лингвистическом описании возникали различные трактовки данного понятия: продукт сознания, возникающий в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации [Телия 1988, с.189]; отраженное в языке и объективируемое с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей действительности [Караулов 2009, с.161]; отражение способа структурирования и моделирования действительности, характерного для конкретной лингвокультуры [Моисеева 1998, с. 2]; исторически сложившаяся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, а также определенный способ концептуализации действительности. В данной работе используется следующее понимание рассматриваемого термина ЯКМ: концептуальное содержание определенного языка, которое может выступать в качестве коррелята понятия «менталитет» как неосознанной системы взглядов на мир, ценностной ориентации, интернациональности и моделей поведения членов этноса [Радбильт 2006].

В целом, отмечается, что ЯКМ отличается динамичностью и подвержена изменению содержания и структуры под влиянием экстралингвистических факторов.

Концепт как единица лингвокультурологического описания. В процессе концептуализации индивид развивает в сознании концептосферу, необходимую для адекватного функционирования в рамках культуры и общества. Концептосфера представляет собой упорядоченную структуру доминирующих и периферийных концептов, под которыми понимается базовая единица культуры, позволяющая изучать культурную информацию, получившую от-

ражение в языковой системе. Определение концепта носит спорный характер, поскольку единая трактовка данного феномена отсутствует, а объем и содержание термина в различных источниках заметно отличаются. Так, концепт определяется как «значение языкового выражения» [Кубрякова 1996, с. 92], «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997, с. 40] и т.п. В большей степени разделяется точка зрения на концепт как на ментальную репрезентацию объекта в сознании человека, полученную посредством когнитивных операций при взаимодействии с окружающей действительностью.

В современном языкознании рассматриваются два основных подхода для рассмотрения концепта:

а) **КОГНИТИВНЫЙ**, определяющий концепт в качестве ментального образования или когнитивной структуры, включающий разноуровневые единицы сознания;

б) **КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ**, где концептом считается единица сознания или менталитета, и, таким образом, данное понятие сближается с идеей ЯКМ [Киклевич, Камалова 2010, с.34-35].

Большинством лингвистов разделяется мнение о том, что концепт обладает внутренней структурой и организацией, представленной либо исключительно абстрактными, либо абстрактными и идеосинкретичными компонентами, включающими фреймы, гештальты и т.п., которые могут отмечаться и как элементы структуры, находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях, и как смежные категории.

В лингвистических исследованиях термин концепт определяется как базовая единица культуры [Степанов 1997], лингвокультурное [Слышкин 2000б; Карасик 2001], психолингвистическое [Залевская 2001], а также как лингвокогнитивное явление [Кубрякова 1996], последнее из которых считается самым распространенным в отечественном языкознании.

Различают структуру концепта и его содержание, под первым понимают когнитивные признаки, отражающие характеристики концептуализируемого объекта, в то время как под содержанием концепта, имеется ввиду его

полевая организация, представленная ядром, ближней, дальней и крайней периферией [Попова, Стернин 2007, с.80]. Ядро концепта выражено конкретно-образными характеристиками, представляющими результат чувственного познания мира, а производными являются абстрактные признаки, представляющие собой результат научного познания. Поскольку зоны ядра и периферии формируются в результате индивидуального процесса взаимодействия с окружающим миром, соотношение данных областей может отличаться. Объем концепта имеет тенденцию увеличения в результате добавления новых характеристик, оказывая влияние на его структуру.

Языковая система является основой для кодирования самых значимых концептов для индивида, при этом центральные из них кодируются в грамматической структуре, к подобным явлениям можно отнести и способы фиксации гендерных различий в языке, представленные лексическими и грамматическими средствами.

Отличительной чертой в описании лингвокультурологического концепта становится значительное внимание к его ценной составляющей, сформировавшейся в рамках определенной культуры. Рассматриваются особенности неравномерной концептуализации отдельных фрагментов действительности, проявляющейся в различной **номинативной плотности единиц** [термин принадлежит В.И.Карасику], функционирующих в определенном лингвокультурном контексте.

Комбинирование признаков внутри структуры отдельного концепта также является объектом внимания исследователей, поскольку обнаруживает информацию о культурных доминантах поведения, закрепленных исторически сложившимися ценностными ориентирами, принятыми в качестве нормы в соответствующей лингвокультуре [Карасик 2002б].

Таким образом, **лингвокультурный подход к пониманию концепта** состоит в признании его **культурной маркированности**, сформировавшейся в процессе функционирования определенного народа в конкретных культурно-исторических условиях. **Содержательно концепт определяется как не-**

жестко структурированная проекция элементов культуры, фиксирующихся в сознании и отраженных в языке, которая существует в виде смысловой единицы и хранит в себе результат коллективного опыта.

Для лингвокультурологического описания значимым становится рассмотрение языковой модели окружающего мира, представляющей собой субъективное отражение объективной реальности. В фокус исследователей попадают признаки, формирующие ментальное самоопределение отдельной языковой группы и черты, отличающие ее от представителей иных групп. Эти особенности находят выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений, а также в сочетаемости тех или иных значений.

1.1.3. Структура и организация идеализированных когнитивных моделей

Информация в сознании индивида моделируется и хранится в виде **идеализированных когнитивных моделей** (в дальнейшем изложении ИКМ), под которыми понимаются комплексные единицы, состоящие из дискретных отражений признаков [Пушкарев 2015]. Характерной чертой данных моделей является их способность отображать не устройство окружающего мира, но представления индивида и его способ моделирования представлений о нём. Понятие ИКМ относят к одному из основных терминов когнитивной лингвистики, который остается наименее разработанным. **Выделяют 5 типов структурной организации данных ментальных единиц, к ним относят:**

1) пропозициональные модели, представляющие характерные черты исследуемых элементов и отношения между ними, не используя, при этом механизмы создания образности, такие как метафора и метонимия. К разновидностям пропозициональной ИКМ относят пропозицию, сценарий, набор признаков, таксономию и радиальную категорию;

2) **образно-схематические модели**, определяющие схематические образы, связанные с рассматриваемым предметом в сознании индивида, и определяющие их характерные формы либо траектории движения, существенные для взаимодействия индивида и объекта;

3) **метафорические модели**, состоящие в проецировании признаков из пропозициональной или схематической модели в соответствующие структуры иной сферы, создавая существующую лишь в сознании индивида связь между объектами;

4) **метонимические модели**, отличающиеся способностью включать в свою структуру один либо несколько типов ИКМ и связывать таким образом определенные её элементы;

5) **символические модели**, обеспечивающие хранение необходимых знаний о языковой системе [Скребцова 2011, с.107-108].

Пропозициональная ИКМ может быть представлена:

а) **простой пропозицией**, состоящей из доказательств и предиката и служащей основой для создания более сложных посредством таких преобразований, как соединение, дополнение, модификация и т.п.;

б) **пропозицией со структурой сценария**, предполагающей развитие структуры от начального состояния к конечному через определенную последовательность событий;

в) **таксономической пропозицией**, определяющуюся через иерархическую структуру, представленную классическими категориями, где категории разных уровней не могут пересекаться;

г) **радиальной пропозицией**, имеющей четко сформированную центрально-периферическую структуру, таким образом, одна из категорий приобретает статус центральной, а остальные – зависимой;

д) **набором признаков**, представляющим совокупность характеристик, определенное количество которых реализуется в форме классической категории с четкими границами [Lakoff 1987, pp.284-287].

В результате взаимодействия нескольких идеальных моделей образуется структура, порождающая более сложные прототипические эффекты и называемая **кластерной моделью**. Она обладает большей психологической базисностью по сравнению с отдельными, составляющими ее категориями.

Признание связи между языком и мышлением, позволяет обращаться к работам, выполненным в русле психолингвистики, выдвигающим тезис, согласно которому реальный мир не хаотичен, но имеет определенную структуру, представляющую его онтологию, независимо от человеческого сознания. Некоторые категории в результате деления приобретают большую психологическую значимость, чем остальные, в каждой выделяется центр, структурирующий вокруг себя все остальные элементы [Фрумкина 2003 по Э. Рош], подобное расположение элементов в когнитивной лингвистике принято называть **прототипическим принципом внутренней организации**. Разработкой **теории прототипов и естественной категоризации** занимались Дж. Лакофф и Дж. Тейлор. Смежные идеи описаны Р. Лэнкером, в процессе развивая **теории выделенности**, согласно которой человек наделяет функцией субъекта лицо или объект, представляющий больший интерес для строящего высказывание.

1.2. Когнитивные операции концептуализации и категоризации в лингвокультурологических исследованиях

Основными операциями, позволяющими преумножить знания, с точки зрения когнитологии, являются **категоризация**, представляющая собой процесс классификации, основанный на объединении сходных единиц в более крупные разряды или категории, и **концептуализация**, состоящая в классификационной деятельности, основанной на выделении минимальных содержательных единиц человеческого опыта [Кубрякова и др. 1996, с. 93].

1.2.1. Объем и содержание научных понятий «категоризация» и «концептуализация»

Под категорией понимается логически ограниченное явление, членство в котором определяется строгим и однотипным набором критериальных признаков, при этом, все элементы, обладающие определенным набором характеристик, являются членами категории в равной степени [Дзюба 2015, с.51]. Целью категоризации считается вычленение когнитивных классификационных признаков для упорядочивания структуры концептов, хранящихся в долговременной памяти [Маслова 2001].

В большинстве случаев категоризация происходит неосознанно, а значит, наряду с полисемией, она представляет собой проявление принципа экономии когнитивных и языковых усилий, отражая базовые механизмы работы человеческого сознания.

Процессу категоризации предшествуют некоторые когнитивные процессы. К ним относят процесс когнитивной элекции/выбора определенных объектов действительности с целью когнитивной обработки, процесс идентификации и категоризации, предполагающий соотнесение единицы с определенной категорией объектов на основании единых признаков, процесс категориальной номинации, т.е. присвоения объекту познания категориального имени. Далее следует когнитивная языковая интерпретация, опирающаяся на знания, категориально зафиксированные в системе языка и представляющая собой процесс вторичного познания.

Понятие «когнитивной выгоды» связано с процессом категоризации и предполагает, что эффективность использования категории зависит от количества признаков, объединенных в ее структуре, позволяющих экономнее расходовать когнитивные усилия говорящего и слушающего.

В результате когнитивных процессов формируется развернутая система категорий, представленная соответствующими группами концептов: в процессе восприятия индивид наделяет изучаемый объект номинацией, соответ-

ствующей имени концепта и одновременно соотносит данный элемент с одной из существующих в сознании категорий (т.е. категоризация как процесс является необходимым условием для формирования концепта). Таким образом, процессы концептуализации и категоризации являются не тождественными, но взаимозависимыми и не имеют возможности полноценно функционировать изолировано друг от друга.

Изучение данных операций представляет ключевую проблему когнитологии, поскольку признается, что язык играет одну из основных функций в вопросе формирования категориальных и концептуальных структур, в том числе во многом предопределяя параметры ментальной категоризации.

Основными необъясненными процессами, связанными с данными операциями, считают, например, следующие: каким образом индивид подвергает категоризации объекты окружающей действительности и собственного, внутреннего мира, и на основании каких умозаключений независимые элементы обнаруживают принадлежность к одной категории, и каким образом накопленный опыт трансформируется в четкую, пригодную для проведения категоризации, структуру [Кубрякова 2004, с.307].

В отечественном языкознании термин «категоризация» используется в узком и широком значениях. В узком смысле под категоризацией понимают «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории», в широком – это «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов, а также результат классификационной деятельности» [КСКТ 1996, с. 42].

Концептуализация определяется как процесс определения набора когнитивных признаков какого-либо явления реального/воображаемого мира, позволяющих хранить в сознании и пополнять новой информацией очерченное понятие и/или представление о нем, а также отличать его от остальных

феноменов [Дзюба 2015, с.41]. Результатом выполнения данной процедуры является **концепт**.

Природа концепта динамична и невербальна, что позволяет рассматривать его в качестве нежесткой структуры, развитие которой находится не в завершенной стадии, а в непрерывно дополняющейся и видоизменяющейся форме, что свидетельствует о непрерывности познавательной деятельности индивида. Выделяются 2 различные формы существования концепта: в качестве единицы знания и в качестве структуры знания, выраженной посредством языковых структур [Беседина 2010, с.36].

Процесс познания мира индивидом строится на постоянном взаимодействии категоризации и концептуализации: определенный набор элементов может выступать в роли категории только при условии наличия концепта, являющегося базой для их объединения в отдельный класс. Обработывая новую информацию, индивид вовлекается в процедуры вычленения категорий, и выделения концептуальных признаков их элементов.

Внимание к представленным классификационным процедурам свидетельствует о том, что в рамках когнитивной лингвистики в целом, и когнитивной семантики в частности, человеку отводится не пассивная, а активная роль в познании мира, реализующаяся посредством разных видов когнитивной деятельности.

Особую важность на данном этапе исследования представляет: а) изучение того, на основании каких критериев индивид распределяет увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группам [Кубрякова 1999, с.97], таким образом, изучение создания и функционирования категории на всех ее этапах является необходимым для получения научного знания, способного приблизить к четкому пониманию принципов функционирования когниции; б) каковы механизмы, обеспечивающие необходимый уровень стандартизации полученных и интерпретированных знаний для успешного осуществления коммуникативных актов с остальными носителями языка.

1.2.2. Принципы категоризации в современной когнитивной лингвистике

Категоризация рассматривается как когнитивное членение реальности, результатом которого становится деление всего онтологического пространства на категориальные области и структурирование окружающего мира посредством установления иерархических отношений типа «класс – член класса» [Маслова 2004, с.15].

В современной КЛ выделяют следующие основные принципы категоризации:

1) **принцип прототипичности** фокусируется на описании прототипов, имеющих наиболее характерные признаки категории [Rosh 1978], что приводит к структурному членению на более или менее соответствующие категории прототипические элементы, первые из которых определяются термином точка когнитивной референции и получают особый когнитивный статус;

2) **принцип учета нестрогости категорий**, представляющий возможность добавления новых членов, поскольку данный процесс обусловлен когнитивными способностями человека. Принцип демонстрирует нетождественность категоризации научной и «обыденной» картин мира, отличающихся переоценкой статуса отдельных членов и изменением структуры;

3) **принцип множественности и разнообразия оснований категоризации**, предполагающий, что процесс категоризации является глубоко индивидуальным процессом, варьирующимся в зависимости от различных факторов, влияющих на индивида [Фрумкина 2003, с.77], таких как, например, вхождение в культуру;

4) **принцип градуированности**, применяющийся при необходимости выделения более или менее существенных признаков объекта, предполагает, что различие между бытовым и научным понятиями представлено в степени

существенности отражаемых признаков, а также в степени проникновения в сущность отражаемых предметов [Головин, Кобрин 1987, с.39];

5) **принцип континуально-когнитивной относительности**, состоящий в наличии существенных отличий в составе, организации и границах разных сфер человеческого знания, учитывающий различия бытовой и научной картин мира, что позволяет утверждать идею о различных вариантах концептуализации и категоризации окружающей действительности;

6) **принцип пересекаемости категориальных структур**, обуславливающий возможность соотнесения определенного объекта действительности с различными категориями;

7) **принцип статичности и принцип динамичности категориальных структур**, основывающийся на возможности/невозможности членов категории присоединять к своей структуре новые элементы, а также вероятности перехода ее членов в состав иной структуры или присутствие в составе нескольких категорий одновременно;

8) **принцип вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании** основывается на идее доминирующей роли индивида в процессе категоризации, обусловленной индивидуальным опытом, социальным и культурным контекстами, гендерными различиями восприятия и т.п.;

9) **принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории** обусловлен наблюдениями ученых за корреляцией представленных видов категориального происхождения. Категории с онтологической природой имеют более четкую структуру и границы, в то время, как категории с лингвоментальным происхождением отличаются более варьирующейся организацией структуры;

10) **принцип иерархичности**, проявляющийся в субкатегоризации членов категории, т. е. объединении элементов в более мелкие группы на основании наличия одного из частных категориальных признаков. Отмечается, что принцип иерархичности не тождественен принципу градуированности,

несмотря на то, что в отдельных исследованиях использование данных терминов пересекается [Дзюба 2015, с.83-86].

Несмотря на сложность и многоаспектность категоризации как когнитивного процесса и значительного количества принципов, регулирующих её функционирование, отмечается, что одним из важнейших с точки зрения процесса восприятия остается тот факт, что категориальное членение окружающего мира не является самоцелью индивида в процессе обыденного познания и носит характер неосознанно выполняемого действия, что во многом обуславливает универсальность данного процесса.

1.3. Когнитивные модели зоометафоры в лингвистической гендерологии

Целый ряд гендерных исследований вызван научным интересом к этнокультурным особенностям гендерных представлений в контексте общих глобализационных процессов, а также способам гендерной идентификации на конкретном языковом материале.

1.3.1. Категория гендера в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом освещении

С точки зрения практической значимости, рассмотрение общих и культурно-специфичных гендер-конструирующих признаков может послужить созданию необходимого диагностического инструмента для проведения гендерных исследований в различных научных областях.

С позиций теоретической значимости, изучение гендер-конструирующих признаков способствует выявлению основных тенденций изменения гендерных установок общества.

Социальная природа гендера как социокультурной и, соответственно, понятийной категории объясняет высокую степень влияния социума на языковые проявления гендера, варьирующегося не только при сравнении в раз-

ных культурах, но и в разных социальных группах внутри одной нации. Так, в результате проводимых исследований было выявлено, что наименьшая степень проявления гендерных различий фиксируется у лиц с высшим образованием, занятых в сфере интеллектуальной деятельности [Горошко 2002].

Термин «гендер», номинирующий в английской грамматике категорию рода, был заимствован нелингвистическими науками, такими как философия, политология, социология и т.п., ввиду чего расширил и изменил свое первоначальное значение. Позднее термин вернулся в сферу описания наук, связанных с языкознанием, где до настоящего момента используется параллельно с первоначальным значением (в англоговорящих странах).

В лингвистических исследованиях термин *гендер* появился в 80-е годы XX в., т.е. несколько позже, чем в других гуманитарных науках. Его использование связано с именем американского психоаналитика Роберта Столлера, в работах которого разграничены понятия биологического и социального полов: изучение пола (*sex*) считается предметной областью физиологии, одной из основных ветвей биологии, в то время как гендер (*gender*) является предметом исследований в психологии и социологии, а также в смежных областях гуманитарного знания. Введение *категории гендер* в исследовательский аппарат лингвистического описания позволило обнаружить новые перспективные направления анализа различных аспектов языка.

Современные научные направления гуманитарного цикла определяют гендер как социальный пол, противопоставляя его понятию пола биологического. В отечественных и зарубежных источниках акцентируется, что данная категория имеет в фокусе своего рассмотрения социально обусловленное поведение человека и то, как оно воспринимается обществом. Значительное количество интерпретаций термина свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии единого понимания представленного феномена, с другой – об активной разработке данного вопроса и становлении лингвистической гендерологии.

Гендер определяют как конвенциональный идеологический конструкт, аккумулирующий представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в определенной культуре [Гриценко 2005, с. 6]. Таким образом, внимание фокусируется на социально-культурной, а не природной доминанте пола [Кирилина 1999а]. В данной работе рассматриваются зоометафоры, отражающие представление русскоговорящих носителей культуры о том, что принято в качестве гендерно-обусловленной нормы поведения.

С приходом новой научной парадигмы языковые способы реализации категории *гендер* привлекли внимание исследователей из разных областей лингвистического знания. Актуальной проблемой гендерологии считается вопрос о соотношении биологических, психологических, социальных и культурных факторов, определяющих конструирование гендерной идентичности в языке и речи, а также то, каким образом проявление гендерной маркированности в языке обеспечивает прирост экстралингвистических данных о принципах работы человеческого сознания.

В качестве перспективных направлений описания гендера выделяют социолингвистическое, коммуникативно-дискурсивное и лингвокультурологическое направления. Заметим, что последнее направление является основой для проводимого исследования. В контексте лингвокультурологического описания приоритетным аспектом изучения становится рассмотрение процессов языкового проявления мужественности и женственности на материале определенной лингвокультуры, также вопрос конструирования гендерных различий.

Внимание исследователей привлекает специфика мускулильных и феминных стереотипов, принципы выделения базовых дифференциальных компонентов значения, типичных для определенной лингвокультуры, а также их функционирование в различных языковых системах. Отмечают случаи формирования гендерной оппозиции, не зависящей от биологических признаков объектов, так, например, в английской ЯКМ на основании выражений *henparty* — *stag party* можно выделить оппозицию *hen* (курица – женщина) —

stag (молодой олень – мужчина), которая актуальна только в условиях данной культуры. Популярность данных образов, закрепившихся в сознании людей в качестве маркеров пола, привела к образованию единицы hag (h(en) + (sta)g), обозначающей мероприятие, в котором принимают участие представители обоих полов. Примеры подобных культурно-обусловленных гендерных оппозиций существуют во многих культурах: в Китае — тигр и феникс, в России — лиса и медведь или волк и т.п.

Гендер как категория отражает когнитивные признаки, формирующие понятия мужественности и женственности, проявляющиеся в сознании носителей определенной ЯКМ. В процессе анализа лексикографических источников и корпусных данных выявляется, что степень **андроцентричности языка и речи, как правило, не являются** равной. Под **андроцентризмом** понимается культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность к единой норме под знаком маскулинной маркированности, репрезентируемой как универсальная объективность. В языке отражается картина мира, основанная на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта и с точки зрения мужской перспективы, в то время как иные субъективности репрезентируются в качестве подварианта нормы. Андроцентризм — это не только взгляд на мир с мужской точки зрения, но представление мужских нормативных жизненных моделей в качестве единой универсальной социальной нормы [СГТ]. Этот факт подтверждается слиянием во многих языках понятий «человек» и «мужчина», выражаемых одним словом и использованием мужских форм для обозначения лиц обоих полов на английском **a man**, немецком **der Mann**, шведском **mannen**, болгарском **мъж**, украинском **чоловік**, польском **meżczyzna**, итальянском **uomo**, грузинском **ჯგო**, китайском 人 и т.п.

Незначительное количество единиц, обозначающих лиц мужского пола, объясняется процессом «слияния» мужской категории с фоном, считающимся нормой, и, как результат, сменой членов языковой оппозиции, где

единицы, маркированные женским полом, противопоставляются не только элементам, обозначающим лиц мужского пола, но и человеку вообще [Гриценко 2005, с. 247]. Следовательно, в бинарной оппозиции *«женщина – мужчина»* происходит замена компонентом, представляющим меньшую по количеству ограничений категорию *«человек»*, что приводит к видоизменению изначальной структуры: *«женщина – мужчина»* → *«женщина – человек»*.

Тенденция языкового андроцентризма не носит абсолютно универсальный характер. Исследования М. Хардман по реконструкции языка южноамериканских индейцев джака свидетельствуют о том, что роль женщин как в языке, так и в обществе, не считалась второстепенной на фоне мужчин, а категория рода могла быть заменена на другую, не менее значимую, по-иному отражающую мир. На основании этого был сделан вывод о различной степени андроцентричности языков и культур [Кирилина 1999 а, с. 106].

Прирост нового знания в области лингвистической гендерологии обеспечивается анализом соотношения и взаимного влияния лингвистической категории рода и экстралингвистической категории пола. Особенно эффективным рассмотрением гендера в качестве социального конструкта считается в области **политического, рекламного и криминалистического дискурсов**, где обнаруживается необходимость гендерной идентификации текстовых фрагментов, построении рекламных текстов, выступлений политиков с учетом гендерных особенностей восприятия информации, полученных из анализа конструирования **гендерной идентичности и т.п.** Под гендерной идентичностью понимается одна из подструктур социальной идентичности, характеризующая личность с точки зрения усвоенных ею представлений о роли и положении мужчины и женщины в обществе [Сеченова 2012, с. 86].

Тексты, построенные с учетом гендерных особенностей, являются **наиболее эффективными с точки зрения их прагматического потенциала**. Полагается, что в текстах научных жанров происходит намеренное нивели-

рование гендерных маркеров и смещение стиля представления информации в сторону андроцентричного, ввиду особенностей научного изложения.

В настоящем исследовании на основе работ по гендерологии принято следующее рабочее определение. Под гендером как категорией понимается некоторый объем лингвокультурологических знаний об общепринятых гендерных референциях, рассмотренных посредством суммы их языковых проявлений в конкретном культурном контексте в определенный период времени.

Для уточнения содержания *гендера* как когнитивной категории необходимо определить набор концептуальных признаков. Для этого целесообразным считается применение метода *концептуального анализа/когнитивной интерпретации*, состоящего в смысловом обобщении результатов описания значений языковых единиц с целью выделения когнитивных признаков, репрезентированных в языковых компонентах [Стернин 2004, с. 65]. Отсутствие единства в технике выполнения процедуры данного анализа свидетельствует об отсутствии универсальной модели его выполнения. В целом, выделяют два подхода, базирующихся на традиционном лингвистическом делении и представляющих возможные способы реализации процедуры:

а) **отсистемный подход**, состоящий в лексикографическом анализе единиц, объективирующих исследуемое явление, определении ключевых слов, построении поля и т.п.;

б) **оттекстовый подход**, основывающийся на анализе посредством изучения художественного текста, рассмотрения контекстов ключевых слов, авторской интерпретации и т.п. [Фещенко 2005].

Исследования последних лет обнаруживают тенденцию к объединению представленных подходов с целью получения более полной исследовательской картины и точного выделения ККП для последующей категоризации как когнитивного процесса.

Варьирующееся понимание сущности данной категории приводит к различным подходам, используемым для ее анализа и описания. К ним относятся:

а) **социолингвистические** гендерные исследования, рассматривающие особенности коммуникативного поведения людей разного пола;

б) **психолингвистические**, изучающие гендерно-маркированные ассоциации и моделирование гендерной концептосферы;

в) **лингвокультурологические**, рассматривающие конструируемые в языке представления о мужественности и женственности [Картушина 2003].

Выделяют когнитивный аспект изучения различий, проявляющихся в использовании языковой системы с целью построения целостных лингвистических моделей когнитивной языковой категоризации [Колосова 1996].

Исследование гендерного параметра в языке позволяет описать, как и с чем отождествляет себя индивид, функционируя в социальной системе, а также проследить, какие ограничения накладываются на его поведение при помощи закрепленных в языковой системе параметров.

Важность данного феномена как категории объясняется тем, что формирование индивида невозможно без усвоения гендерно-предписанных принципов функционирования человека в обществе, формирующих сознание, через принятие языковых норм и зафиксированных в них стереотипов.

1.3.2. Гендерные аспекты категоризации и перекатегоризации

Гендер как значимый антропо-ориентированный параметр оказывает влияние на когнитивные процессы категоризации и перекатегоризации в структуре сознания индивида. Транзитивные процессы, происходящие в современной социальной сфере, могут повлечь за собой изменение в структуре имеющихся гендерных категорий путем выделения новых субкатегорий, ко-

торые имеют шансы, закрепившись в сознании носителей культуры, перейти в языковую структуру.

До недавнего времени можно было утверждать, что, с точки зрения гендерной характеристики, «человек» представляется исследователям в виде двучленной категории с закрытой структурой (м.р. v.s. ж.р.). Однако, появление новых феноменов в социальной сфере, может повлиять на представление гендерного параметра как категории и изменить ее состав за счет выделения новой субкатегории. Так, недавние изменения в социальной структуре общества повлекли за собой преобразования в представлении гендерного параметра в языке. Трехчастная гендерная оппозиция, функционирующая до этого только в условиях грамматического описания предметов окружающего мира, имеет тенденцию рассматриваться как один из возможных вариантов для описания человека.

Гендерный параметр в языке, обладая ограничивающей функцией, в настоящее время характеризуется намеренным размытием границ (вызванным активным распространением феминистических течений), затрудняющим отнесение лексических единиц к одной из подгрупп гендерной оппозиции, что приводит к нетрадиционным способам сочетаемости маркированных единиц (*например: он домохозяйка*). При этом, появляясь и фиксируясь в языке как отражение социальных изменений, подобные сочетания становятся средством формирования общественного сознания, закрепляя данные нововведения.

Можно предположить, что социальный контекст и патриархальный строй общественной иерархии, существующий в рассматриваемой культурной традиции, не способствует кардинальному преобразованию гендерной категории. Однако, нельзя исключать, что подобные единицы, номинирующие отличные от традиционных гендерных норм формы поведения, могут быть заимствованы из иных языков, более подверженных изменениям в лексическом составе языка **под влиянием идей гендерной толерантности.**

Рассмотрение гендера как категории невозможно без **внимания к лингвокультурологическим аспектам**, поскольку данная категория развивается под заметным влиянием культурного фактора, определяющего возможный объем и свободу ее варьирования. Гендерная категория, являясь общим антропоцентрическим параметром, представлена различающимися по объему и соотношению элементов структурами в европейском и восточном обществе. Это объясняется варьированием набора прототипов в разных культурах в зависимости от понимания категориальных стереотипов.

Культурная специфичность как один из компонентов, значимых для построения гендерной идентичности, представляет интерес для изучения данного параметра в языках различных культур. Подобные исследования позволяют обнаружить культурно-обусловленные факторы гендерного конструирования языковой системы, определяющие взаимоотношения внутри представленной оппозиции и дают возможность выделить культурно-универсальные и этноспецифические компоненты значения маркированных единиц. Это приобретает особую значимость в случае необходимости установления контакта с представителями другой культуры, во избежание возможного ненамеренного употребления единиц, обладающих культурно-специфической инвективной интенцией.

Процесс категоризации, влияющий на интерпретацию основных гендерных, социальных или этнических факторов, имеет тенденцию усложняться по мере аккультурации и социализации индивида. Содержание и объем «гендера» как категории не остается фиксированным с течением жизни индивида, представляя собой более ограниченную и однородную по набору признаков категорию в детстве и более сложную и дробную в зрелом возрасте.

Резюмируя, можно отметить, что единая трактовка термина «гендерная категория» отсутствует, поскольку терминологическая система лингвистической гендерологии находится в стадии становления, переживая период ак-

тивного развития, что отражено в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей.

С точки зрения КЛ, важным становится тот факт, что, с одной стороны, языковая система способна отражать структуры знания, зафиксированные группой носителей языка в коллективном сознании, с другой – обеспечивает преемственность накопленной информации, позволяя выражать ее через существующие структуры концептуализации окружающей действительности. Данный факт имеет влияние на организацию социальных гендерных отношений, корректируемых правилами неформальной логики, закрепленных в сложившейся языковой системе.

Концептуальная интерпретация категории позволяет получить значительное количество данных, обработка которых лингвистическими и смежными науками может сделать доступными и обозримыми **гендерно-обусловленные когнитивные структуры**, а также способ концептуализации окружающей действительности в той его сфере, где непосредственно представлено социальное взаимодействие полов.

Существование в обществе вне референции с гендерной категорией невозможно, она закрепляет за индивидом позицию внутри определенного класса, там самым детерминируя способ его функционирования и модель взаимоотношений с элементами остальных классов, представленных в данной культуре.

1.3.3. Гендерная метафора с зоокомпонентом как модель категоризации

Известно, что метафора обладает не языковой, а концептуальной природой [Арутюнова, 1990]. Как познавательный процесс, она описывается в работах Э. Маккормак [Маккормак 1990], Э.В. Будаева [Будаев 2007], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1996], Т.Г. Скребцовой [Скребцова 2002] и некоторых других.

Развитие и укрепление когнитивно-дискурсивной парадигмы привело к возможности нового ракурса научного описания процессов метафоризации. К значимым для данной сферы вопросам относят рассмотрение метафоры как источника информации о структуре и основных принципах ненаблюдаемых процессов мышления.

Выделяют несколько подходов, наиболее часто используемых для исследования концептуальной метафоры: классическая теория концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 1990], теория концептуальной интеграции [Fauconnier 1999], дескрипторная теория метафоры [Баранов, Караулов 1991], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchie 2004], теория первичных и сложных метафор [Gradyetal 1996] и некоторые другие.

Полагается, что концептуальная метафора является прямым последствием такого процесса мышления, как **КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС**, под которым понимается когнитивное действие, в основе которого лежит потребность вписать неизвестное явление в область известного, происходящее под влиянием внутреннего конфликта [Фрумкина 2003].

С точки зрения когнитивной лингвистики, значимым для понимания концептуальной метафоры является понятие проекции, предопределяющее присутствие систематического метафорического соответствия между родственными идеями, и связывающие доструктурированные области информации с определенным способом представления знания. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия структур знаний двух концептуальных областей: сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain), в процессе метафорической проекции (metaphorical mapping) которых структурируется опыт взаимодействия человека с окружающим миром. Согласно гипотезе инвариантности (Invariance hypothesis), метафорическая проекция сферы-источника может частично проецироваться на структуру сферы-мишени и влиять на ее концептуализацию [Lakoff 1990, Turner 1990].

Современное понимание концептуальной метафоры рассматривает ее как ментальную операцию, осуществляющую процесс познания посредством категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Таким образом, она представляет собой проявление возможностей человеческого разума, изучение которых позволяет получить доступ к непосредственно ненаблюдаемой деятельности сознания. Это представляется возможным, поскольку языковая система рассматривается современными учеными как источник информации о когнитивных структурах человеческого сознания, а исследование принципов работы сознания через языковую призму является приоритетной задачей когнитивной лингвистики на современном этапе.

В ряде работ наблюдается размытие семантики значений концептуальный и когнитивный и, как следствие, немотивированное употребление данных единиц. В западном языкознании, где изначально появились рассматриваемые термины, они дифференцируются в соответствии с принадлежностью к двум различным уровням головного мозга: **когнитивная метафора** относится к уровню нейрофизиологической активности и, таким образом, связана с активацией нейронных связей, в то время как **концептуальная метафора** соотносится с уровнем мышления, деятельность которого реализуется в умозаключениях индивида [Lakoff, Johnson 1999, pp.45-59]. Считается, что **концептуальная зоометафора функционирует в языке посредством ее реализации — лингвистической метафоры.**

Концептуальные метафоры представляют собой «неотъемлемую часть культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1990], а их функционирование в языке настолько естественно, что чаще всего происходит неосознанно. При этом гендерная концептуальная метафора в лингвокультурологическом описании – это способ осмысления и конструирования представлений о гендерных различиях в рамках отдельной культуры. Следовательно, концептуальная метафора проявляется не только с позиции своего гносеологического потенциала, но и с точки зрения проявления манипулятивной функции, влияющей на формирование общественного сознания.

Система общих концептов делает возможным интерпретацию гендерной зоометафоры членами отдельно взятого культурного сообщества, но затрудняет процесс коммуникации за его пределами.

1.3.4. Негативно-оценочный потенциал гендерной зоометафоры

Антропоморфные метафоры с зоокомпонентом для обозначения лиц мужского и женского пола функционируют в языковой системе длительное время, что отражается в сложной структуре их значений, характеризующейся постепенным наслаиванием идиоматических приращений. За этот период были определены некоторые особенности данного вида лексики в русской ЯКМ: 1) стереотипность; 2) устойчивость; 3) выраженная негативная направленность; 4) частотность; 5) доминирование семантического поля «глупый» [Огдонова 2000, с. 185].

Исследование обнаруживает, что значительная часть рассматриваемого материала представлена единицами, содержащими аксиологический компонент значения, который:

1) легко понимается носителями языка, и, в большинстве случаев, не доступен для декодирования людям из иной культурной традиции, что говорит о ее выраженной **этно-культурной природе** (*голубка, соколик, саврас, селедка*);

2) изменятся в зависимости от окружающего контекста, приводит к **переменной актуализации и деактуализации аксиологического значения** (*петух, собака*).

Для анализа изменений аксиологической структуры единиц, представляющих гендерную категорию в национальном сознании, необходимо обратиться к рассмотрению оценочного компонента, выраженного посредством **лексического и коммуникативного значений**. На основании полученного материала можно говорить о **формировании интегральных и дифференци-**

альных сем, определяющих признаки, которые конструируют подкатегории «мужчина и женщина», а также обозначают тенденцию их развития.

С точки зрения рассмотрения **аксиологического компонента** выделяют **переменные и постоянные категории**, ввиду того, что их оценочная составляющая подвержена значительным варьированиям в зависимости от изменений преобладающей идеологии, культурного контекста и т.п.

Инвективная реализация аксиологического потенциала гендерной зоометафоры. В русле аксиологической лингвистики в отечественном языкознании активно развивается эмотиология – научное направление, сформировавшееся на стыке лингвистики и психологии и изучающее связь языка и эмоций. Данной тематике посвящены работы В.И. Шаховского [Шаховский 1995], З.Е. Фоминой [Фомина 1996], Э.С. Азнауровой [Азнаурова 1973], А.Вежбицкой [Вежбицкая 1997] и многих других. Длительное время вопрос необходимости и целесообразности изучения взаимосвязи данных явлений оставался открытым, а фокус лингвистического описания смещался в сторону рассмотрения когнитивного аспекта без включения эмоциональной составляющей. После XIV Международного конгресса лингвистов в Берлине отношение к данному вопросу поменялось, эмоции как психологический феномен, точнее, различные аспекты их вербализации, были включены в ряд центральных лингвистических вопросов.

К актуальным проблемам данной области знания, значимым для настоящего исследования, можно отнести:

- 1) формирование эмоциональной ЯКМ как составляющей ЯКМ;
- 2) изучение культурно-обусловленной специфики вербализации эмоций;
- 3) рассмотрение проблемы номинации совпадающих эмоций в различных языковых системах;
- 4) влияние эмансипации эмоций на языковые процессы [Ионова 1998; Шаховский 1995].

Отмечается, что рассмотрение инвективной лексики является значимым в свете функционирования и развития судебной лингвистической экспертизы, поскольку имеется необходимость соотношения конфликтной речевой ситуации с нормами права. Данная проблема осложняется возможностью субъективного восприятия и интерпретации факта оскорбления инвектором и инвектумом. Следовательно, детальное изучение речевого и языкового инвективного потенциала рассматриваемых единиц может послужить идее создания универсальной шкалы инвективности [Голев 2000]. В настоящее время основаниями для вынесения юридического обвинения могут быть адресное публичное высказывание, несущее намеренное желание оскорбить посредством оценки внешности, деятельности или иных объектов, напрямую связанных с инвектумом.

Считается неоспоримым наличие выраженной инвективной интенции у антропоморфной гендерно-маркированной зоометафоры, функционирующей в русской ЯКМ (*кобыла, коза, выдра и т.п.*). Инвективный характер данных единиц эксплицируется сложнее, чем в исконно пейоративных словах, и может варьироваться. Следовательно, установить наличие/отсутствие инвективной интенции представляется не всегда возможным ввиду не совпадения элементов языковой и речевой семантики, проявляющих значительное варьирование в реализации данного признака. Среди обязательных аспектов рассмотрения в области юрислингвистики выделяют необходимость оценить изменение коэффициента инвективности в зависимости от таких параметров инвектума, как: 1) гендер, возраст и т.п.; 2) соотнесенность с определенной социальной группой; 3) ситуация и контекст употребления [Голев 2000]. Рассмотрение данного рода единиц становится актуальным в свете такой тенденции современного русского языка, как огрубление речи [Крысин 1996], что приводит к утрате духовно-нравственных ценностей, изменению культуры общения и трансформации принятых норм поведения.

Значительное количество рассмотренных вопросов (средства обозначения эмоций, категоризация эмоциональных явлений, синтаксические способы

репрезентации эмоций и т.п.) говорит о сформированности и самостоятельности данной области знаний. Некоторые аспекты получили чуть меньшее научное освещение к настоящему моменту. Так, в свете активного развития лингвистической гендерологии представляется целесообразным рассмотреть вопрос гендерной маркированности инвективных употреблений и описать когнитивные признаки, лежащие в основе аксиологических высказываний, в целом исходя из их соотнесенности с определенным родом в отдельно взятой лингвокультуре. Отмечается, что изучение инвективной лексики дает возможность получить доступ к структуре оценочных параметров культуры, поскольку анализируемые единицы содержат семантические компоненты, номинирующие наиболее порицаемые на национальном уровне антропные характеристики. Даже в случае совпадения зоообразов и их инвективного потенциала в нескольких культурах, может произойти неверная интерпретация когнитивных признаков структуры.

В качестве краткой иллюстрации можно рассмотреть инвективы *козёл* в русском языке и *goat* в английском. Представленные метафоры имеют параллельные значения в случае номинации человека – кто-то, на кого несправедливо перекладывает вину за происходящее. Однако, присутствует некоторое различие в одном из лексико-семантических вариантов, проявляющееся в национальном компоненте значения. В русском языке – человек, вызывающий раздражение, неприязнь, но в английском – распущенный, развратный человек (скорее, соответствует русскому *кобель*). Пример из практики политического общения свидетельствует о важности прагматического аспекта в процессе употребления инвективных зоометафор в ситуации межкультурного общения. На одной из встреч В. В. Путина и Т. Блэра президент Российской Федерации процитировал фразу чеченских террористов «Аллах над нами, козлы под нами», однако фраза (с переводом «козлы→goats») не произвела эффекта, аналогичного тому, который создавался у носителей русской лингвокультуры, а премьер-министр и иностранные журналисты были озадачены

дословным переводом (пример заимствован у М. Д. Бузаджи [Бузаджи 2006]).

Отмечается, что для создания инвективной единицы может использоваться зообраз, обладающий несколькими когнитивными признаками. Некоторые из них проявляют возможность развития аксиологической амбивалентности (термин Кузнецовой Н. В. [Кузнецова 2014]). Носитель языка, выступающий в роли инвектора, апеллирует к одному из традиционных для данной культуры признаков зообраза, а реципиент (инвектант – в случае присутствия инвективной интенции) расшифровывает коммуникативное намерение говорящего, опираясь на имеющийся лингво-культурологический языковой опыт. Так, например, зооморфная метагендерная метафора *ишак* может выражать положительную оценку описываемого лица, реализовывая значение **«много работающий человек»**: *Всю жизнь работаю, как ишак, и только тех люблю, кто работает, как ишак [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]*, или функционировать в качестве единицы со значением **инвективного обращения**: *Их, ишак ты отвязный, мурза татарская, обучала сама мадам Ахаль, в какие позы становиться, дабы мужчине наибольшее удовольствие доставить [Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)]*; — *Вставай, я тебе говорю, ишак кавказский, идиот осетинский! [А. И. Куприн. Яма (1909-1915)] [НКРЯ]*. Очевидно, что анализ зообраза, реализующего подобную интенцию, не может производиться без внимания к компонентам значения, присутствующим не только в языковой, но и речевой семантике.

В целом, можно отметить, что изучение **инвективных гендерно-маркированных значений** представляется перспективным и прагматически востребованным не только для лингвистического описания, но и для ряда наук культурологического и социологического плана.

1.3.5. Национальная и культурная обусловленность гендерной зоометафоры

Зоометафоры представляют собой богатый материал для рассмотрения с позиции эксплицирования национально-обусловленного компонента значения ввиду долгого присутствия данных единиц в системе языка и их частотного использования. Изучение переносных значений на основе немотивированных действий/свойств объекта раскрывает специфические, сформированные в данной культуре представления. В результате смещения ментальных пространств (термин Ж.Фоконье) «человек» и «животное», происходит проецирование характерных признаков одного объекта на другой. Самые частотные из актуализируемых значений выражают наиболее важные явления для носителей конкретной культуры.

Метафорическая модель «человек – это животное» является одним из способов концептуализации окружающего мира, в целом, и кодирования национально-специфической информации, в частности. Модели «мужчина – это животное» и «женщина – это животное» дополнительно кодируют сведения о том, что является приемлемым/неприемлемым относительно лица определенного рода с позиции данной культуры. Под когнитивной моделью понимается типичный способ соотнесения некой когнитивной информации, представления или идеи с некоторым явлением языка (лексико-семантической группой единиц, грамматической категорией, синтаксической конструкцией, фразеологизмом, и т.п.).

Необходимым условием для декодирования заложенного смысла является наличие достаточной языковой и культурной компетенции интерпретатора.

Национальный характер использования антропоморфной метафоры проявляется в специфическом выборе зоообразов для передачи частотно-реализуемых компонентов значения метагендерной и гендерно-маркированной сочетаемости. Так, например, зоообраз «заяц» имеет тенден-

цию использоваться в европейских культурах для обозначения отрицательных характеристик человека (рус. заяц – безбилетный пассажир, англ. hare-brained – глупый человек, нем. einheuriger Nase – неопытный человек, фр. mémoire de lièvre – плохая память и т.п.). В восточных культурах, напротив, в основу метафорического переноса кладутся такие признаки, как грациозное движение и мудрость.

Самую распространенную семантическую структуру идиоматических значений демонстрируют единицы, номинирующие животных, характерных для данного культурного контекста, или наиболее одомашненных человеком (*кобыла, козел, щенок и т.п.*). Единицы, представляющие экзотических существ, с позиции носителей данной лингвокультуры, чаще определяются одним переносным значением или их полным отсутствием (*зубр, антилопа, койот и т.п.*). Под лингвокультурой в данной работе понимается проявление культурно-специфической информации, закрепленной в языковом знаке, которая выступает в качестве отдельного предмета описания.

Метафоры, построенные по модели «мужчина/женщина – это животное», отражают представление носителей языка о том, что принято в качестве гендерно-обусловленной нормы поведения в рассматриваемом обществе. Данные единицы представляют интерес с позиций когнитивной лингвистики с целью определения того, каким образом в сознании человека отдельной культуры отражаются гендерно-маркированные единицы, а также, чем обусловлена связь между выбираемыми образами и категорией биологического пола.

Для русской ЯКМ характерно обозначать лицо женского рода при помощи орнитологических зоообразов (около 40% от всех феминно-маркированных единиц) голубка, лебедь, ласточка в функции ласкового обращения, обозначающего кроткую, смиренную или красивую девушку/женщину. Среди единиц, обозначающих объекты мужского пола, основными характеристиками, обнаруженными в процессе анализа лексикографи-

ческих источников, являются «грубость в поведении» и «грубое отношение к женщинам» [Гулик 2014].

Функционирование русской ЯКМ демонстрирует особое использование феминно-маркированного зоообраза для выражения инвективной интенции, чаще всего в адрес лица мужского пола (курицын сын, сукин сын). Факт использования феминного образа для реализации подобного значения свидетельствует о закреплённом в национальном сознании носителей языка представлении о неравной значимости лиц мужского и женского пола.

Наличие метафор, построенных по единой модели «человек – это животное», во всех лингвокультурах, говорит об их высокой антропоцентрической значимости, а возможность достижения языковой компрессии в процессе реализации целого комплекса характеристик делает их частотным средством концептуализации окружающей действительности, реализовывающим принцип экономии языковых усилий.

1.4. Обоснование концепции исследования

Диссертационное исследование основано на теоретических принципах:

- 1) изучение концептуальной метафоры как базового принципа работы сознания, реализующего познавательную деятельность человека [Лакофф, Джонсон 1990; Радби́ль 2010; Болдырев 2012];
- 2) рассмотрение «гендера» как категории, объективирующей устойчивые способы конструирования и осмысления маркированных метафорических моделей [Кирилина 1999 а, Халеева 1998, Горошко 2003].

Методологическая основа базируется на проведении процедуры концептуального анализа и реализации модели изучения языкового менталитета [Карасик 2005, Попова, Стернин 2007, Пименова 2005, Радби́ль 2011 и 2012];

В качестве материала исследования выступают языковые антропоморфные зоометафоры и их речевая реализация, рассмотренная на массиве данных Национального корпуса русского языка, анализ контекстов которого позволяет получить достаточную информацию о функционировании и трансформировании гендерного параметра в анализируемой ЯКМ. Так, представляется возможным обнаружить изменения семантической структуры, аксиологического компонента и гендерной референции зоообразов, функционирующих в качестве реализации моделей «человек/мужчина/женщина – это животное».

Комбинирование семантического и концептуального анализа позволяет получить более полное описание единиц, представляющих рассматриваемую категорию, таким образом достигается уточнение актуального значения гендерно-маркированных единиц и выделение единых концептконструирующих признаков, значимых для формирования данного вида категоризации [Кубрякова 1991].

Общей тенденцией, отражающей вектор развития многих лингвистических исследований последних десятилетий, является интерес к изучению связи между языком, сознанием и национальным менталитетом. В поле зрения исследователей попадают лингвокультурные феномены, аккумулирующие имеющийся культурно-исторический национальный опыт восприятия мира.

Рассмотрение национально-специфической категории «гендер» на материале русского языка, исконно функционирующего в условиях патриархальной культуры, представляется значимым с позиции объединения знаний о трансформации категории, переживающей на данный момент в большинстве европейских языков процесс активного реформирования под влиянием течений феминистской лингвистики.

Исходя из вышеизложенного, можно смоделировать следующую процедуру выявления и описания гендерно-маркированных компонентов значения и особенностей их функционирования на рассматриваемом материале:

1. Произвести анализ зоообразов, реализующих гендерно-маркированные значения средствами конкретной языковой системы. Выявить основные признаки, доминирующие в конструировании феминно- и маскулинно-маркированных единиц.
2. Проанализировать контексты НКРЯ на предмет совпадения/изменения гендерной референции между зафиксированным языковым значением и его частотной реализацией в речи. Сравнить объем и структуру семантической организации языковых и речевых гендерно-маркированных зоометафор.
3. Рассмотреть функционирование зоообразов, обнаруживающих наличие антропоморфного значения, не фиксирующегося в лексико-графических источниках.
4. При помощи корпусных менеджеров дополнить описание рассматриваемых гендерно-маркированных единиц и гендерно-маркированных пар анализом элементов контекста с целью уточнения их культурно-специфического значения.
5. Проследить способы реализации аксиологических компонентов речевого значения на основании их гендерной референции.
6. Обозначить хронологические границы встречаемости самых частотных зоообразов, функционирующих в роли гендерно-маркированного обращения.

Выводы по содержанию I главы

Обращение научного сообщества к антропоцентрической парадигме знания сделало возможным и эффективным рассмотрение гендерной категории в качестве источника эксплицирования лингвокультурологической информации о приемлемых способах проявления гендерной идентичности в контексте рассматриваемой культуры.

Задачей, определяющей направление развития идей когнитивной семантики, является выведение принципов функционирования когнитивных процессов с опорой на рассмотрение языковых операций, а также взаимного влияния языковых форм и сознания. Когнитивная семантика не отрицает логический подход в процессе описания явлений, но фокусируется на когниции как единице, представляющей все виды полученного знания.

Многочисленные немотивированные использования терминов «концептуальный» и «когнитивный», изначально демонстрирующими расхождение в содержании значения с их западными прототипами, усложняют процесс научного описания рассматриваемых механизмов.

Отечественное языкознание стремится рассматривать лингвистические проявления гендера не изолировано, а интегрировано, в контексте смежных наук, которые в данном случае играют не факультативную, а значимую роль, поскольку гендерная реализация не может происходить независимо от культурного и социального контекста, в котором она функционирует, также как содержание не может рассматриваться без формы.

Поскольку гендерная референция фиксируется и маркируется не только лексически, но и грамматически, данный параметр имеет исключительную индивидуальную и социальную значимость.

Особый интерес вызывает рассмотрение гендерной категоризации в свете того, что она строится на **основе не формальной, а естественной логики**, свойственной определенному социуму.

Гендер представляет собой категорию базового типа и, в силу своей многоаспектности, может являться результатом профессиональной, научной или наивной категоризации. Данная категория может подвергаться процессу интенционального и неинтенционального формирования основных категориальных признаков, конструирующих ее в условиях рассматриваемого культурного контекста.

Изучение культурной специфики гендер-конструирующих параметров позволяет выявить основные тенденции изменения гендерных установок

членов определенной нации. Транзитивные процессы, происходящие в современной социальной сфере, могут спровоцировать изменение структуры гендерной категории путем выделения новых субкатегорий.

Подкатегории «мужчина» и «женщина» не обнаруживают способности к варьированию основного гендерного признака с позиции научной картины мира, но демонстрируют градуированность внутренней структуры с точки зрения неформальной логики.

Заметное влияние социальной сферы может привести к трансформации традиционной двухчастной категории в трехчастную с соответствующим выделением отдельной подгруппы дифференцирующих признаков.

Метафорическая модель «человек/мужчина/женщина – это животное», имеющая высокую степень реализации во многих культурах, представляет собой сформировавшийся способ представления гендерно-маркированных значений посредством национально-специфического выбора зоообразов, типичных для данной лингвокультуры.

Явно выраженный аксиологический компонент большинства рассматриваемых единиц позволяет эксплицировать систему ценностей/антиценностей, функционирующих в определенной лингвокультуре.

Актуальность рассмотрения гендерно-маркированной метафоры в лингвокультурологическом аспекте заключается в возможности объективировать устойчивые способы осмысления и конструирования гендерно-мотивированных различий в рамках отдельной культуры, прослеживая функционирование общих когнитивных принципов работы сознания в условиях существующих культурных ограничений.

ГЛАВА II. Национально-специфичные модели гендерно-ориентированной зоометафоры в языке и речи

Процессы метафоризации, определяемые в современной лингвистике в качестве основных когнитивных операций, рассмотренные в прямом взаимодействии с категорией гендер, представляют собой многомерный и сложноструктурированный объект лингвистического описания, позволяющий получить богатый материал для конструирования гендерной идентичности в условиях отдельной культуры. В настоящей главе рассматриваются способы объективации гендерно-маркированных метафорических моделей «человек/мужчина/женщина – это животное», представляющие гендерконструирующие признаки, характерные для рассматриваемой лингвокультуры. В разделе 2.1 анализируются особенности языковой реализации моделей гендерно-ориентированной зоометафоры по данным лексикографических источников и особенности речевой реализации указанных моделей по данным Национального корпуса русского языка. В разделе 2.2 в качестве отдельного кластера исследования в соответствии с принятой концепцией освещается специфика языковой актуализации и речевого функционирования гендерных оппозиций (типа *голубь/голубка*).

2.1. Системно-языковая объективация моделей гендерно-маркированной антропоморфной языковой зоометафоры и особенности ее речевого функционирования

Рассмотрение гендерно-маркированных метафор направлено на фиксирование различий между семантическими структурами, представляющими гендер-ориентированные значения языковых единиц и их речевой реализации. Это необходимо для выявления вектора развития основных изменений в

сознании носителей языка, отражающих представление о мужественности и женственности в определенной культуре.

Теория о смыслопорождающей силе контекста обращает исследователей к рассмотрению языковых единиц, участвующих в дискурсивном конструировании гендера как категории, позволяющих реализовывать различные гендер-ориентированные значения, появляющиеся и функционирующие под влиянием соответствующего контекстного окружения.

2.1.1. Гендерная категоризация антропоморфной зоометафоры в русском языке (по данным лексикографических источников)

С целью лингвистического анализа языковых средств воплощения моделей гендерно-ориентированной зоометафоры в русском языке, характерных для носителей русского языкового сознания, из лексикографических источников было отобрано 1227 зоонимов, фиксирующихся в языковой системе и номинирующих различных животных. Далее было отобрано 120 зооединиц, развивших переносное значение. Имеющийся материал был проанализирован на предмет соответствия когнитивной структуре антропоморфной зоометафоры **человек – это животное** с ее возможными, гендерно-маркированными вариантами: **женщина – это животное** и **мужчина – это животное**.

Выявлено, что маркирование грамматическим родом может носить дополнительный характер и не всегда совпадает с гендерной сочетаемостью. Под лингвистическим **гендерным маркером** в данном исследовании понимается **лингвистическое средство соотнесения описываемого объекта с одной из гендерных категорий, построенное по когнитивной модели, неосознанно декодируемой носителем используемого языка и культуры**.

Дальнейший анализ **субстантивных единиц** определил, что исследуемый материал представлен когнитивными метафорическими моделями **человек – это животное**, **женщина – это животное** и **мужчина – это животное**.

(включающими орнитологические, ихтиологические и маммологические метафорические образования).

Статистический анализ языковых метафор с гендерно-маркированным компонентом позволяет сделать вывод, что:

1) около **72%** всех зоометафор представляют единицы, построенные по модели с **метагендерной сочетаемостью** (**пиявка** – перен., разг., человек, жадно и злобно эксплуатирующий других; **акула** – корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом).

2) **14%** всех маркированных зоометафор построены по модели с **феминно-маркированной сочетаемостью** (**выдра** – простореч., бран., обезобразной, сухопарой женщине; **гусыня** – перен., разг., презрит., о нерасторопной глупой женщине).

3) **12%** всех маркированных зоометафор представляют единицы, обозначающие лиц мужского пола, и построены по модели с **маскулинно-маркированной сочетаемостью** (**осёл** – перен., бран., глупец, дурак; **кабан** – перен., о грубом, грузном мужчине).

4) около **2%** единиц обнаруживают **двойную гендерную маркированность, которая не равна метагендерной**, но представляет возможность участия единицы в разных гендерных классах в зависимости от реализуемого значения: **лев – м.г.** – о ком-л., отличающемся большой силой, храбростью и смелостью; **м.р.** – о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин; **петух – м.г.** – о задиристом, запальчивом человеке, **м.р.** – пассивный гомосексуалист.

В целом, представленные цифры позволяют говорить о явлении неярко выраженной, но присутствующей гендерной асимметрии внутри представленной парадигмы, что может быть определено как проявление **андроцентризма** в гендерной категоризации.

В ходе анализа зооморфных метафор, построенных по модели **человек – это животное**, было выявлено, что все отобранные единицы, с точки зрения **гендерной маркированности**, можно разделить на две группы:

1. К первой группе относятся гендерно-маркированные метафоры, содержащие зоонимы, **противопоставленные по дифференциальному признаку** «биологический пол», где один или оба компонента обнаруживают способность к метагендерной сочетаемости и выступают в роли зооморфных метафор: *сука* (негодяй, мерзавец) — *кобель*; *курица* (о безвольном, бесхарактерном человеке) — *петух*; *лиса* (лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра) — *лис* (хитрый, льстивый человек) и т.п.

В представленной группе возможно выделить подгруппу, удовлетворяющую всем требованиям (наличие парного компонента, гендерная маркированность, метагендерная сочетаемость), при этом **только один из членов пары (маркированный мужским родом) фиксируется как существующая в языке зооморфная метафора**: *сокол* (символическое обозначение молодого красавца) — *соколиха* (переносное значение отсутствует); *соловей* (о человеке с чистым, красивым голосом) — *соловьиха* (переносное значение отсутствует).

2. Вторая группа представлена гендерно-маркированными метафорами с метагендерной сочетаемостью, **но не имеющими парного компонента, противопоставленного по семантическому признаку «биологический пол»**: *рыба* — о вялом, неэнергичном, равнодушном человеке, *сорока* — о болтливом, шумно говорящем человеке, *росомаха* — неряха, мало расторопный человек, *слизняк* — безвольный, бесхарактерный, ничтожный человек и т.п.

3. Третью группу составляют маркированные единицы с метагендерной сочетаемостью, которые **в силу языковой традиции соотносятся с лицами только одного пола**: *петух* — о задорном, заносчивом человеке; *барбос* — грубый человек и т.п. Единицы данной группы не используются с лицами женского пола.

4. К четвертой группе относят маркированные единицы с **неметагендерной сочетаемостью, соотносящиеся только с лицами мужского пола**: *рогач* — обманутый муж, рогоносец; *саврас* — молодой мужчина, склонный

к кутежам, безбашенному разгулу, *битюг* — здоровый, крепкий, плотного сложения мужчина.

5. К пятой группе относятся маркированные единицы с **неметагендерной сочетаемостью, соотносящиеся только с лицами женского пола: *корова*** (о толстой, неуклюжей и неповоротливой женщине); *бабочка* (1) ласковое обозначение молодой женщины, 2) проститутка (ночная бабочка)).

Рефлексы лингвокультурного андроцентризма в гендерно-маркированной зоометафоре. Известно, что гендер как категория не проявляет одинаковой значимости во всех существующих языках, но, при этом, является распространенным языковым параметром, соотношенность которого с объектами мужского или женского пола определяет варьирующуюся степень андроцентричности не только языка, но и культуры в целом.

Влияние социальной сферы на языковые параметры проявляется в попытке регулировать процессы языковой гендерной асимметрии. К данным явлениям можно отнести активную политику борьбы с «сексистским» языком, берущую начало в работах зарубежных исследователей и распространяющуюся на некоторые соседствующие языки или интегрируемую в языки посредством заимствований.

С точки зрения гендерной маркированности, с целью дальнейшего анализа гендерно-маркированных значений рассматриваемые языковые единицы можно поделить на 2 условные группы:

1) гендерные пары, в которых **оба маркированных компонента развили переносное значение** (всего 16): гад (м.г.)¹ — гадюка (ж.р.), глист (м.г.) — глиста (м.г.), голубь (м.г.) — голубка (ж.р.), гусь (м.г.) — гусыня (ж.р.), кобель (м.г.) — сука (м.г.), козел (м.г.) — коза (ж.р.), жеребец (м.р.) — кобыла (ж.р.), морж (м.г.) — моржиха (ж.р.);

2) гендерные пары, в которых **только один из маркированных членов обладает приращенной идиоматичностью** (всего 24): волк (м.г.) —

¹Здесь и далее — в скобках указана маркированность по роду по лексикографическим источникам.

волчица, ворон — ворона (м.г.), заяц (м.г.) — зайчиха, петух (**м.г., м.р.**) — курица, лев (**м.г., м.р.**) — львица, медведь (м.г.) — медведица, орел (м.г.) — орлица, осел (м.г.) — ослица, сокол (**м.р.**) — соколиха, соловей (м.г.) — соловыха, тигр — тигрица (ж.р.), тюлень (м.г.) — тюлениха.

Единицы, не противопоставленные друг другу по морфологическому признаку, в данном случае не являются членами гендерных пар.

Анализируя представленный материал, можно отметить следующие традиционные **способы проявления андроцентризма**, подтверждающие общеязыковую тенденцию:

а) **объединение категории «мужчина» с категорией «человек»**, и, как следствие, ее противопоставление категории «женщина» в целом. На рассматриваемом материале было выявлено, что единицы, изначально представляющие лиц мужского пола, соотносятся с лексикографической единицей, маркированной тем же родом, только в 10 % случаев. Если морфологически маркированная единица сочетается в дефиниции с более чем одним гендерным классом, этот показатель возрастает до 20%.

В процессе анализа дефиниций лексикографических источников выяснилось, что лексическая единица «человек» (логически включающая понятия «мужчина» и «женщина») используется в контексте вместо единицы «мужчина» и не может быть заменена единицей «женщина»: *кобель — о человеке* с грубо чувственным отношением к женщине; *саврас — о человеке*, склонном к разгулу и кутежам. Данные примеры могут свидетельствовать о категориальном слиянии двух понятий и развитии у единицы «человек» нового семантического компонента с ограничивающим значением.

Представляется затруднительным однозначно утверждать, является ли природа подобного андроцентризма социальной или языковой. В диахроническом аспекте отмечается, что в досоветское время существовала тенденция к номинации лиц с учетом их гендерной принадлежности и только после революции, приведшей к значительным изменениям в социальной сфере, обозначилась тенденция употребления форм мужского рода для обоих полов

[Янко-Триницкая 1966]. Рядом ученых признается, что не все языковые закономерности могут искусственно регулироваться извне.

б) в гендерно-маркированных парах, противопоставленных по семантическому признаку «биологический пол» при условии наличия переносного значения для наименования человека только у одного члена пары (сокол — соколиха, летун (служащий, часто меняющий места) — летунья), в 84% случаев данный член **выражен существительным мужского рода**, что влияет на развитие метагендерной сочетаемости у представленной единицы, а также повышает частотность использования мускулинно-маркированных единиц для обозначения лиц женского пола и, в свою очередь, закрепляет тенденцию языкового андроцентризма.

Следует отметить, что ряд единиц (лиса, сука) в гендерно-маркированных парах, несмотря на общую тенденцию развития метагендерной сочетаемости у элементов, маркированных мужским родом, обнаруживают действие противоположного направления и, таким образом, категории «мужчина» и «человек» **примыкают к категории «женщина»** (лиса — он/она, сука — он/она и т.п.), однако данные примеры на материале лексикографических источников носят единичный характер.

в) также отмечается, что в вышеупомянутых парах именно элемент, обозначающий лицо женского пола, имеет возможность развивать негативную оценку: *сука* (прост, бран.) — *кобель* (нейтр.), *гусь* (разговор., иронич.) — *гусыня* (разг., презрит.), *жеребец* (простореч., иронич.) — *кобыла* (вульг., бран.).

Данные явления представляют интерес для изучения с позиций когнитивной лингвистики с целью определения, каким образом в сознании человека отражаются гендерно-маркированные единицы, чем обусловлена связь между выбираемыми образами и категорией биологического пола.

2.1.2. Анализ семантической структуры гендерно-маркированной зоометафоры в лексико-семантической системе русского языка

В ходе семантического анализа единиц были выделены основные признаки, положенные в основу переосмысления гендерно-маркированных зоометафор для реализации концептов мускулинности и феминности, которые представляют гендер как один из важнейших лингвокультурных концептов – первичное культурное образование, которое транслируется в различные сферы бытия человека, в том числе и в языковую действительность, через прямые или описательные соответствия [Карасик 2002б, с. 129].

К основным антропо-обусловленным гендер-конструирующим признакам можно отнести «внешний вид лица определенного пола» и «манеру действия лица определенного пола». Частотно реализуемым признаком данной группы единиц также является «комплексная положительная характеристика лица определенного пола».

Согласно ЯКМ маскулинно-маркированные единицы реже содержат компонент значения «отрицательная характеристика лица» и чаще актуализируют значения, выражающие положительные качества.

Данные параметры на примере исследуемого языкового материала для удобства восприятия были представлены в графическом формате в таблице 2.1.

Таблица 2.1.

Гендерная принадлежность	Отрицательная характеристика лица	Положительная характеристика лица
Лицо мужского пола	25% «отрицательно оцениваемые черты характера»: <i>грубый, сексуально несдержанный и т.п.</i> 3% «отрицательно оцениваемые интеллектуальные способности»: <i>грубый</i>	9 % «положительно оцениваемые черты характера»: <i>смелый, сильный и т.п.</i> 27% «положительно оцениваемый внешний вид»: <i>красивый, крепкий и т.п.</i> 36% «комплексная положительная характеристика» (через обращение)

Лицо женского пола	<p>21% «отрицательно оцениваемые черты характера»: <i>злая, ехидная, жестокая и т.п.</i></p> <p>9% «отрицательно оцениваемая манера действия»: <i>неактивная, неповоротливая и т.п.</i></p> <p>36% «отрицательно оцениваемый внешний вид»: <i>безобразная, некрасивая, толстая т.п.</i></p>	<p>7% «положительно оцениваемые черты характера»: <i>кроткая, невинная и т.п.</i></p> <p>5% «положительно оцениваемая манера действия»: <i>активная, энергичная и т.п.</i></p> <p>29% «комплексная положительная характеристика» (через обращение)</p>
--------------------	---	--

В процессе анализа единиц, отражающих маскулинно-маркированные параметры, было выявлено, что основной отрицательной характеристикой лиц мужского пола в русской ЯКМ (25% от всех маскулинно-маркированных единиц) становится **«негативно оцениваемые черты характера / отрицательно оцениваемое социумом поведение»**: *кобель, жеребец, т.е. мужчина, до неприличия откровенно проявляющий свои физиологические наклонности*. Исследуемый материал обнаруживает возможность реализации признака **«низкий уровень ментальных способностей лица, маркированного мужским полом»**, представленный незначительным количеством зооморфных метафор.

Положительная характеристика лиц мужского пола выражена большим количеством единиц по сравнению с отрицательной. Актуализация данного параметра в условиях русской ЯКМ более естественна для маскулинно-маркированных единиц, чем для феминных. Это может объясняться патриархальным укладом культуры, в условиях которой реализовывалась рассматриваемая метафорическая гендерно-ориентированная модель.

В процессе анализа была обнаружена группа единиц, сформированная на основе нескольких продуктивных для русской ЯКМ зоообразах, выражающих ласковое обращение к лицу определенного пола (36%). Представляется, что данные обращения могут быть включены в группу единиц, актуализирующих признак **«положительная оценка лица определенного пола»**, поскольку имплицитно представляют информацию о том, что говорящий положительно оценивает адресата.

Такой параметр, как **«внешний вид»** (27%), в случае маркирования лица мужского пола, имеет преимущественно позитивную оценку и выражает представления носителей данной культуры о положительно оцениваемом объекте: *жеребец, орёл, сокол, битюг, т.е. здоровый, крепкий, рослый, красивый, статный*. В отдельных случаях реализуется значение **«отрицательная характеристика внешнего вида лица мужского рода»**: *кабан, т.е. грузный, непомерно толстый*.

Единиц, информирующих о естественной и ожидаемой манере действия лица данного пола, на языковом материале не выявлено.

Анализ феминно-маркированных единиц позволяет заключить, что такие признаки, как **отрицательно оцениваемые «внешний вид» (36%), «черты характера» (21%) и «комплексная положительная характеристика лица женского пола» (29%)** являются самыми часто оязыковляемыми параметрами на исследуемом материале. Первый из представленных признаков реализуется подпризнаками **«внешняя привлекательность»**: *лебедь, ласточка, т.е. молодая, красивая женщина*; **«внешняя непривлекательность»**: *корова, жаба, карга, выдра, т.е. чрезмерно толстая, неуклюжая, неповоротливая, безобразная или слишком худая*. При этом, единицы, описывающие непривлекательную девушку/женщину, превалируют.

Признак **«положительная характеристика лица женского пола»** представлен тремя подпризнаками, первые два из которых (7% и 5%) выражают характеристику напрямую и описывают положительно оцениваемые черты характера и поведения девушки/женщины. Для рассматриваемой лингвокультуры типичным и положительно-оцениваемым считается недоминирующая позиция женщины в социуме и ее кроткое и скромное поведение. Подпризнак **«комплексная положительная характеристика»** (представлен 29%) выражает оценку опосредованно, через обращение, и не имеет в качестве основы для организации семантической структуры какой-либо отдельно оформленный признак.

Значение **«отрицательная характеристика лица женского пола»** реализуется в 66% всех рассматриваемых феминно-маркированных единиц. Содержательно данный признак отличается от группы маскулинно-маркированных единиц и конструируется при помощи компонентов **«плохой характер» (21%)**: *гадюка, карга*; **«недостаточные интеллектуальные способности» (9%)**: *гусыня*; и **«отрицательно-оцениваемый внешний вид» (36%)**: *выдра, жаба*.

В отличие от маскулинно-маркированных единиц, признак **«манера действия»** представлен 7% единиц, которые выражают противоположные признаки **«активное/неактивное поведение лица женского пола»**: *коза – о резвой, бойкой, подвижной девочке или девушке; корова – о толстой неуклюжей женщине; гусыня – о нерасторопной, глупой женщине*. Данная популярность реализуемых значений может быть объяснена соотношением представленных единиц с лицами разной возрастной категории (ребенок и взрослый человек).

В целом, самым часто используемым зообразом для построения феминно- и маскулинно-маркированной метафоры в русской ЯКМ является **орнитологический зообраз**, реализующийся через единицы *голубица, голубка, голубушка, цыпка, лебедь; голубчик, голубь, соколик* для передачи положительных характеристик и *карга (ворона), гусыня* для выражения негативных.

Активное использование орнитологического зообраза носит национально-специфический характер и не тождественно выбираемым феминно-маркированным зообразам в других культурах. Так, например, для английской ЯКМ характерно ассоциировать женщину с зообразом кошки — 40% метафорических выражений модели «женщина – это животное» содержат зооним *cat* или его гипонимы [Гулик 2014].

2.1.3. Особенности речевой реализации моделей гендерно-маркированной зоометафоры (по данным Национального корпуса русского языка)

С целью углубления и детализации анализа гендер-конструирующего параметра на материале антропоморфной зоометафоры исследуемые единицы были рассмотрены на материале текстовых данных Национального корпуса русского языка.

Для этого примерно 120 метафорических зооединиц были проанализированы при помощи методов корпусной лингвистики и корпусных менеджеров (Sketch Engine, Gephi, Easy Linavis, AntConc) на предмет контекстуального употребления с точки зрения выражения их гендерного значения. Поскольку документы, содержащиеся в НКРЯ, в большей степени представляют современную языковую систему и тенденции ее преобразования, считается возможным рассмотреть вектор развития гендерного параметра в языке, а также подробно описать значимые для культурного контекста компоненты гендер-конструирующих значений.

Таким образом, для создания репрезентативной базы с целью анализа антропоморфной зоометафоры каждая единица, предварительно проанализированная на материале лексикографических источников, была рассмотрена на материале 400 документов корпуса, в результате чего была сформирована коллекция из примерно 10000 контекстов.

На следующем этапе работы для получения подкорпуса, удовлетворяющего параметрам анализа, данная коллекция подверглась ручной разметке на предмет выделения гендерного параметра и дифференцирующего признака значения.

В процессе работы были выявлены:

- 1) единицы, **фиксирующиеся в лексикографических источниках, но не функционирующие в узусе** или проявляющие низкую

частотность употребления: *сычонок, выросток, росомаха, моржиха и т.п.*;

- 2) зооморфные метафорические употребления, **не фиксирующиеся в лексикографических источниках в данном значении, но демонстрирующие тенденцию к активному употреблению:** *динозавр, змий, кошка, тигр, таракан и т.п.*

Целью корпусного анализа исследуемого материала было:

- 1) **выявить перечень зообразов**, используемых для конструирования гендерно-маркированных и метагендерных значений на материале современного русского языка;
- 2) установить **самые частотные зообразы** современного русского языка, соотносимые с гендерно-маркированными смыслами;
- 3) определить зообразы, функционирование которых, с точки зрения выражения гендерно-маркированных смыслов, **не является актуальным** в современном русском языке;
- 4) определить **наличие или отсутствие случаев гендерной перекатегоризации** на материале функционирующих зоометафор;
- 5) **определить степень корреляции** между группами признаков, выраженных при помощи языкового и речевого материала;
- б) **детализировать** гендер-конструирующие признаки, положенные в основу создания метафорических номинаций, характерные для национального сознания данной лингвокультуры.

В процессе отбора материала из НКРЯ были выявлены дополнительные единицы (не имеющих соответствующих значений в словарных дефинициях), функционирующие в речи в качестве антропоморфных зоометафор: *мышь – человек, имеющий невыразительную внешность/ человек, отличающийся тихим, незаметным поведением; динозавр – человек с устаревшими взглядами на мир; селедка – девушка с непривлекательной фигурой* и т.п. Установлено, что количество зоупотреблений с развитой идиоматичностью, функциони-

рующих в речи, **примерно на 10% выше**, чем количество данных единиц, зафиксированных в лексикографических источниках.

Рассматриваемый речевой материал проанализирован на предмет частотности актуализации групп признаков, выделенных в процессе языкового анализа. Полученные данные для удобства восприятия были представлены в графическом формате в таблице 2.2.

Таблица 2.2.

Рассматриваемый материал	Отрицательная характеристика лица	Положительная характеристика лица
ЯКМ (% от общего числа языковых зоометафор)	24%	41%
Речевая реализация (% от общего числа речевых зоометафор)	36%	13%

Анализ речевой реализации обнаруживает, что признак **«отрицательная характеристика лица»** встречается чаще, чем в языковом материале, при этом **«положительная характеристика»**, напротив, встречается почти в 4 раза реже.

Самыми частотными подпризнаками на материале анализируемых контекстов стали **«манера действия»** (30%) и **«внешний вид»** (21%). Для наглядного представления частоты речевой реализации данных подпризнаков в анализируемом объеме данных использовался корпусный менеджер Sketch Engine.

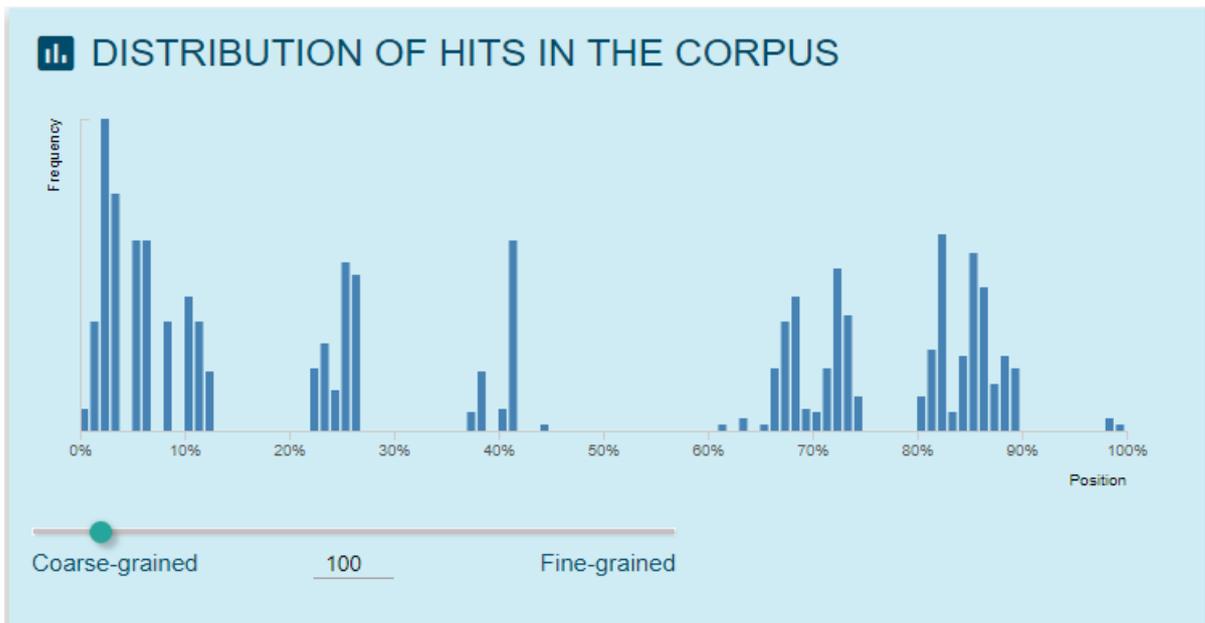

Рис. 2.1. Частота реализации признака «манера действия».

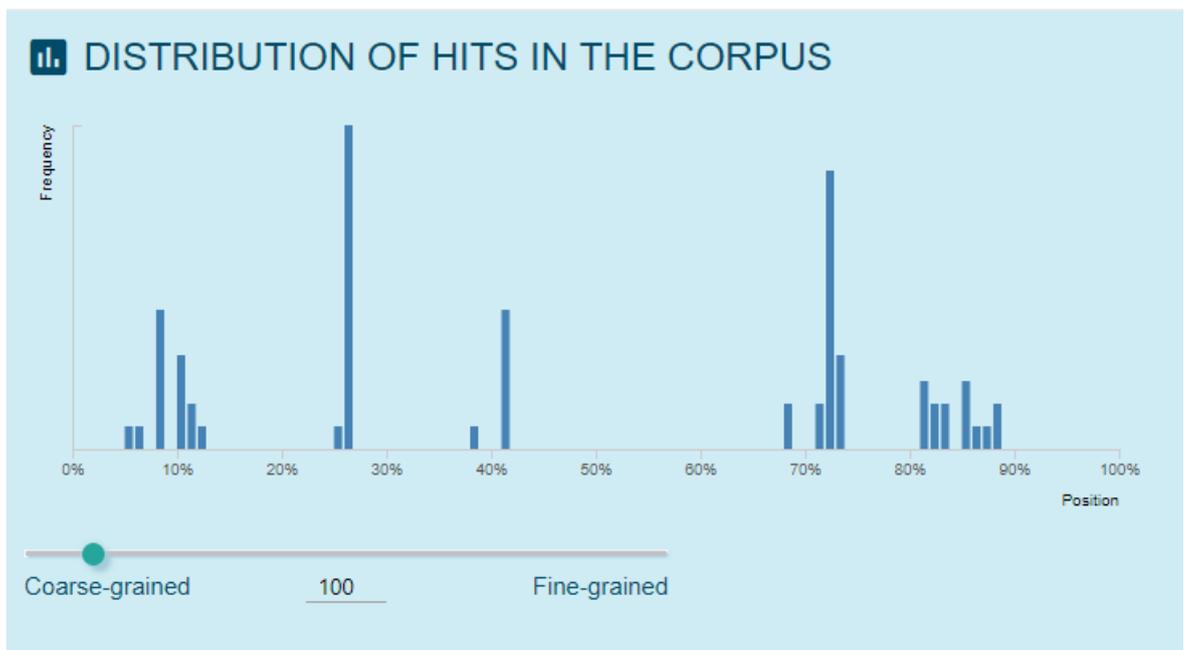

Рис. 2.2. Частота реализации признака «внешний вид».

Одним из дополнительных параметров, который позволяют установить корпусные исследования, является **частотность зоообразов**. Для определения самых активно функционирующих единиц и проведения анализа самых часто актуализируемых значений из сформированного подкорпуса было выбрано

²Через двоеточие указана сочетаемость с количеством гендерных классов, выявленная на материале НКРЯ

15 самых употребляемых зоометафор: *голубчик* (737:3)², *голубушка* (650:1), *гад* (639:3), *скотина* (468:3), *козел* (464:2), *щенок* (454:2), *свинья* (273:3), *сучка* (258:2), *гусь* (163:2), *баран* (158:3), *соколик* (143:1), *бык* (105:3), *червь* (100:3), *боров* (95:3), *заяц* (94:3).

Несмотря на высокую частотность представленных единиц, выражающих положительную оценку лица определенного пола, в целом, количество зоообразов, используемых для выражения отрицательной коннотации, выше, а количество единиц, выражающих негативную оценку, составляет около 43% от общего числа употреблений.

Сопоставление гендерной референции зоометафоры в языковой и в речевой реализации.

С точки зрения анализа функционирования гендерной соотнесенности, контексты, выбранные из НКРЯ, представляют богатый эмпирический материал, результаты исследования которого представляют отличную от языковой картину. Очевидно, что все представленные компоненты характеризуются выраженной моно-гендерной сочетаемостью. Исключения составляют единицы *лев* и *петух*, демонстрирующие сочетание с разными гендерными классами в зависимости от реализуемого значения. Антропоморфная зоометафора *лев* обнаруживает в своей семантической структуре как **метагендерное значение** (*человек, отличающийся большой силой, храбростью, смелостью*), так и **маскулинно-маркированное** (*мужчина, законодатель мод и правил светского поведения, пользующийся большим успехом у женщин*). Зоометафора *петух* также сочетает в своей семантической структуре компоненты значения отличной гендерной маркированности: 1) *разг.* задиристый, запальчивый **человек**, *забияка*; 2) *жарг.* пассивный **гомосексуалист**.

При помощи программ Sketch Engine и Easy Linavis были построены визуализации для сравнения результатов гендерной категоризации на языковом и речевом материале. Рисунок 2.3 представляет распределение частотных языковых зоокомпонентов по метафорическим моделям **мужчина – это животное** и **женщина – это животное**.

Преобладание феминно-маркированных элементов не является свидетельствующим фактом в пользу доминирования данного класса, но является следствием проявления языкового андроцентризма, при котором маскулинно-маркированные смыслы могут выражаться посредством слияния с категорией «человек».

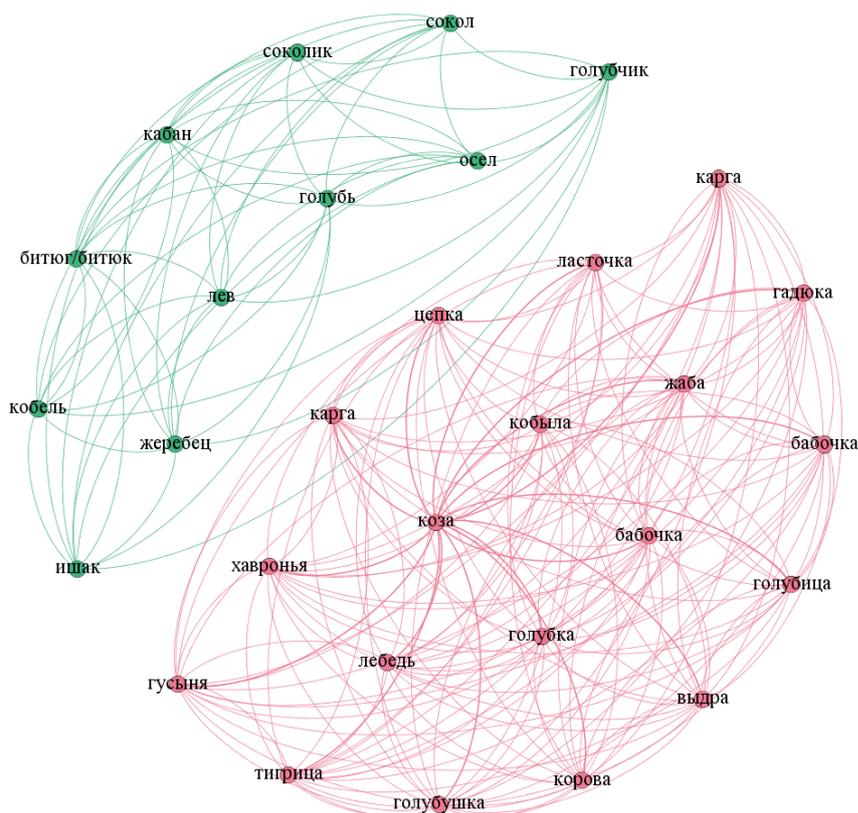

Рис.2.3. Соотношение гендерно-маркированных компонентов метафорической модели «человек – это животное» в ЯКМ.

Однако анализ и визуализация речевого материала может представить иную картину. Следовательно, появляется возможность проанализировать гендерную сочетаемость в ее непосредственном функционировании, а также выявить, что единицы, маркируемые в языке сочетанием с одним гендерным классом (в редких случаях с двумя, если единица многозначная), могут **обнаруживать тенденцию к расширению данного параметра**. В процессе речи исследуемые элементы демонстрируют сочетаемость с **одним** (29% от обще-

го числа употреблений), **двумя** (16%) или **тремя** (65%) **гендерными классами**. Необходимо отметить, что единицы, представленные группой из 29%, не имеют высокой продуктивности в языке (их употребления единичны) или обладают бедной семантической структурой и не могут свидетельствовать о тенденции к развитию гендерной моно-маркированности.

Важно отметить, что в случае с ЯКМ **гендерная перекатегоризация** могла происходить только при условии смены семантического компонента, в то время как речевая реализация не имеет подобного ограничения. Так, компонент «**внешний вид человека**» с реализацией подпризнака «**слишком худой человек**» может функционировать в условиях различной гендерной маркированности: *Дима мутно оглядел психопатку: тощая как **вобла** [А. А. Старобинец. «Семья» (2008)]; Меламед был закоренелый холостяк, тощий, как **вобла**, с провалившимися щеками, усыпанными веснушками, и с рыжими развевающимися волосами, пылавшими, как огненный ореол, вокруг головы [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт»(1999)][НКРЯ]; компонент «**манера действия**» с реализацией подпризнака «**схожий звук**» демонстрирует аналогичную сочетаемость: *У него не хватало мужества прыгнуть вниз ,и он ревел, как **бык**, которого ведут на бойню [Алексей Иванов. «Корабли и Галактика» (1991)]; Она ревет, как могучий **бык**, и от этого невольно идет мороз по коже [А. Куприн. *Via est vita. Бог велик — а лес больше* // «Вокруг света»(1995)] [НКРЯ].**

На рисунке 2.4 представлен граф, построенный на материале анализируемого подкорпуса, 111 узлов структуры представляют собой метафорические зоопотребления и отражают количественное и частотное распределение гендерно-маркированных речевых зоокомпонентов по исследуемым моделям.

Более крупным шрифтом отражены речевые употребления, имеющие более высокую частотность, более мелким – менее частотные. В центре располагаются единицы, демонстрирующие более широкую гендерную сочетаемость, на периферии – более узкую. Таким образом, на едином графе визуа-

лизировано пересечение двух существенных признаков: активность использования определенного зообраза и его гендерный потенциал.

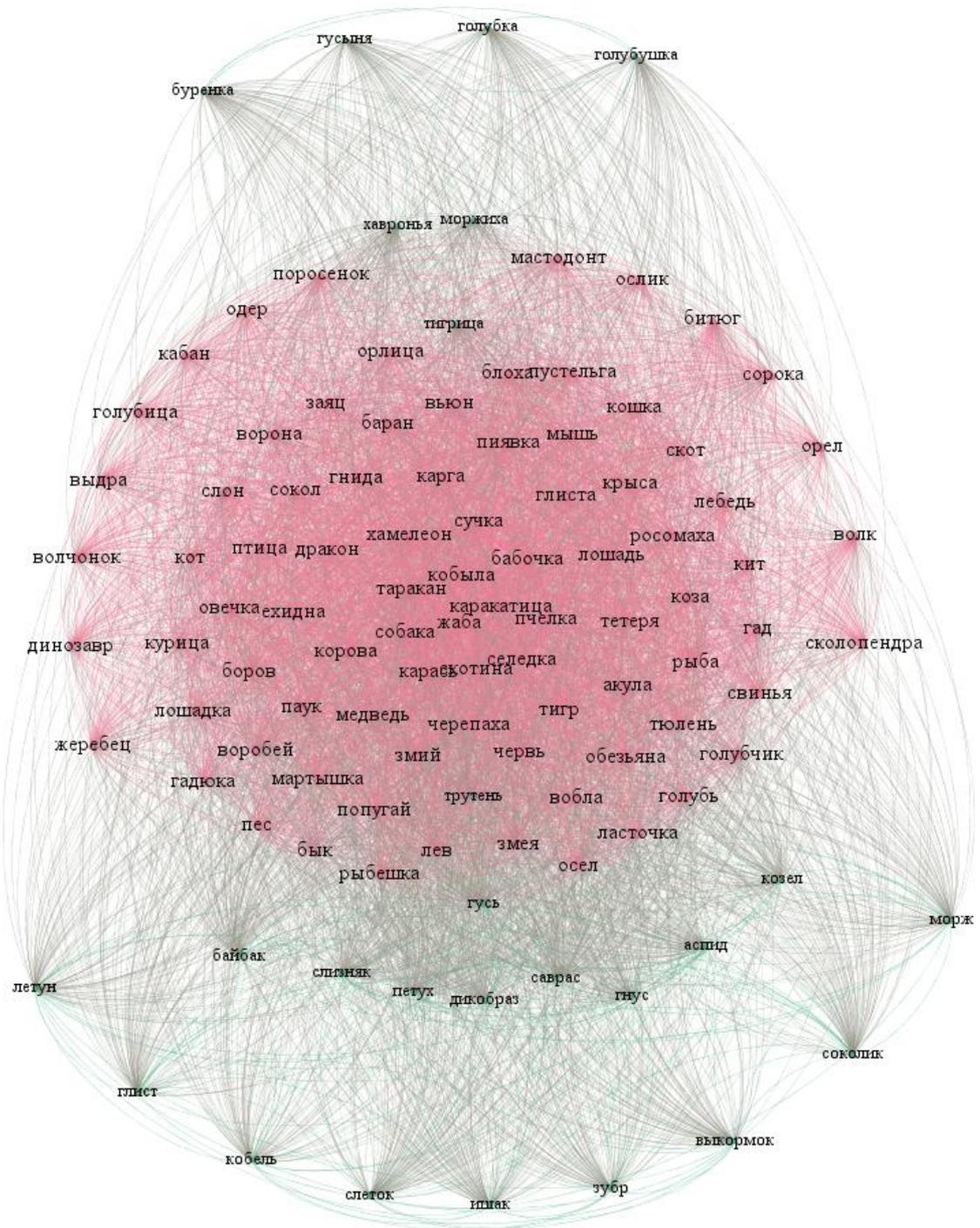

Рисунок 2.4. Соотношение гендерно-маркированных компонентов метафорической модели «человек – это животное» в речевой реализации.

Анализ рассматриваемого материала на предмет гендерной маркированности свидетельствует о том, что:

- 1) 75% языковых единиц с зафиксированной метагендерной сочетаемостью обнаруживают тенденцию речевого употребления с лицом мужского пола (**м-г. ЯКМ → м.р.речевая реализация**);
- 2) 8% языковых единиц, соотносимых с лицами мужского пола, сохраняют свою маркированность (**м.р. ЯКМ → м.р.речевая реализация**);
- 3) 15% языковых единиц соотносятся с лицами женского пола (**ж.р. ЯКМ → ж.р.речевая реализация**). Из них 1,3% употреблений проявляют тенденцию речевого функционирования с маскулинной маркированностью;
- 4) 2% языковых единиц, демонстрировавших сочетаемость с двумя гендерными классами в различных значениях, характеризуются функционированием в маскулинно-маркированных значениях (**м.р. ЯКМ / м-г. ЯКМ → м.р. речевая реализация**).

Таким образом, несмотря на то, что большинство европейских лингвокультур под влиянием феминистических течений подверглись реформационным изменениям с целью нивелирования проявления гендерно-маркированных элементов в языке и речи, русская языковая система на примере рассматриваемого материала не обнаруживает подобной тенденции. Полученные результаты свидетельствуют в пользу укрепления теории языкового андроцентризма, что проявляется в исключительной частоте использования маскулинно-маркированных зоометафор в речевом употреблении, а также в использовании единицы «человек» в значении «мужчина» в лексикографическом описании.

Также были выявлены частотные случаи соотнесения единицы с метагендерным классом по данным лексикографических источников и активное функционирование маскулинно- и феминно-маркированных метафорических компонентов значения в материалах анализируемого НКРЯ.

Представляется, что рассмотрение гендера как категории без соотнесения подобной двухуровневой организации имеет смещенный фокус анализа.

2.2. Функционирование моделей гендерно-ориентированной зоометафоры в роли обращения: особенности языковой и речевой реализации

В процессе изучения материала на предварительном, эмпирическом уровне исследования нами было отмечено, что метафора, созданная на основе зоообраза, имеет тенденцию использоваться в функции обращения. Сортировка, проведенная при помощи конкорданс-программ AntConc и SketchEngine, подтвердила данное наблюдение. Так, 2641 единица из 10138 отобранных словоупотреблений была использована в функции обращения к человеку, что составляет 29% от общего числа анализируемых конструкций. На рисунке 2.5 визуализирована частота использования зоометафор в функции обращения относительно всех единиц исследуемого корпуса.

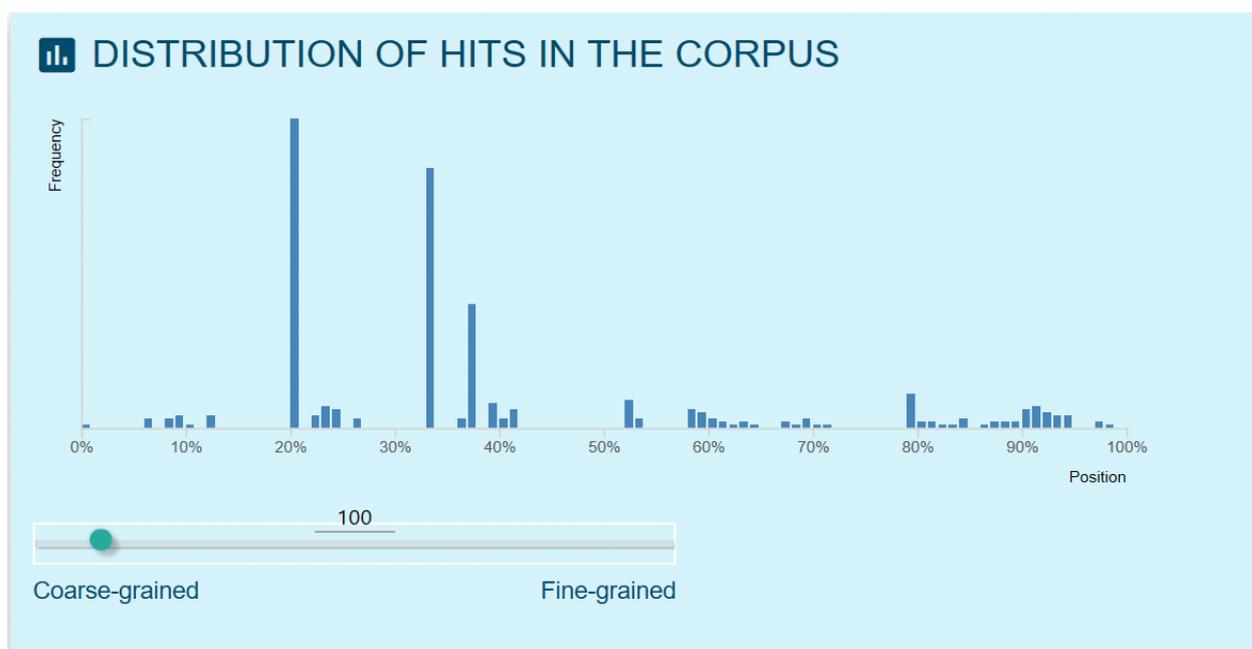

Рисунок 2.5. Частота речевой реализации метафорической модели «человек – это животное» в функции обращения.

Было также отмечено, что 35% функционируют как **презрительное обращение** и выражают желание говорящего нанести словесную обиду адресату. Представляется целесообразным назвать данную группу «инвективные обращения». В целом, количество данных единиц оказалось меньше, чем

предполагалось, учитывая общеязыковую тенденцию к более частому оязыковлению отрицательных явлений по сравнению с положительными.

Ласковые обращения представлены 60% или 1575 единицами исследуемого материала. При этом, 56% или 873 употребления соотносятся с лицами, маркированными женским полом и 44% или 701% с мужским.

Анализ антропоморфной зоометафоры на материале лексикографических источников обнаруживает, что под пометой «обращение» фиксируются, в основном, единицы, имеющие значение ласкового обращения: *голубка, голубушка, лебедь, цыпка, цыпочка* — для лиц, маркированных женским полом, и *голубчик, голубь, сокол, соколик* — для лиц, маркированных мужским. Таким образом, можно заключить, что для русской ЯКМ типично конструировать ласковое обращение при помощи орнитологического зоообраза. При этом, данная особенность носит национально-специфичный характер и не является настолько широко распространенной для других языков с большим числом носителей, таких, например, как британский английский. Однако, примеры использования орнитологических зоокомпонентов в функции обращения все же прослеживаются в ряде языков. Так, например, в румынском единица *pu* (птенец, цыпленок) может использоваться для выражения доброжелательного отношения к собеседнику, а *ronimbata* (голубка) используется в схожем с русским языком значении — ласковое обращение к лицу женского пола.

Естественным является тот факт, что каждая ЯКМ имеет особые обращения с зоокомпонентом, не типичные для иных языковых систем. Так, в румынском языке используются единицы *broscoi, manzule, gandacelule* (лягушонок, жеребенок, жучок) для ласкового обращения к ребенку; во французском — *bloushka* для нежного обращения к любимому человеку, в португальском в похожем значении — *ursolina* (медвежонок), во французском — *ma puce, ma poule, ma loutre, ma petit crevette* (моя блошка, моя курочка, моя выдра, моя маленькая креветочка).

Было отмечено, что лексикографические пометы рассматриваемых единиц не делят обращение на ласковое и презрительное, но уточняются при помощи таких дополнительных значений, как *разг. (голубушка, голубчик), разг.-фам.(голубка), простореч. (голубь), ласкат.(цыпка), нар.-поэт.(лебедь) и т.п.* Помимо этого, после некоторых из представленных помет встречается дефиниция «ласковое обращение к лицу определенного пола». Подобное сочетание помет и дефиниций (например, наличие пометы «ласкат.» у одной единицы и дефиниция «ласковое обращение» при отсутствии подобной пометы у другой), как представляется, может усложнить исследовательскую работу языковых специалистов и людей, усваивающих язык как иностранный.

Всего в русской языковой картине мира для конструирования обращения используется 8 зоокомпонентов, причем в речевой реализации в данном значении функционирует 84 употребления.

В процессе создания и разметки собственного подкорпуса все обращения были подразделены на две группы: обращения, выражающие положительное отношение, и обращения, выражающие отрицательное отношение к адресату. В результате было определено, что негативно окрашенные обращения встречаются в речевой реализации в 1,6 раз чаще, чем элементы первой группы. Распределение рассматриваемых единиц в анализируемом подкорпусе можно увидеть на *рисунках 2.6 и 2.7.* Данные результаты совпадают с общеязыковой тенденцией к более подробному оязыковлению отрицательных явлений по сравнению с положительными.

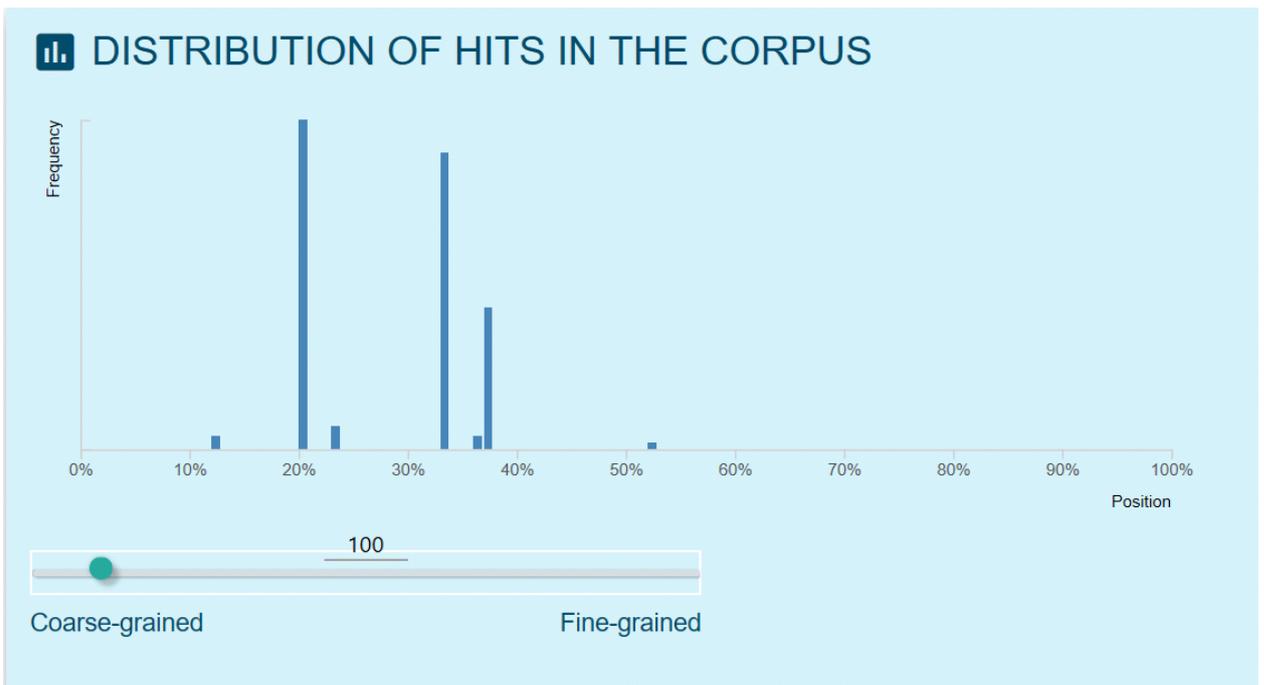

Рисунок 2.6. Частота речевой реализации метафорической модели «человек – это животное» в функции ласкового обращения.

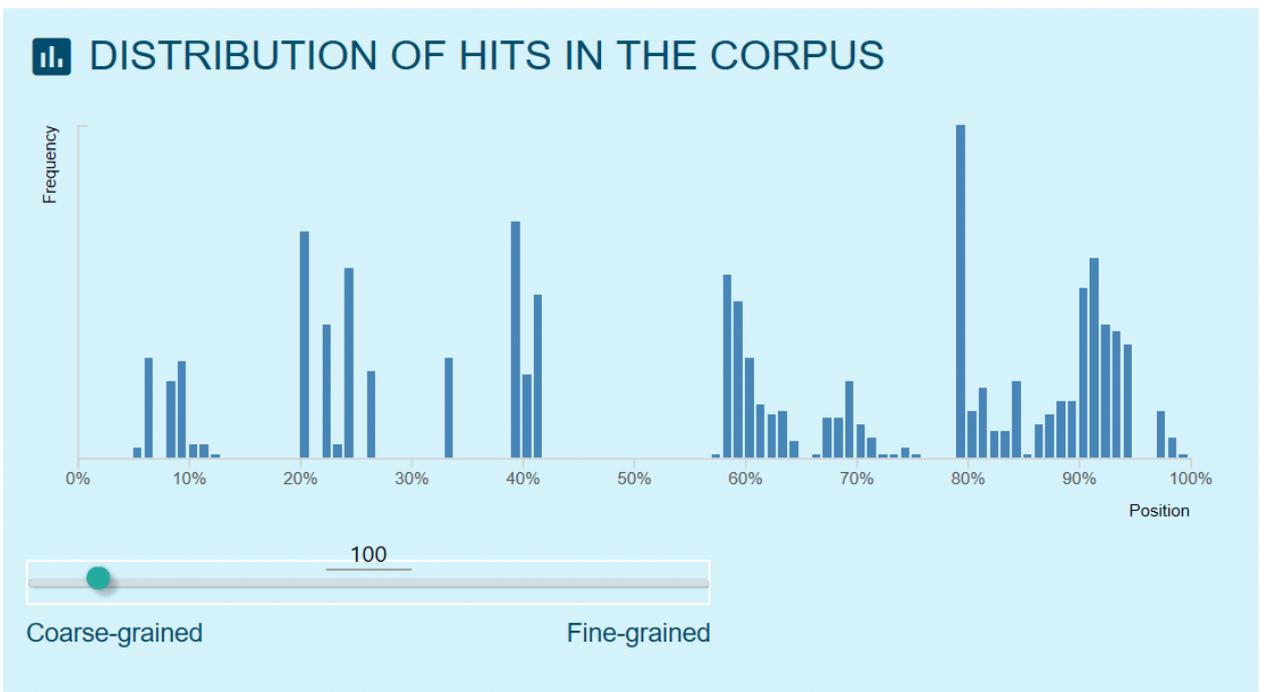

Рисунок 2.7. Частота речевой реализации метафорической модели «человек – это животное» в функции грубого обращения.

Значимым является тот факт, что в противоположность системно-языковой реализации, в которой выделяются 8 зоометафор в функции обращения, основанных на 5 орнитологических образах, речевая реализация дан-

ных моделей представлена 81 различным обращением на основе 64 зоообразов. Анализ обнаружил, что орнитологические обращения сохраняют высокую продуктивность и на материале корпусных данных. На основе единого зоообраза функционируют такие обращения, как *голубчик, голубь, голубушка, голубка, голубица; сокол и соколик*.

На материале корпусных словоупотреблений можно заметить, что языковая система продолжает развивать потенциал орнитологических обращений в национальной ЯКМ. С данным значением были зафиксированы такие единицы, как **гусыня** (*На крылечке новенького деревянного и несколько на дворянский лад выстроенного домика стояла здоровая девка, с лентой в косе, с стеклянными сережками и в босовиках с оторочкой. —Здорова, красноногая гусыня! — сказал извозчик, подъезжая к ней и останавливая лошадей [А. Ф. Писемский. «Старческий грех» (1861)][НКРЯ]*), **петух** (*И вообще ты мне тут не бычь, понял? Что, в вагон захотел, петух волосатый?! — заорал на него бандит, опуская гитару [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)][НКРЯ]*), **ласточка** (*Но только мы тебя, ласточка наша, слишком хорошо знаем, изучили досконально твой неукротимый нор, [Сергей Есин. Имитатор (1985)] [НКРЯ]*), **соловей** (*Сзади скрипнули тормоза, и облаком овеявшаяся автомашина с откинутым верхом остановилась подле меня. — Эй ты, соловей! А ну поди сюда! [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998] [НКРЯ]*), **тетеря** (*Тогда я напрягаю всю свою волю и мысленно говорю ему: Кретин! Иди за мной, тетеря! Делай то, что МНЕ нужно! [Владимир Кунин. Кыся (1998-2000)][НКРЯ]*), **орел** (*Куда ж ты, — спрашивает меня, — красный орёл, поведёшь?[Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)] [НКРЯ]*), **ворона** (*Чертопханов толкнул его ногою, примолвив : Вставай, ворона! [И. С. Тургенев. Конец Чертопханова (1872)][НКРЯ]*), **курица** (*Все знает — знает, как связать человека, курица ты дохлая, остолон! [Василий Шукшин. Штрихи к портрету (1973)] [НКРЯ]*), **гусь** (*— Поздно, яхонтовый мой. Не сметут, гусь ты мой хрустальный. Сейчас она здесь все оплетет и вверх подыметя,*

опутает город — и дальше [Андрей Чернышев. *Милиционер Володя и бабки* (1997) // «Столица» (1997.08.12)]; — А ты, погляжу, гусь, — недобро определил он [Семен Данилюк. *Бизнес-класс* (2003)] [НКРЯ]).

Временная соотнесенность является важным параметром для определения тенденций речевых употреблений. Следовательно, целесообразным представляется обращать внимание не на сам факт присутствия единицы в удовлетворяющих условиям контекстах, но выделить обращения, употребление которых было актуализировано в последние годы. Для удобства восприятия полученные данные представлены в графическом формате в таблице 2.3.

Таблица №2.3.

Зоображение / всего количество употреблений/ всего контекстов	2001-наст. время	1950-2000	1900-1950	1850-1900	1800-1850
Ворона 3/400*	1	1	-	1	-
Голубчик 846/400**	188	606	30	16	5 (1750-1800: 1)
Голубь 68/400	10	25	33	-	-
Голубка 263/332	12	48	72	125	16
Голубушка 593/400	68	154	363	3	5
Голубица 39/97	2	8	6	13	10
Гусь 20/400	1	11	8	-	-
Гусыня 2/62**	-	1	-	1	-
Курица 10/400	7	3	-	-	-
Ласточка 43/400	12	17	11	3	-
Лебедь 2/400	-	2	-	-	-
Орёл 4/400	2	2	-	-	-
Петух 3/400	2	1	-	-	-
Соколик 141/107	5	16	51	64	5
Сокол 15/100	4	7	4	-	-
Соловей 1/400	-	1	-	-	-
Тетеря 12/67*	2	3	4	3	-
Цыпка 6/47	2	2	-	2	-
Цыпочка 19/35	1	10	3	4	1

*общее количество контекстов, представленное в НКРЯ с данным словоупотреблением

** серым выделены единицы, фиксирующие функцию обращения через орнитологический зообраз в лексикографических источниках

Из представленных данных можно сделать вывод, что орнитологические образы в функции обращения используются в неравной степени. Наибольшая частотность выявлена у единиц, фиксирующих данную функцию в лексикографических источниках. Однако отдельные единицы (цыпочка, цыпка, лебедь) демонстрируют низкую частотность употребления, даже имея указанный параметр, что свидетельствует об их меньшей значимости в сознании носителей данной культуры.

С точки зрения проявления гендерного признака, самыми частотными зоообразами являются *голубчик*, *голубь* и *соколик* – для соотнесения с лицом мужского пола и *голубка*, *голубушка* – для женского. Очевидно, что активность использования данных образов носителями языка варьировалась с течением времени. Можно полагать, что в настоящее время самым актуальным образом остается единица *голубь*, на основе семантической структуры которой развиваются оба гендерно-маркированных значения (*голубчик*, *голубушка*). Однако, если сравнивать данные с показаниями за предыдущие годы, можно утверждать, что активность их использования снизилась, а пик их визуального употребления приходился на начало XX века для единицы *голубушка* и вторую половину XX века для единицы *голубчик*. При этом, данные единицы стали активно использоваться как гендерно-маркированные обращения не раньше XX века. До этого момента данная функция в большей степени реализовывалась через орнитологические образы *голубка* и *соколик*, соответственно, чья наибольшая активность визуального употребления пришла на вторую половину XIX века.

Наименее используемыми образами конструирования обращения для носителей русского языка и культуры стали *ворона*, *гусыня*, *орел*, *петух*, *соловей*, *цыпка*. Этот факт не препятствует использованию их развитой семантической структуры для конструирования иных гендерно-маркированных метафорических значений.

В процессе анализа было обнаружено, что среди орнитологических зоообразов самый длительный период функционирования в данном значении также отмечается у единицы *голубчик*, первое использование которой фиксируется уже во второй половине XVIII века. Самыми молодыми единицами стали *курица*, *орел* и *петух*. Они начали фиксироваться со второй половины XX века.

Также было выявлено, что из всех рассматриваемых единиц самую высокую частотность, помимо орнитологических употреблений, демонстриру-

ют компоненты *гад (150), гадюка (44), карга (56), кобыла (50), козел (79), скотина (167)*.

В процессе анализа были зафиксированы отдельные случаи подмены гендерной маркированности единиц, устойчиво функционирующих в определенном гендерном классе.

Использование маскулинно-маркированного зообраза в функции обращения к лицу женского пола можно проиллюстрировать следующими примерами: *Ниночка, голубчик, сыграй, пожалуйста, за меня, – попросила Света [Евгений Велтистов. Новые приключения Электроника (1988)]; Ох, голубчик, не надо. Ты же умница и мужественная (не пугайся, это я о духе; так-то ты женственная, женственная)[Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]; Евгенья-голубчик... Ты резко-то не шуми, [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 1 (1967)][НКРЯ].*

Употребление феминно-маркированного зообраза в функции обращения к лицу мужского пола зафиксировано следующим образом:

1) использование зообраза «ласточка ж.р.» для «ласточка м.р.»: *Пой, ласточка, пой. Продались вы, товарищ Шапошников, немцам за жилплощадь [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)] [НКРЯ];*

2) использование зообраза «лебедь ж.р.» для «лебедь м.р.»: *...Если, конечно, не сломаете шею... **черный лебедь!** – твердо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Александр Авдеенко найдет в себе силы работать самостоятельно [Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)][НКРЯ];*

3) использование зообраза «гадюка ж.р.» для «гадюка м.р.»: *Ты эсэсовская падаль, убил Княжко? Ты, ты, **гадюка** из мансарды стрелял? [Юрий Бондарев. Берег (1975)] [НКРЯ];*

4) использование зообраза «голубушка ж.р.» для «голубушка м.р.»: *...толкай, чего смотришь, ишь задрогался... А вон еще длинноволосый бежит... ату его, ату его, попался, голубушка! [Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969)] [НКРЯ];*

5) использование зоообраза «кобыла ж.р.» для «кобыла м.р.»: *Не танцы тебе нужны, кобыла старая, и не бабы, – наставительно произнес Форкоп, наливая [Борис Екимов. Высшая мера (1995)] [НКРЯ];*

б) использование зоообраза «сучка ж.р.» для «сучка м.р.»: *Когда я поднял глаза, она стояла передо мной и ствол моего автомата был направлен мне прямо в лоб. — Сучка, — сказала она, — **сучка**, говно. Давай сюда талоны твои сраные, журналист хренов! [Александр Кабаков. Путешествие экстраполятора (1988-1999)]; — Раздраженно крикнул завхоз, подойдя ближе к компании. — Ты что, **сучка**, в одежде разлеглась? — Он дал подзатыльник симпатичному молодому пареньку с округлыми формами [Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)] [НКРЯ].*

Отмечено, что при смене гендерного класса наблюдается тенденция не сопоставлять элементы напрямую маркированные противоположными полами, например, *он гадюка, она голубок*, но заменять их на имя собственное или компоненты, имеющие метагендерную соотнесенность: *ты гадюка, голубок мой (отсутствие гендерно-маркированного элемента, относящегося к лицу описания)* и т.п.

Рассмотрение вариантов смены класса метагендерной маркированности на иной не предпринималось, поскольку данная категория не характеризуется ограничивающей функцией.

Отдельно были зафиксированы случаи проявления аксиологической амбивалентности в узуальном употреблении. Ряд единиц, имеющих лексико-графическое значение «ласковое обращение к лицу определенного пола», обнаружили тенденцию к изменению данного компонента в сторону развития отрицательной коннотации. Данные случаи можно разделить на две подгруппы:

- 1) употребления, демонстрирующие изменение коннотации без изменения гендерной соотнесенности: *Ты что, голубушка, белены объелась? [А. И. Мусатов. Клава Назарова (1958)]; Конечно, если попадусь, то ты, ведьма, с меня шкуру сдерешь, но попадусь ли, нет ли,*

это бабушка надвое говорила, а уж штучку - то тебе назло я отмочу, голубушка, отмочу![А. В. Амфитеатров. *Марья Лусьева (1903)*] (*ведьма=голубушка*) [НКРЯ].

- 2) употребления, демонстрирующие изменение коннотации с изменением гендерной соотнесенности: *...толкай, чего смотришь, ишь задрывался... А вон еще длинноволосый бежит... ату его, ату его, попался, голубушка!*[Василий Аксенов. *Любовь к электричеству (1969)*] [НКРЯ].

Выводы по данному вопросу могут быть кратко сформулированы следующим образом:

1. Было установлено, что исключительно значимыми в функции обращения для русской ЯКМ являются образы, созданные на основе орнитологических зоометафор. Они представляют собой самую частотную группу единиц, которые обнаруживают высокую производную продуктивность при использовании меньшего количества зоообразов и превосходят по числу образования подобных единиц маммологические и ихтиологические образы.

2. Был выделен ряд употребительных обращений, таких как *гад, гадюка, скотина, сучка, козел, коза, карга*, не зафиксированных в современных лексикографических источниках в данном значении (фиксируются только в значении отрицательной характеристики лица).

3. Частота их использования свидетельствует о том, что существует необходимость добавить дополнительные сведения к описанию данных единиц, хотя бы в виде бета-значений.

4. Выявлены случаи изменения коннотации, зафиксированной в лексикографических источниках, на противоположную, функционирующую в речи. Данный процесс может сопровождаться изменением класса гендерной маркированности.

5. Выявлены отдельные случаи подмены гендерной маркированности единиц в процессе узуального функционирования (голубчик м.р. → го-

лубчик ж.р.; голубушка ж.р. → голубушка м.р.; ласточка ж.р. → ласточка м.р. и т.п.).

б. Несмотря на активное использование орнитологического зоообраза для создания ласковых обращений, доминирует отрицательная коннотация, что свидетельствует о потребности сознания оязыковлять отрицательные явления действительности и деятелей данных явлений, как потенциально опасных для говорящего.

2.3. Инвективное функционирование гендерно-ориентированных антропоморфных зоометафор

Анализируемые гендерно-маркированные инвективы, в которых проецируются когнитивные признаки из ментального пространства (термин принадлежит Ж. Фоконье) «животное» на пространство «человек», могут быть представлены следующими метафорическими моделями на материале ЯКМ:

- 1) лицо мужского пола – это животное 76%;
- 2) лицо женского пола – это животное 8%;
- 3) лицо мужского/женского пола – это животное 16%.

Учитывая тот факт, что ментальное пространство «животное» обладает целым комплексом признаков, легко проецируемых на пространство «человек», данный тип зооинвектив является высокопродуктивным во многих языках, отражая специфичность, присущую конкретной ЯКМ. Таким образом, анализируя инвективные употребления, можно получить представление о **системе ценностей/антиценностей носителей исследуемого языка относительно гендерно-предписанных норм функционирования в обществе.**

Для этого представляется необходимым:

- 1) выделить количество инвективных употреблений относительно всех анализируемых антропоморфных номинаций;

2) определить тематический перечень оснований для создания инвективной характеристики;

3) установить процентное соотношение между гендерно-маркированными метафорическими моделями и когнитивными признаками, положенными в основу оценочного образа;

4) проанализировать значимость гендерного параметра для формирования инвективного употребления на основе зоометафоры;

5) определить наличие/отсутствие дополнительных когнитивных признаков, положенных в основу формирования оценочной характеристики для выявления совпадений и различий между ЯКМ и речевой реализацией данных единиц с целью описания общего вектора и тематической направленности формирования данного типа суждений в современном русском языке.

Анализ показал, что 43% рассмотренных гендерно-маркированных зоометафор могут функционировать в качестве инвективных употреблений, однако частота реализации данной интенции в представленных единицах значительно разнится. Под инвективой в данной работе понимается лексика, употребление которой содержит намерение инвектора оскорбить или унижить адресата речи – инвектума [Жельвис 1988].

К самым продуктивным в этом отношении зоообразам можно отнести: скотина (163), гад (149), козел (82), сука (65), карга (55), гадюка (44), кобель (32), свинья (30), скот (28), гнида (26), коза (29), жаба (19), кобыла (19).³

К зоообразам, демонстрирующим наименьшую активность в реализации инвективных значений, можно отнести:

1) **группу орнитологических метафорических употреблений, функционирующих в ЯКМ со значением ласкового обращения к лицу определенного пола: голубь, голубушка, голубка, голубица, орел, лебедь и т.п.;**

³В скобках приведено количество контекстов НКРЯ с участием данного зоообраза, реализующих только инвективную интенцию

2) **группу метафорических употреблений, представляющих редких животных** для сознания носителей рассматриваемой лингвокультуры: *морж, моржиха, тигр, тигрица, черепаха, зубр, хамелеон, дикобраз, акула, попугай, кит и т.п.*;

3) **группу метафорических употреблений, имеющих низкую частотность употребления:** *вьюн, летун, гнус, битюг, байбак, пустельга и т.п.*

Данный факт может иметь **прагматическое объяснение:** поскольку одним из обязательных условий реализации инвективного значения является его легкая декодируемость в условиях конкретной лингвокультуры и понятность адресату, выбираются зоообразы, имеющие высокую частотность употребления и нераспространенную семантическую структуру. При этом, для уточнения или усиления выражаемой интенции в речевом использовании функционирует ряд адъективных коллокатов.

Самыми частотными семантическими компонентами для реализации и уточнения подобного значения являются:

1) **отрицательно оцениваемый внешний вид:** лапчатый, щипанный, стоголовый, бесхвостая, волосатая, **старый**, пучеглазый, вислоухий, безрогий, рваный, лысый, усатый, невытый, хромоногая, мокрая, облезлая, драная, лохматая, нечесаная, белобрисая, голоногая, одноногая, безногая, грязная, задрипанная, вяленая, жирная, голенастая, толстопятая, очкастая;

2) **отрицательно оцениваемое поведение:** паскудный, сентиментальный, самонадеянный, бесстыжий, бессовестный, трусливый, отвязный, пьяный, неврастенический, неблагодарный, ненасытная, нечестивая.

3) **отрицательно оцениваемые интеллектуальные способности:** глупая, тупая, бестолковая, безмозглый.

В качестве компонентов, придающих большую интенсивность инвективному значению, используются прилагательные со значением:

1) **манеры действия:** прямоходящий, ползучий;

2) **незавершенности действия:** недоделанный, неострелянный, недобитый;

- 3) **места обитания/происхождения:** болотная, амбарная, подколodная, навозная, детдомовский и т.п.;
- 4) **политической принадлежности:** красный, эсэсовский, петлюровский;
- 5) **национальной принадлежности:** кавказский, осетинский, узбекский, татарский, (тифлисский);
- 6) **библейской референции:** каинский, дьявольский, адов.

Комплексная отрицательная оценка выражается при помощи адъективных единиц: чмошный, паршивый, проклятый, вонючий, дохлая, гремучая и т.п.

Выявлено, что одним из самых частотных коллокатов, используемых для лиц как мужского, так и женского пола, в русской лингвокультуре является прилагательное **«старый»**, выражающее, помимо признака «возраст», значение отрицательной оценки.

Также отмечено функционирование адъективного коллоката **«несчастный»** с десемантизацией преобладающего компонента «эмоциональное состояние» и актуализацией значения «отрицательная характеристика лица» и функционирование коллоката **«порядочный»** со значением «преобладание выражаемого признака».

Отмечается, что большинство нейтральных прилагательных, сочетающихся с инвективными зоометафорами, попадают в зону их семантического влияния и приобретают новые контекстуальные значения.

В процессе анализа было выявлено, что антропоморфные зоометафоры проявляют высокую контекстуальную сочетаемость с подобными единицами отличной гендерной референции: —*Ах же ты гад, ах ты змей, ах ты барбос ты противный, подколodная гадюка, сволочь и сукин же ты рассын!* [Евгений Попов. *Вне культуры (1970-2000)*]; *Вы тут — главная лягушка; жаба! Все знает — знает, как связать человека, курица ты дохлая, остолон!* [Василий Шукшин. *Штрихи к портрету (1973)*] [НКРЯ].

Один и тот же зообраз может использоваться для выражения как маскулинно-, так и феминно-маркированных инвективных значений.

Помимо этого, степень выражаемой инвективности может варьироваться в зависимости от контекста и, в большинстве случаев, (за исключением самых частотных употреблений (гад, сука, сучка) не является определяемой самим зообразом.

Отмечены случаи проявления аксиологической амбивалентности в рамках отдельного зообраза. Так, единица «голубушка» демонстрирует высокую частотность функционирования национально-специфичного значения «ласковое обращение к лицу женского пола», однако на материале НКРЯ обнаруживаются контекстные употребления, где преобладающим является значение «презрительно обращение к лицу женского пола», уточняющееся субстантивными коллокатывами со значением отрицательной характеристики лица: —*Что же вы стоите, голубушка, как дура?* [В. П. Катаев. Ребенок (1929)] [НКРЯ]. Подобная тенденция обнаруживается и в функционировании единицы «голубчик».

Одним из способов конструирования маскулинно-маркированной инвективной интенции в адрес лица мужского пола является его референция с феминно-маркированным зообразом напрямую: *Дурак, бездельник, лентяй, грязная муха, мокрая курица, дерьмо...* [Леонид Млечин. Антисистемная ошибка // «Огонек» (2014)] [НКРЯ], или опосредованно: *сукин же ты рассын, сукин кот, курицын сын.*

Противоположный процесс соотнесения маскулинного зообраза и феминно-маркированного компонента не приводит к подобному результату. В данном случае реализуется значение положительной характеристики, которая традиционно имеет референцию с лицом мужского пола: *Только мама была не курица, а ястреб, в семье её все боялись, и дядя Иосиф боялся* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]; *Анну Наумовну лабораторные остряки окрестили «курица-жеребец», она обладала нечеловеческой работоспособностью и терпением, — однажды ей пришлось просидеть 18 часов за*

микроскопом, исследуя слои фотозмульсии [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)] [НКРЯ].

Выбор зоообразов, использованных для создания инвективной единицы в контексте определенной лингвокультуры, может изменяться с течением времени. Так, с одной стороны, использование зоометафоры может реализовывать инвективную интенцию, только опираясь на современный багаж лингво-культурологических знаний носителя языка, с другой – рассмотрение развития значения в синхронии и диахронии может позволить произвести лингвистическое прогнозирование в отношении отдельно взятых гендерно-маркированных единиц. Поскольку значение инвективных употреблений является нестабильным и варьируется с течением времени, можно наблюдать примеры, в которых слово, считающееся нейтральным в настоящее время, имело выраженный инвективный компонент в прошлом, и наоборот: — *Ах, ты, олух, идиотина, **карась!** Так хватался за голову Тихмень и частил себя... трезвый [Е. И. Замятин. На куличках (1913)]; — Да как ты смеешь, карась этакий, рабочего человека обижать? [А. И. Пантелеев. Ленька Пантелеев (1938-1952)] [НКРЯ].*

В целом, можно отметить, что речевое употребление обладает большим количеством возможностей для реализации адресной инвективной интенции и варьирования смысла. Гендерная категория характеризуется гибкой сочетаемостью и не накладывает жестких ограничений на выбор и речевое функционирование зоообразов.

2.4. Анализ контекстуального окружения гендерно-ориентированной зоометафоры

В процессе анализа выбранного материала важно учитывать, что языковая и речевая реализации выражаемого концепта могут противопоставляться ради исследовательских целей, которые фактически, не отображая полярных явлений, дополняют собой изучение единого объекта – **КОГНИТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ**. Также изучение языковой и речевой реализации исследуемых моделей может рассматриваться в отношениях *общее – частное*, где первый элемент представляет собой базу, необходимую для поддержания коммуникативной функции, а второй обозначает вектор развития семантической структуры слова и трансформацию оязыковляемых представлений в человеческом сознании.

Для уточнения специфики лингвокультурного содержания рассматриваемых гендерно-маркированных зоометафор использовался анализ контекстов созданного подкорпуса, производимый при помощи корпусных менеджеров AntConc и Sketch Engine.

Поскольку все анализируемые единицы представляют собой субстантивные образования, целесообразным представляется производить сортировку контекстов на предмет выявления:

- 1) описательного элемента, уточняющего содержание исследуемой единицы;
- 2) замещающего/дополняющего элемента, контекстуально приравняемого к значению рассматриваемой единицы;
- 3) элемента, выражающего действие, ассоциируемое с объектом.

Сортировка объектов, удовлетворяющих условиям анализа, производилась при помощи функции Word Sketch корпусного менеджера Sketch Engine, при необходимости, данные проверялись или уточнялись посредством конкорданс программы AntConc.

Для начального этапа описания из созданного подкорпуса были выбраны 15 самых частотных метафорических зоопотреблений: *голубчик* (737), *голубушка* (650), *гад* (639), *скотина* (468), *козел* (464), *щенок* (454), *свинья* (273), *сучка* (258), *гусь* (163), *баран* (158), *соколик* (143), *бык* (105), *червь* (100), *боров* (95), *заяц* (94).

Далее проводился анализ сочетаемости для каждой из выявленных лексем.

2.4.1. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *голубчик*.

Гендерно-маркированная зоометафора *голубчик* была проанализирована на предмет уточнения содержательной структуры единицы при помощи рассмотрения ее контекстного окружения. Подобный анализ позволяет детализировать конструирующие элементы значения посредством наслоения компонентов речевой семантики.

Рассматриваемая единица обнаруживает узкую грамматическую сочетаемость и функционирует на материале созданного подкорпуса с **ограниченным перечнем глаголов**, например, *зависнуть* – 1, *прятаться* – 1, *попасться* – 1, *тронуться* – 1, *найтись* – 1, *сидеть* – 1, *лежать* – 1.

Адъективные коллокации представлены единицами с **положительной коннотацией** для функционирования в роли ласкового обращения: *милый* – 5, *чистый* – 1. Незначительное количество подобных единиц может быть объяснено сильно выраженным значением самого определяемого слова.

Единиц с **отрицательной коннотацией** для функционирования в речевом значении «**презрительное обращение**» выявлено не было.

Также для выражения ласкового обращения используется частотное сочетание с притяжательным местоимением «*мой*» – 47 употреблений.

Контекстное окружение данного зообраза обнаруживает развернутый перечень уточняющих **субстантивных** компонентов, представленных антропоморфными именами собственными: «*Мильтон, голубчик!*» [Евгений Попов. *Мелкие приключения Орла Орлова (1970-2000)*], «*Одиссей, голубчик!*»

[Дмитрий Быков. Орфография (2002)]; «Тиша, голубчик!»[А. Н. Островский. Гроза (1860)][НКРЯ]. Подобный факт объясняется исключительно частотным использованием данной единицы в русской лингвокультуре в качестве обращения.

К нетипичному функционированию данной единицы можно отнести сочетание маскулинно-маркированного компонента с субстантивным феминно-маркированным коллокатом: —Вы умничка, **голубчик**. Почему бы вам не писать романов? [Игорь Адамацкий. Утешитель // «Звезда» (2001)][НКРЯ].

Контекстное окружение лексемы *голубчик* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.8

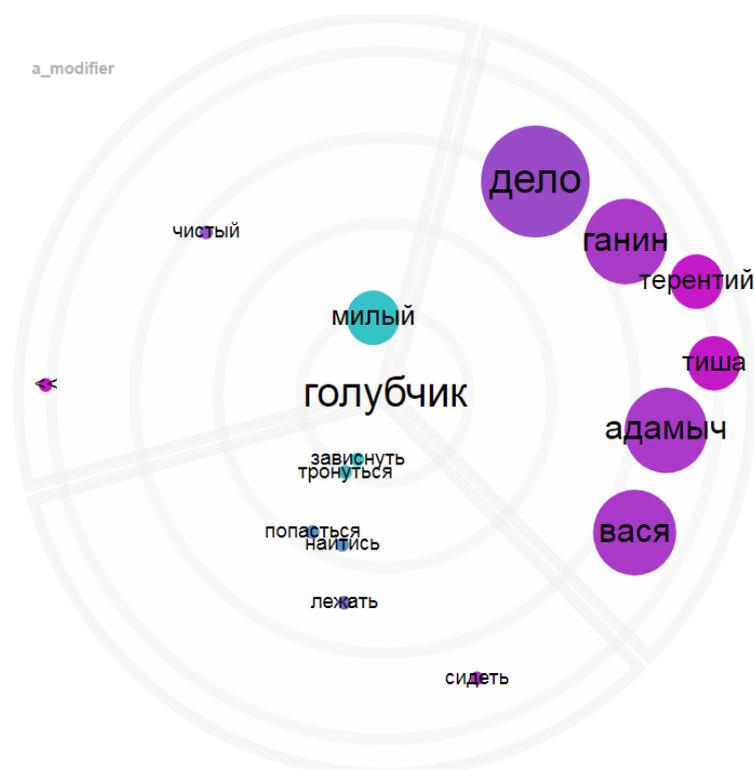

Рисунок 2.8. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «голубчик».

В контекстуальном употреблении наблюдается расширение семантического объема единицы. В ЯКМ основным компонентом значения является «ласковое обращение к лицу мужского пола» и ирон. «кто-то, заслуживающий порицания». Речевая реализация обнаруживает дополнительную гендерную сочетаемость с лицом женского пола: Устала, родная моя? От-

дохни, *голубчик* [И. Грекова. *Дамский мастер* (1963)]; *Ниночка, голубчик, сыграй, пожалуйста, за меня, — попросила Света* [Евгений Велтистов. *Новые приключения Электроника* (1988)]; *Валечка, голубчик, натри ему шею, поработай, поработай, душенька* [В. Ф. Кормер. *Наследство* (1987)]; *Ирина Михайловна, голубчик, — Перечников даже застонал, — умоляю, только не надо пошlostей!* [Дина Рубина. *Любка* (1987)] [НКРЯ]; а также заметное проявление отрицательной коннотации: *Не морочьте мне голову, голубчик. Если вы такой благородный, то почему не помогаете четырем своим детям, которых вам родила несчастная Галя?* [Александра Маринина. *Иллюзия греха* (1996)]; *Голубчик, да вы мошенник!* – от души расхохоталась Лариса [Александра Маринина. *Стечение обстоятельств* (1992)] [НКРЯ]. Также было обнаружено употребление единицы с доминирующим компонентом «лицо мужского пола», противопоставляемое как элемент гендерной пары: *Нет, — подумала Христина, — это не травести, а чистый голубчик* [Ирина Бахтина. *Зачем я тебе?* (2007)] [НКРЯ].

2.4.2 Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *голубушка*.

Для гендерно-маркированной зоометафоры *голубушка* в качестве описывающих адъективных элементов контекстного окружения используются:

- 1) «единицы, выражающие положительную оценку лица»: милая – 13, родная – 5, дорогая – 4, драгоценная – 1, золотая – 1.
- 2) «единицы, выражающие сострадание к описываемому лицу»: бедная – 1.
- 3) «единицы, описывающие внешний вид»: красавица – 2, белая – 1.

К уточняющим/замещающим компонентам, на материале рассматриваемого подкорпуса, относятся:

- 1) «единицы, ласково называющие лицо женского пола (имеющие уменьшительно-ласкательные суффиксы)»: любушка (любушка-голубушка) – 4, крошка – 2;
- 2) «единицы, обозначающие титулы лица женского пола, характерные для русской культуры»: барышня – 2, барыня – 3.

Отдельную группу субстантивных коллокатов представляют единицы со значением родства, подчеркивающими важность данного зообраза для лиц рассматриваемой лингвокультуры: матушка – 5, маменька – 4, няня – 2, бабушка – 1, тетенька – 1.

Также единица может иметь коллокаты, представленные именами собственными в уменьшительно-ласкательной форме: Варечка, Анечка, Настенька, Лидочка, Любушка, Раечка и т.п.

Анализ сочетаемости с глагольными элементами не обнаруживает показательных примеров.

Контекстное окружение лексемы *голубушка* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.9.

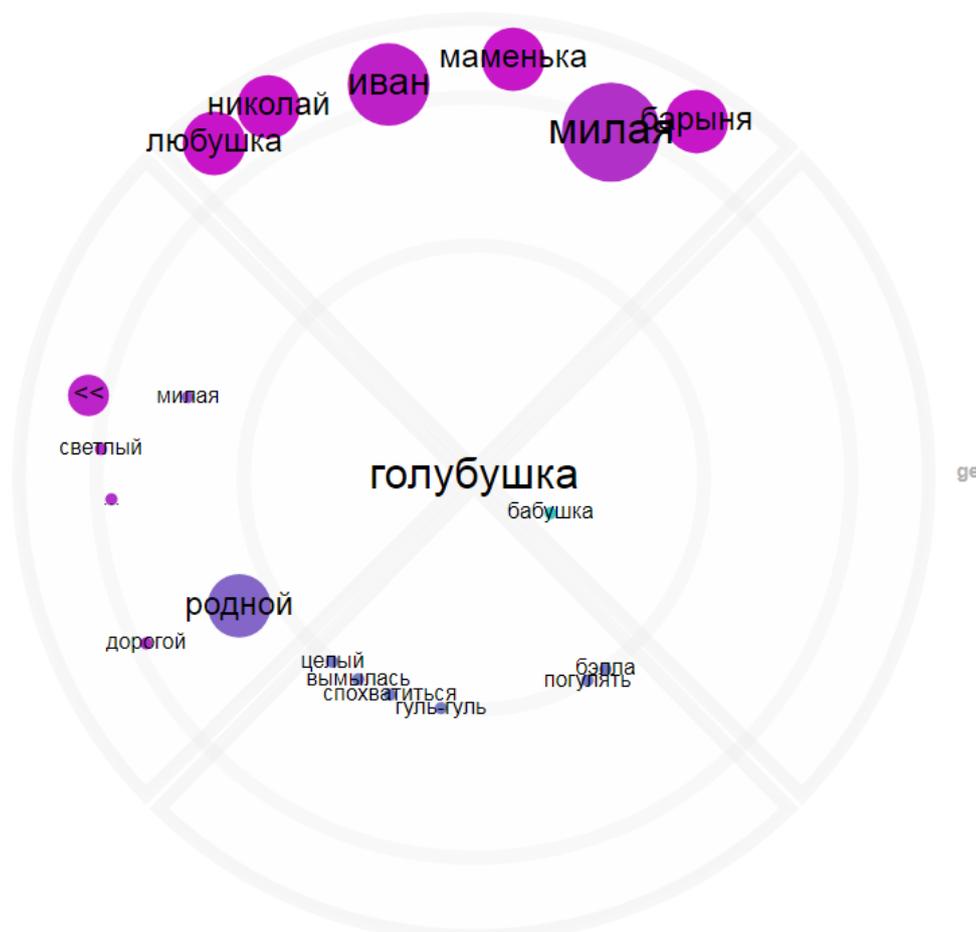

Рисунок 2.9. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «голубушка».

Языковое значение единицы ограничивается компонентом «**фамильярное, иногда с оттенком ласки, обращение к женщине**», речевое – дополняется семой «**презрительное отношение к лицу женского пола**»: *Что это, вы, голубушка, орете на ребенка?* [Катя Метелица. *Московские народные сказки* (1997) // «Столица» (1997.09.02)]; *Я-ави-ила-ась, голубушка, я-ави-ила-ась!* [Виктор Астафьев. *Последний поклон* (1968-1991)] [НКРЯ].

Анализ материала обнаружил случай сочетания данной единицы с лицом мужского пола с целью выражения большей **инвективной интенции**. Несмотря на высокую продуктивность представленного зоообраза, употребление носит единичный характер: *...давай веревку, веревку... толкай, чего смотришь, ишь, задрыгался... А вон еще длинноволосый бежит...ату его, ату его, попался, голубушка!* [Василий Аксенов. *Любовь к электричеству* (1969)][НКРЯ].

Также было зафиксировано значение, опосредовано **выражающее степень доброжелательности отношения между говорящими: *Вера Ивановна! Голубушка!.. Я вам не голубушка! Я вам не голубушка! Господи, зачем я только на этот угол пошла?! [Л. Н. Разумовская. Владимирская площадь (1990-1999)] [НКРЯ].***

2.4.3. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *гад*

Анализируемые группы коллокатов метагендерной зоометафоры *гад* обнаруживают: подробный перечень глаголов, **выражающих действие, связанное с обманом и предательством:** быть – 7, пожрать – 2, попасться – 2, стоять – 2, признаться – 1, сдаваться – 1, донести – 1, рассказать – 1, наврать – 1, налепить – 1, сгубить – 1, спереть, обвести – 1, издеваться – 1 и т.п.; **значительное количество описательных адъективных элементов со значением:**

1) **«отрицательная характеристика лица»:** фашистский – 1, вредный – 1, злобный – 1, липкий – 2, хитрый – 2, ползучий – 1, скользкий – 1, подлый – 1, ядовитый – 1, коварный – 1;

2) **«внешний вид»:** худющий – 1, холеный – 1, тощий – 1, красивый – 1, жирный – 1;

3) **«прочее»:** всесоюзный – 1, отечественный – 1.

Среди уточняющих/заменяющих **субстантивных компонентов** выделяются единицы с ярко выраженной негативной оценкой. Данные компоненты помогают уточнить национально-специфический характер элементов значения сформированный в культурном сознании носителей русского языка, и, при необходимости, определить наличие инвективного компонента или его степень: гад – 14, сволочь – 7, предатель – 3, ренегат – 2, сука – 2, **Берия – 1, Сталин – 1, Гитлер – 1**, мерзавец – 1, червь – 1, декан – 1, садист – 1, пролетарий – 1 и т.п.).

Контекстное окружение лексемы *гад* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.10.

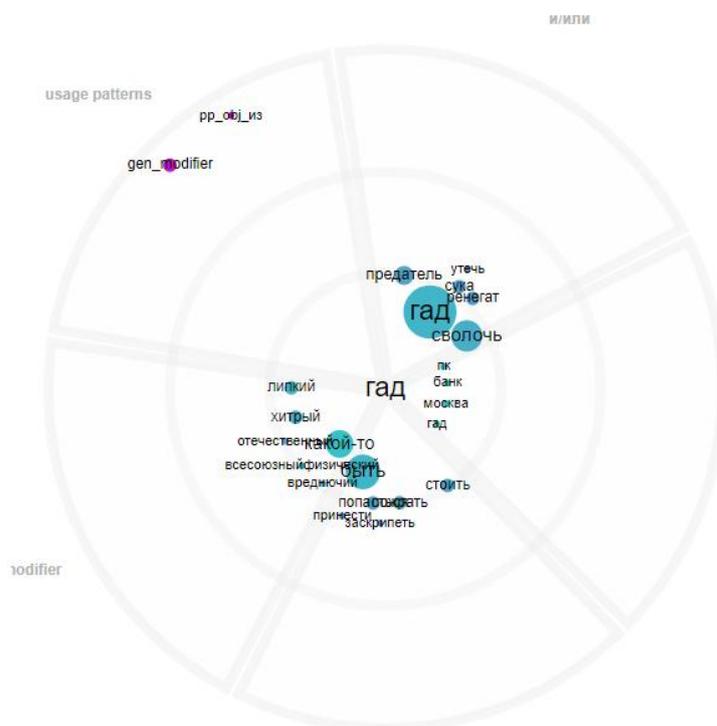

Рисунок 2.10. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «гад».

Языковое и речевое значения данной единицы представляются, в целом, тождественными и реализуются чрез сему «мерзкий, отвратительный человек, гадина». Высокая частота использования представленной зоометафоры объясняется:

- 1) **краткой односложной формой**, позволяющей быстро передать значение, и возможностью её усиления через структуры типа «*Гад из гадов!*» [А. И. Солженицын. *На краях (1994-1995)*], где подобное использование более длинных слов представлялось бы затруднительным;
- 2) **метагендерной сочетаемостью**, позволяющей сочетать единицу с словами, обозначающими лиц разного пола, а также с подобными единицами различной гендерной соотнесенности: *Пусть говорит, гад, пусть говорит, тебе повезло, гнида, я бы*

вас всех в одной луже утопил... [Юрий Азаров. *Подозреваемый (2002)*] [НКРЯ];

- 3) возможностью выражать **смыслы разной степени инвективности** в зависимости от окружающего контекста: *Гад, пьяница, чудик, подстрекатель, жучара тот еще, еврей, можно сказать иной раз, что и жид пархатый, но такой родной* [Дарья Симонова. *Шанкр (2002)*]; *Ну, сука!.. Ну, гад!..* [Вадим Громов. *Компромат для олигарха (2000)*] [НКРЯ].

2.4.4. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *скотина*

Метагендерная зоометафора *скотина* также обладает широкой грамматической сочетаемостью. **Самая объемная группа** коллокатов представлена прилагательными, **выражающими отрицательную оценку говорящего**: ленивый – 4, грубый – 4, последний – 4, грязный – 3, неблагодарный – 2, порядочный – 2 (в отрицательном значении), настоящий – 2, подлый – 2, кровожадный – 1, безответственный – 1, хитрый – 1 и т.п.

Уточняющие компоненты представлены единицами с **ярко выраженной инвективной интенцией**: скотина – 6, животное – 3, негодяй – 3, дрянь – 3, тварь – 3, сволочь – 2, жлоб – 1, козел – 1, обормот – 1, насильник – 1, падла – 1, дурак – 1.

Глагольные коллокаты представлены единицами: быть – 4, обсчитать – 4, налить – 1, хрипеть – 1, объявить – 1, захрапеть – 1, заставить – 1, сломать – 1 и т.п.

Контекстное окружение лексемы *скотина* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.12.

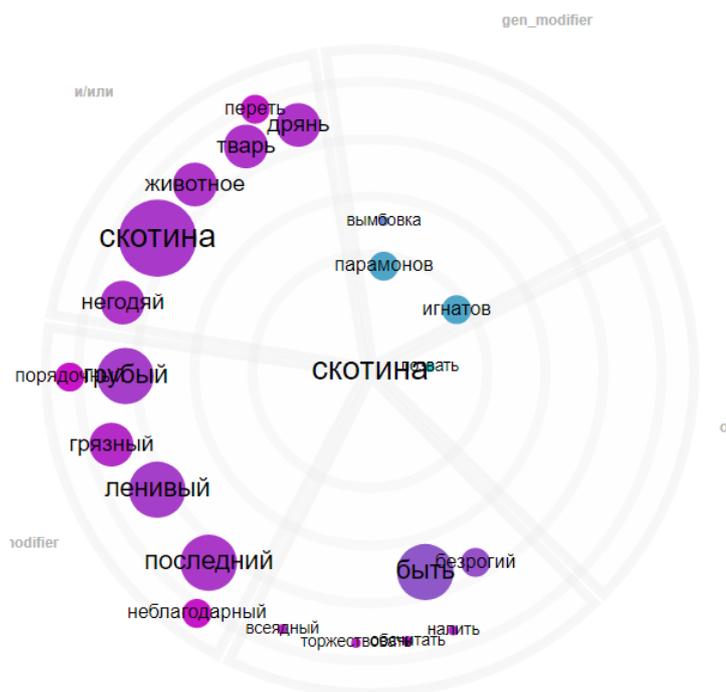

Рисунок 2.12. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «скотина».

Языковое и речевое значения зоометафоры *скотина* структурируются единым семантическим компонентом – **«грубый, подлый человек»**. При этом, анализ контекстуальных употреблений обнаружил наличие ряда подпризнаков, не зафиксированных в лексикографических источниках. Так, например, были выделены подпризнаки **«отрицательная самохарактеристика»**: *Это потому, что я — скотина, — с горечью проговорил я. Кирюша, прости меня, я негодяй, скотина, я сейчас у Милочки, просто в отчаянии [И. Грекова. Перелом (1987)]; Валя, я негодяй и скотина... Я себя презираю... [Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)] и «презрительное обращение»: *Ахты, скотина! — в конце обозлилась Аля [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)]; Скотина, гадина, идиотина, отдашь ты или нет? [Асар Эппель. Худо тут (1990-2000)] [НКРЯ].**

Еще одним выделенным компонентом речевой семантики является «сексуально несдержанное лицо мужского пола»: *А Ксафонов, он, наверное, к вам пристаёт? Домогается, скотина? [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]; У этой акцент или она мне всего лишь снится, и я лезу под*

юбку, как скот, как скотина в моем личном сне, а раз это мой сон, что хочу, то и делаю, отвяжитесь [Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь» (2003)]. Если так, — тихо сказал Данилов, — то ты... то вы бесчестный соблазнитель. И просто **скотина** [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)] [НКРЯ].

Несмотря на то, что данный зообраз имеет отрицательную коннотацию, отдельные компоненты речевой семантики обнаруживают положительные значения, такие, как, например, **«трудолюбивый, усердно работающий человек»**: Но устала я, опристалала, как худа скотина, и ничего мне более не нать [Владимир Личутин. Вдова Нюра (1973)]. Но, вернувшись в родной колхоз, она продолжала вкалывать, как последняя скотина во славу своей социалистической Родины [Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997)] [НКРЯ].

Также были обнаружены отдельные немногочисленные употребления со значением **«манера действия»**: И ржсал как скотина, даже от лифта слышно — в прекрасном настроении! [Александр Терехов. Бабаев (2003)] [НКРЯ].

Представляется необходимым отметить тот факт, что, несмотря на преимущественную гендерную сочетаемость данной единицы с лицами мужского пола, присутствуют употребления и с **феминно-маркированными компонентами**: Да жена изменяет, скотина, дочь беременна неизвестно от кого, я в постель мочусь! [Коллекция анекдотов: психиатры (1970-2000)]; А Жаклин прямо на пляже отдалась еще двум туземцам, грязная скотина [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда» (2002)]. **Отвратительная скотина**, — подтвердил я, хотя не уточнил конкретно, кого же именно имел ввиду — «кламбер-спаниеля» или свою приятельницу [Иржи Грошек. Реставрация обеда (2000)] [НКРЯ].

Языковое и речевое значение гендерно-маркированной зоометафоры *козел* объединены компонентом «человек, вызывающем неприязнь, раздражение».

Далее речевое значение детализируется такими гендерно-маркированными компонентами речевой семантики, как:

- 1) **«сексуально несдержанный мужчина»:** *Ты похотливый козел, — заорала я, одной рукой тряся деда, а другой выдирая из альбома снимок, — мерзкий, грязный идиот, который отправил на зону ни в чем не повинного человека!* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]. *Но тут к жадным юношам, дорвавшимся до золотых монет и побрякушек, присоединился старый похотливый козел* [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)] [НКРЯ];
- 2) **«мужчина, подвергающийся сексуальному насилию»**, в этом значении единица пересекается с орнитологической метафорой «петух»: *Довольно обычные уличные оскорбления типа «козел» в местах лишения свободы означают не только высшую степень унижения, но и в том случае, если оскорбленный проглотит это, признание им принадлежности к этим презираемым «на зоне» категориям* [Криминальный конфликт (2004) // «Боевое искусство планеты» (2004.03.11)]. *Сумеет человек себя отстоять, он вырастает в глазах сокамерников, не сумеет — он «опущенный», «козел», «петух», его станут использовать для удовлетворения сексуальных потребностей* [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 501-1001) (1999)] [НКРЯ].

Можно предположить, что подобные значения могут фиксироваться не только в качестве компонентов речевой семантики, но и в качестве языковых значений, отмечающихся в специализированных словарях.

Для усиления инвективного значения в сочетании с представленной единицей могут использоваться **прилагательные, не имеющие отрица-**

тельной коннотации, традиционно использующиеся при неметафорическом описании анималистических объектов: *Знаешь, ты кто после этого? **Козел бородатый!** И тут же рядом с ним амбал появляется и говорит... [Лион Измайлов. Как я был предпринимателем (1992)]. Чтобы знать, что вокруг происходит, черт бы тебя побрал с потрохами, **козел ты безрогий!** [Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997)] [НКРЯ].*

Подобная тенденция развития отрицательного значения в процессе метафорического антропоморфного описания может быть рассмотрена и на примере глагольных употреблений: *Тут Васятка бросил трубку: —Ну, **козел**, ты у меня поблеешь [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)] [НКРЯ].*

Любопытным представляется возможность зоокомпонента распространять функционирование инвективного **потенциала на члена гендерной пары**: *Вернее, это Семёнов **козёл**, а Семёнова твоя — **козлиха** [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)] [НКРЯ].*

2.4.6. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *щенок*

Метагендерная зоометафора *щенок* имеет широкую грамматическую сочетаемость. Самая обширная группа рассматриваемых коллокатов представлена **адъективными употреблениями**, чаще выражающими:

1) **«незрелый возраст/неопытность»**: слепой – 8 (десемантизация компонента «острота зрения», замещающаяся компонентом «неопытность»), глупый – 4, молодой – 8, сопливый – 2 (десемантизация компонента «плохое здоровье», замещающаяся компонентом «неопытность»), начинающий – 1, двадцатилетний – 1, криволапый – 1 (деактуализация значения «внешний вид», замена компонентом «юный возраст»);

2) **«определенный эмоциональный настрой»**: веселый – 4, сентиментальный – 1, задорный – 1, радостно-восторженный – 1, нашкодивший – 1.

Также присутствуют коллокации, описывающие **отрицательные особенности характера**: дерзкий – 3, хитрый – 1, непослушный – 1, назойливый – 1, капризный – 1, подлый – 1, наглый – 1, грубый – 1 т.п.

Глагольные коллокации представлены единицами: быть – 5, помыкать – 1, исполнять – 1, сосать (цигарку) – 1, приставать – 1, твякнуть – 1, осмелиться – 1, остаться – 1, уползть – 1, трястись – 1, скулить – 1 и т.п. В целом рассматриваемый материал выражает **действия, носящие характер второстепенного участника событий**.

Уточняющие компоненты представлены субстантивными коллокатами со значением:

- 1) **«человек юного возраста»**: мальчишка – 16, молокосос – 3, сопляк – 2, дурак – 2, крестник – 1, юнец – 1;
- 2) **«отрицательно характеризуемый человек»**: паршивец – 1, гнида – 1, глупец – 1, оболтус – 1, мерзавец – 1, тряпка – 1, гаденыш – 1, нахал – 1.

Контекстное окружение лексемы *щенок* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.14.

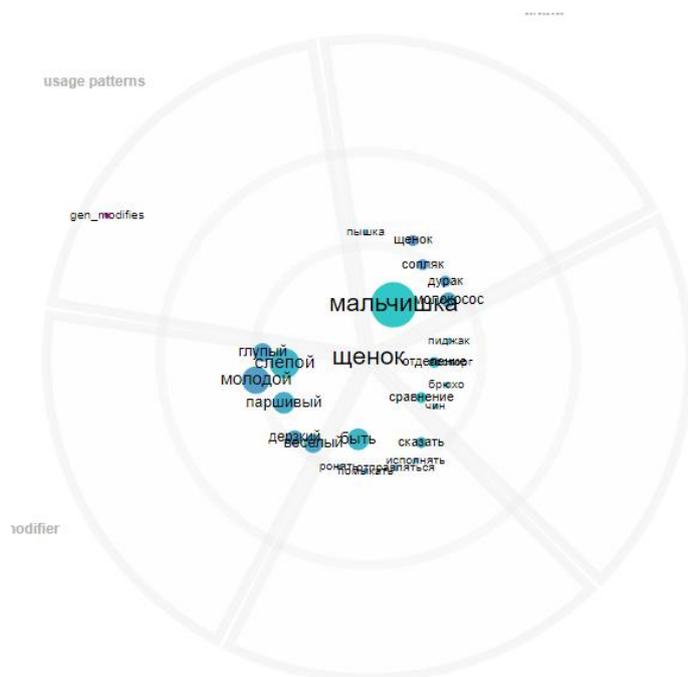

Рисунок 2.14. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «щенок».

Сравнение компонентов языковой и речевой семантики не обнаруживает значительных расхождений и объединяется семей «**молодой, неопытный человек**».

Речевое значение распространяется частотным компонентом «**манера действия**», реализующимся в 19% анализируемых контекстов: *Ему представлялось, что они рядом, но не слышат, он кричал от отчаяния, а потом вставал на четвереньки и скулил, как щенок* [Анатолий Приставкин. *Ночевала тучка золотая* (1981)]. *А Денис, как побитый щенок, тащится по улице* [Л. Г. Матвеева. *Продлёнка* (1987)]. *Милочка была счастлива, вытирала туфли носовым платком и целовала Бухару в лицо, в руки, как маленький щенок без разбору лижет хозяина* [Людмила Улицкая. *Дочь Бухары* (1992)] [НКРЯ].

Также в речевом употреблении обнаружены контексты, номинирующие **человека в позитивном эмоциональном состоянии**: *И он был открыт для любви и счастья, как веселый здоровый щенок* [Виктория Токарева. *Ни сыну, ни жене, ни брату* (1984)]. *Самый младший в нашей группе — Данил Чикишев, сын Марины и Владимира. В душе он — непослушный веселый щенок* [Г. Огурцов. *Старый зонтик рассказывает о «Букашке» // «Трамвай»*, (1991)] [НКРЯ].

Нельзя не отметить, что высокий инвективный потенциал единицы способствует ее активной речевой реализации в функции **грубого обращения**: *С кем разговариваешь? Ты не понимаешь ничего, щенок!* [Ф. В. Гладков. *Повесть о детстве* (1948)]; *Дерзкий щенок! Не рассуждай о том, чего не понимаешь.* [Василий Ян. *Финикийский корабль* (1931)]. *Мало ж ты погулял, щенок... — он приподнял Ерданского за шиворот и, перебросив через перила, сказал: — Вздернуть!* [В. Я. Шишков. *Ватага* (1923)] [НКРЯ].

2.4.7. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *свинья*

Метагендерная зоометафора *свинья* обладает широкой грамматической сочетаемостью. Самой объемной группой коллокатов являются **адъективные элементы**, представленные значениями:

- 1) **«физически крупный/толстый человек»**: жирный – 5, толстый – 3;
- 2) **«отрицательно характеризуемый человек»**: грязный – 7, настоящий – 3, тупой – 2, буржуазный – 1, большой – 2 (десемантизация компонента «размер» и замещение компонентом, усиливающим значение описываемого субстантива), последний – 2 (десемантизация компонента «порядок очереди», замещение компонентом, усиливающим значение описываемого субстантива), пьяный – 2, фашистский – 1, ограниченный – 1, шовинистический – 1, ограниченный – 1, любопытный – 1, прирожденный – 1, раскольнический – 1 и т.п.

Также встречаются адъективные коллокаты типа русский – 4, умный – 2, недорезанный – 1 и т.п.

Немногочисленные глагольные коллокаты представлены единицами часто обозначающими **пассивное действие или прием алкоголя**: знать – 4, найти – 2, нажраться – 2, напиться – 1, нарюмиться – 1, лежать – 1, валяться – 1, пить – 1, прятаться – 1, остаться – 1 и т.п.

Уточняющие/замещающие **субстантивные компоненты представляют** в данном случае наименьшую группу коллокатов без ярко выраженного доминирования одного из вариантов. Самыми частотными также являются единицы, обладающие инвективным значением: дурак – 2, собака – 2, трепло – 1, соперник – 1, подлюка – 1, подлец – 1 и т.п.

Контекстное окружение лексемы *свинья* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.15.

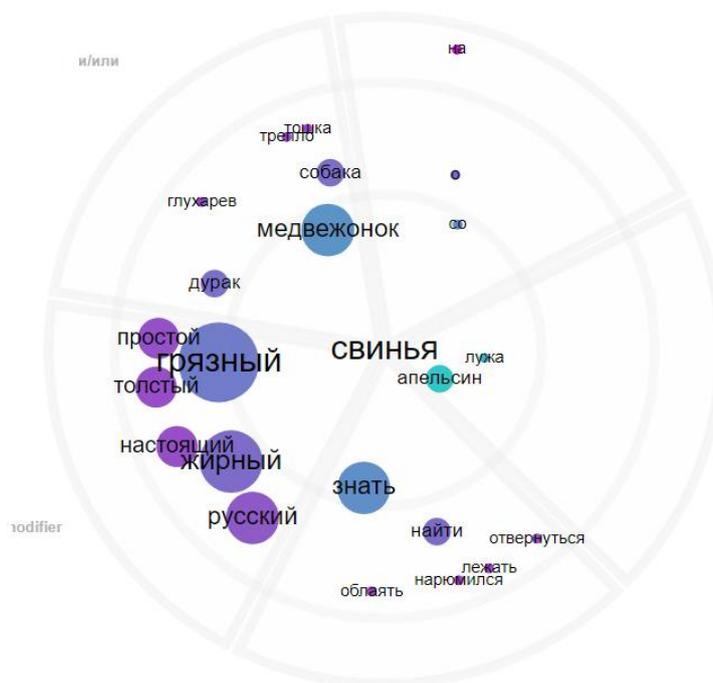

Рисунок 2.15. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «свинья».

Сравнение компонентов **языковой и речевой семантики** обнаруживает значительное расширение семантического объема речевой реализации посредством приращения гендерно-маркированных и метагендерных значений. В языковой структуре в качестве основных антропоориентированных значений фиксируют: **«грязный, неопрятный человек»** и **«человек, незаслуженно делающий неприятности другим людям»**. В речевом употреблении добавляются такие компоненты значения, как:

- 1) **«человек, употребляющий много еды»:** *Я вместе с остальными перешёл в банкетный зал и нажрался там как свинья, но только не в смысле напился, а в смысле наелся [Ирина Бахтина. По пути в никуда (2007)]. Ничего, что ты жрешь, как свинья, все подряд, все это от недовольства собой и своей жизнью! [Людмила Петрушевская. Город Света // «Октябрь» (2003)] [НКРЯ];*
- 2) **«человек в сильном алкогольном опьянении»:** *Нажравшись как свинья и напоив гостей, Друкович начинает разглагольствовать об искусстве — о том, что Малевич, Серебрякова, Кандинский не уме-*

ли рисовать и любую их картину он, Игорь, может воспроизвести с закрытыми глазами [Леонид Бершидский. *Vodka, kapusta, khren* // «Русская жизнь» (2012)]. Ведь я напьюсь как свинья, я усну под столом [Екатерина Завершнева. *Высотка* (2012)]. Напился, как свинья, вот и не помнишь ничего! [Ярослав Кудлак. *Симбиоз* // «Наука и жизнь» (2009)] [НКРЯ];

- 3) **«человек, отчасти копирующий манеру поведения животного»:** *Ты чего дергаешься, как свинья на веревке?* [Владимир Кунин. *Кыся* (1998-2000)]; *А разжиревший бывший неизвестный спортсмен Труня, стоя на карачках, как свинья над корытом, сгребал деньги в полиэтиленовый мешок и бормотал. Максим тогда завизжал, как свинья, которую режут* [Виктор Мясников. *Водка* (2000)] [НКРЯ];
- 4) **«человек (женщина), обладающий многочисленным потомством»:** *«Я подымаю бокал в сердце Кремля, желаю вам счастья и повторяю слова запорожцев в адрес Екатерины Великой: «Будь здорова, как корова, плодовита, как свинья, и богата, как земля!»* [Александр Проханов. *Господин Гексоген* (2001)] [НКРЯ];
- 5) **«человек, чей вес больше среднестатистической нормы»:** *Еще сегодня днем Ренатов обозвал вас одним неприличным словом... — **Жирная свинья!** — прошипел Джером в сторону Бибикова* [Дмитрий Липскеров. *Сорок лет Чанчжоз* (1996)]. *Я толстая свинья, смотрите на меня, все время ем да ем, не брезгую ничем* [Давид Самойлов. *Общий дневник* (1977-1989)] [НКРЯ];
- 6) **«человек, некомпетентный в определенной области»:** *Наши генералитет отличается дубовитостью и в проблемах экономики разбирается, как свинья в апельсинах, госбезопасность — не лучше, а МВД — это импотенция в действии плюс тотальная коррумпированность снизу доверху* [Ирина Прусс. *Десятый* // «Знание — сила», (2003)]. *В футболе Митя разбирался, как свинья в апельсинах, но трансляции заставлял себя смотреть регулярно, чтобы при случае*

ловко «подыграть» родственнику [Андрей Житков. Кафедра (2000)] [НКРЯ].

К не частотным значениям можно отнести «человек, наученный выполнять определенную операцию действий»: *Можете мне поверить, я натаскана на зло, как свинья на трюфели*, чую безошибочно [Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева» (2003)] [НКРЯ].

Самым частотным из обнаруженных компонентов речевой семантики стало значение «человек в сильном алкогольном опьянении», которое реализуется в 9 % всех рассмотренных случаев.

В пользу высокого инвективного потенциала единицы свидетельствует частотная возможность использования в функции презрительного обращения (10% от общего числа всех употреблений): *Парень мотнул головой и завизжал с новой силой: —Иуда! Свинья! Предатель! Паскуда! Вы — Свинья! Вы — кусок Гитлера!* [Сергей Шаргунов. Чародей (2008)] [НКРЯ].

2.4.8. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *сука*

Гендерно-маркированная зоометафора *сука* имеет широкую грамматическую сочетаемость на материале рассматриваемых коллокационных групп.

Глагольные и адъективные коллокаты представлены в практически равной пропорции с незначительным преобладанием последних, представленных единицами со значением:

- 1) «отрицательная характеристика человека»: стервозная – 2, кривая – 2, лживая – 2, хитрая – 1, циничная – 1, наглая – 1, распоследняя – 1, ублюдочная – 1, распутная – 1.
- 2) «внешний вид человека»: старая – 2, кривая – 2, тощая – 1, толстая – 1, жирная – 1, молоденькая – 1, молодая – 1.

Также встречались коллокации рассматриваемой зоометафоры с элементами: благополучная – 1, драная – 1, любвеобильная – 1, намазанная – 1, веселая – 1, заразная – 1.

Глагольные коллокаты представлены следующими единицами: оказаться – 3, знать – 2, брехать – 1, вмешаться – 1, припугнуть – 1, помешать – 1, упустить – 1, ускользнуть – 1, распуститься – 1, сбрендить – 1, кинуть – 1 и т.п. В целом, компоненты, передающие действие, сопутствующее употреблению данной зоометафоры, имеют негативный оттенок значения и оцениваются носителями данной лингвокультуры как отрицательные.

Уточняющие/заменяющие **субстантивные коллокаты** являются самой малочисленной из анализируемых групп и представлены следующими употреблениями: мисс – 1, дочка – 1, тварь – 1, дура – 1, блоха – 1, страхолюдина – 2, вошь – 1. Наличие подобных элементов, функционирующих в сознании носителей языка как относительно эквивалентных и сочетающихся с рассматриваемой единицей, свидетельствует о ее ярко выраженной феминной маркированности, несмотря на общую тенденцию к расширению гендерной сочетаемости единиц.

Контекстное окружение лексемы *сука* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.16.

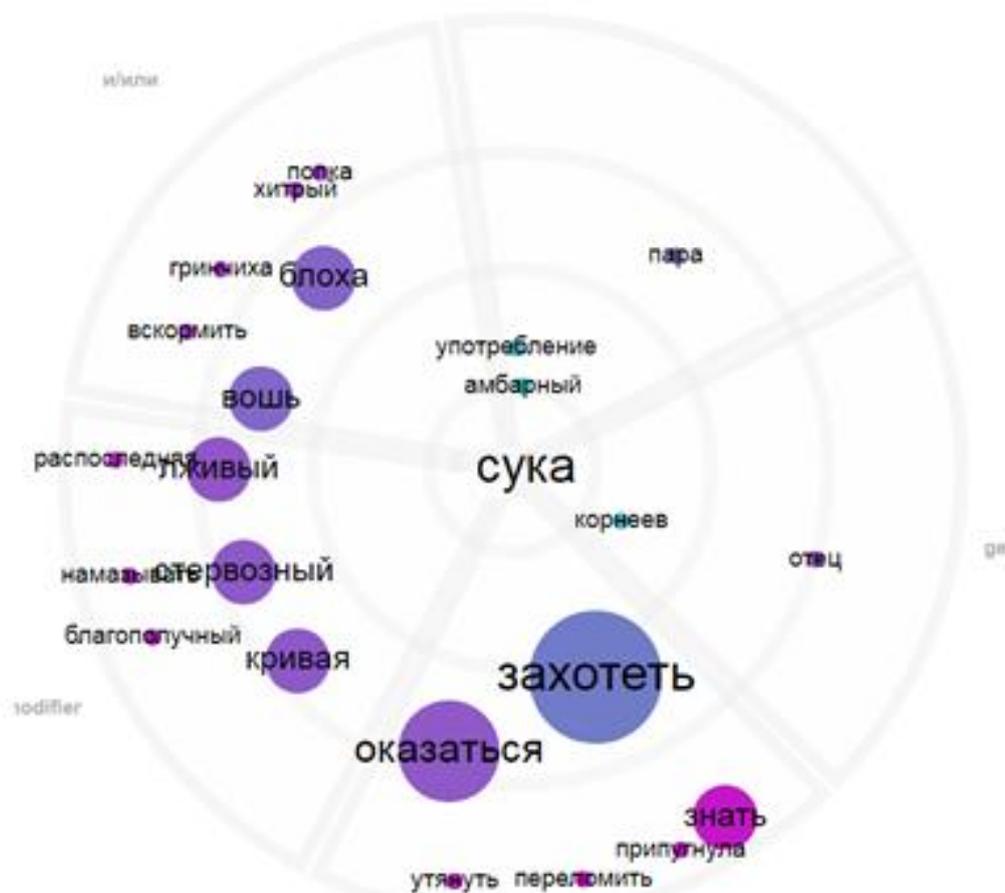

Рисунок 2.16. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «сука».

Сравнительный анализ компонентов языковой и речевой семантики свидетельствует о практически полной тождественности рассматриваемых семантических структур.

Речевое значение феминно-маркированной единицы уточняется следующими компонентом «неразборчивая в отношениях женщина/неверная женщина»: *И то, что доставшейся женщиной оказалась заразная сука, подарившая себя на одну ночь...* [Олег Павлов. Асистолия // «Знамя» (2009)]. *Были в рассказах и совсем уж мелочи типа крика Поли: «Сука! Сучка! Немецкая подстилка!»* [Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир» (2002)]. *Видать, пока муж бабки кует, эта сука принимала любовника* [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда» (2001)] [НКРЯ].

Помимо этого, единица проявляет высокую частотность функционирования в значении «грубое обращение к лицу женского пола»: *Ну дай, что*

ли, сука ты такая, в самом-то деле, не мучай ты человека! Поговорить хочешь, сучка? — потянул Сергей за плечо женщину [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга» (2009)][НКРЯ].

Также единица выступает в качестве **феминно-маркированного компонента гендерной пары**, где реализуется в значении **«сексуально активная женщина»**.

2.4.9. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры гусь

Гендерно-маркированная зоометафора *гусь* обладает меньшей грамматической сочетаемостью по сравнению с другими частотными анализируемыми зоометафорами. Самая объемная из рассматриваемых групп представлена **адъективными коллокатами**: **хороший** – 25, какой – 3, лапчатый – 7, домашний – 3, царопытный – 1, залетный – 1, щипаный – 1, заграничный – 1, невский – 1, самоуверенный – 1, голый – 1, московский – 1, испуганный – 1.

Глагольные коллокаты представлены средней по численности группой и не объединенных единым групповым значением: быть – 2, заговорить – 2, гоготать – 1, зашипеть – 1, служить – 1, выйти – 1, попасться – 1, найтись – 1, приехать – 1, жениться – 1, промахнуться – 1, отказаться – 1, переживать – 1.

Можно отметить, что самый высокочастотный коллокат представлен прилагательным **«хороший / хорош»**, полностью меняющим свою эмоциональную окраску с положительной на отрицательную оценку, в случае контекстуального употребления с антропоморфной зоометафорой. В отдельных случаях определение заменяется компонентами «какой/каков» с сохранением значения: *Хорош гусь, неча сказать. Измаял песнями да еще всякой иной музыкальной дребеденью доконать хочет [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]; А главный редактор-то — хорош гусь! К народу он, видите ли, ближе [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)]. Надо*

же, а? **Каков гусь!** И наш гусь **хорош**. С женой фронтовика! [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]. Он проспал дуэль! **Хорош гусь!** Да нет, он просто трус! [Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983-1984)] [НКРЯ].

Уточняющие/замещающие **субстантивные элементы** представлены единичными употреблениями: дядя – 1, курица – 1, дурак – 1, трус – 1 .

Контекстное окружение лексемы *гусь* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.17.

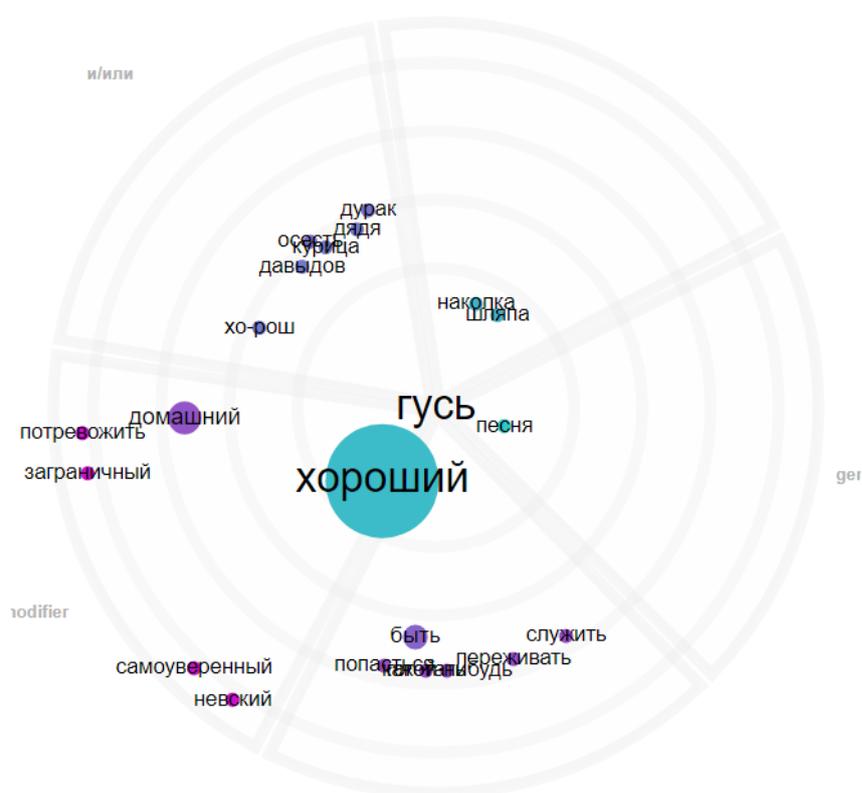

Рисунок 2.17. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «гусь».

Языковое и речевое значения гендерно-маркированной зоометафоры *гусь* объединены компонентом «**отрицательная характеристика плутоватого, ненадежного человека**». Это же значение является самым актуализируемым в речевом употреблении и реализуется в **63%** всех анализируемых контекстов.

Посредством данного зоообраза активно образуется значение «**манера действия**» – 18%: *Пыжиков орал, как гусь перед казнью. Идет по улице человек, на вид очень строгий, прямой, как палка [Александр Терехов. Мемуары срочной службы (1991)]. Смотрит, как гусь. Но начинает говорить, и понимаешь, что он добродушный [Анатолий Эфрос. Профессия: режиссер (1975-1987)]. Он опасно заглядывал в реку, вытягивая, как гусь, шею [Борис Можяев. Лесная дорога (1964)]. Добродушный шотландец, Джек Торбетт, шипел на нас, как гусь, стараясь держать дисциплину [А. И. Делианич. Вольфсберг-373 (1945-1960)] [НКРЯ].*

Оба представленных значения активно используются языковым сознанием носителей языка и фиксируются в НКРЯ с начала XX века.

Данная зоометафора также, как и представленные выше зоообразы, имеет выраженную тенденцию к **функционированию в форме презрительного обращения** – 13%: *Явился, гусь! Сегодня пролетел мимо меня с какой-то блондинкой, даже не поздоровался [Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983)] [НКРЯ].*

В качестве компонентов речевой семантики были зафиксированы единичные употребления данной зоометафоры в значении «человек, употребляющий наркотические вещества»: *Какой-то гусь в наколках никак не мог попасть себе иглой в вену — ни на руке, ни на щиколотке. Оба знали, что это нужно только для того, чтобы надулась вена, в которую гусь не промахнется [Павел Крусанов. Перекуем орала на свистела (2001) // «Нева» (2004)] [НКРЯ].*

Среди контекстных реализаций данного зоообраза зафиксировано единственное употребление с положительной коннотацией в значении «**ласковое обращение**»: *Поздно, яхонтовый мой. Не сметут, гусь ты мой хрустальный. Сейчас она здесь все оплетет и вверх подымет, опутает город — и дальше [Андрей Чернышев. Милиционер Володя и бабки (1997) // «Столица» (1997.08.12)] [НКРЯ].*

Несмотря на то, что лексикографические источники не дифференцируют степень выраженности признака в различных зоообразах относительно друг друга, речевое употребление объективирует национально-обусловленную шкалу градации подобных метафорических употреблений по степени их инвективности: *Олег поднял глаза. — Хорош гусь. — Это не гусь, а целая свинья* [Александр Михайлов. *Капкан для одинокого волка (2001)*] [НКРЯ].

Как и в некоторых других зоообразах, представленных в речевой реализации, наблюдается тенденция выражать угрозу посредством глаголов, традиционно ассоциирующихся с действиями животных: *Ну и гусь! Он еще полетит у нас, погогочет* [А. И. Алдан-Семенов. *Красные и белые (1966-1973)*] [НКРЯ].

2.4.10. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *баран*

Гендерно-маркированная зоометафора *баран* определяется относительно не распространенной группой **адъективных коллокатов**, выражающих, в большей части, значения «возраст» и «отрицательная характеристика интеллектуальных способностей»: старый – 4, молодой – 1, юный – 1, очумелый – 1, тупой – 1, безмозглый – 1, эпилептический – 1, крученный – 1, живой – 1, дипломированный – 1, честолюбивый – 1, трусливый – 1, сумчатый – 1 и т.п.

Немногочисленные **глагольные коллокаты** зоометафоры *баран* представлены компонентами: смотреть – 2, проблеять – 2, побрезговать – 1, поднимать – 1, схватить – 1, выскочить – 1, быть – 1 и т.п.

Уточняющие/заменяющие **субстантивные компоненты** представлены немногочисленными употреблениями типа: офицер – 1, остолоп – 1.

Контекстное окружение лексемы *баран* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.18

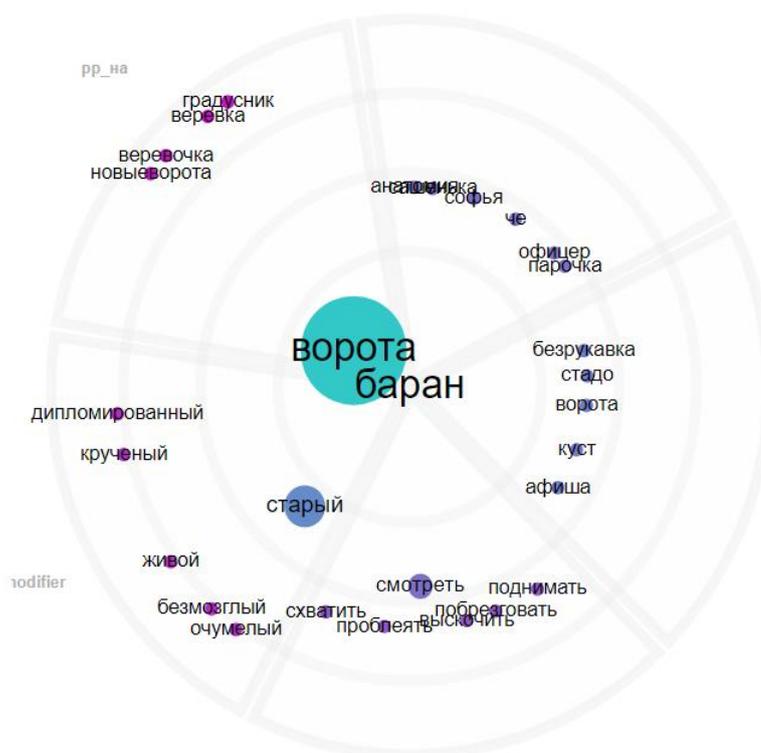

Рисунок 2.18. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «баран».

Языковое и речевое значения данной единицы объединены доминирующими семами «**глупый человек**» и «**упрямый человек**», однако в речевой реализации в большей степени актуализируется значение «**глупый, непонимающий человек**» – 38% всех употреблений: *В противном случае Молодцов машет рукой: «Не, мужики, я в этом деле **баран**» [Дмитрий Каралис. Мы строим дом (1987-2001)]. По семь тысяч знаешь кому будешь продавать? А я не **баран**. Продашь за три... Он не **баран**, не тупая покорная жертва [Рустам Арифджанов. Москва азербайджанская (1997) // «Столица» (1997.04.15)] [НКРЯ].*

Также частой языковой реализацией подлжит значение «**отрицательная характеристика лица определенного пола**» без уточнения семантического компонента отрицательной характеристики: *Козёл ты рогатый! Ты*

сколько машину водишь, **баран!** [Андрей Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир» (2001)]. Как можно говорить, что он **баран**, дохлая крыса, не мужик, а непонятно что [Владимир Шахиджанян. *1001 вопрос про ЭТО* (№№ 1-500) (1999)]. Вот еду, и вдруг какой-то **баран** выскочил сбоку и прямо под мой «Москвич» [Евгений Сухов. *Делу конец – сроку начало* (2007)] [НКРЯ].

Значение «**внешний вид**» имеет низкую тенденцию реализации посредством данного зообраза – 4% от рассматриваемых контекстов созданного подкорпуса: *Тощенький, курчавый, как **баран**, младший лейтенант Федька Павлов напоминал не Пушкина, а скорее брата поэта – Льва* [Владимир Корнилов. *Демобилизация* (1969-1971)]. *Уши торчком. И кудрявый весь, как **баран**. Завивается он, что ли?* [Ю. В. Трифонов. *Конец сезона* (1960-1965)] [НКРЯ].

Однако, данная единица, как и большинство самых частотных анализируемых зоометафор, обнаруживает высокий потенциал функционирования в качестве **грубого обращения**: *Ты чё, **баран**, думаешь, мы шутки шутить пришли?!* [Алексей Грачев. *Ярый против видео пиратов* (1999)]. *Долго я тебя учить буду? **Баран деревенский!*** [А. С. Макаренко. *Три разговора* (1937)]. *Вперед! Неужто ты, старый баран, думаешь, я полезу в твою дверь поганую?* [В. Я. Шишков. *Угрюм-река*. Ч. 5-8 (1913-1932)] [НКРЯ].

Данный зообраз обладает выраженной гендерной маркированностью и может соотноситься с феминно-маркированными единицами исключительно через компаративный оборот «**как баран на новые ворота**»: *Знаете, Тарасова, почему многими любимая и некоторыми ненавидимая прекрасная доктор Заруцкая смотрит на меня как, простите, Софья, **баран на новые ворота?*** [Татьяна Соломатина. *Девять месяцев, или «Комедия женских положений»* (2010)]. *То есть она смотрела как баран на новые ворота на этого еле видного Владика, и вдруг...* [Людмила Петрушевская. *Колыбельная птичьей родины* (1998-1999)] [НКРЯ].

2.4.11. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *соколик*

Гендерно-маркированная метафора *соколик* имеет самое меньшее количество коллокатов из анализируемых частотных образов, это объясняется ее однородной семантической структурой, конструируемой компонентом «ласковое обращение к лицу мужского пола».

Самыми частотными уточняющими компонентами к данной единице выступают притяжательное местоимение «**мой/наш**» и прилагательные с положительной оценкой «**милый/миленький, хороший, ненаглядный**»: *Вот ради такого тестя и готов **наш соколик** со свободой расстаться [Ольга Новикова. Женский роман (1993)]. Беленькой ты да голубочик! **Миленькой** мой да **соколик!** Желанненько мое чадышко! [Б. В. Шергин. У Архангельского города (1930-1960)]. Горлинка! — **Соколик мой ненаглядный!** — Прощай, хохла-а-точка! [Венедикт Ерофеев. Записки психопата (1956-1957)] [НКРЯ].*

Также, в процессе анализа контекстов подкорпуса было обнаружено, что данная единица проявляет тенденцию к активному сочетанию с другими зоообразами в функции ласкового обращения, типичными для русской ЯКМ и ее речевой реализации: *Все тоже, небось: «лада моя», «люба моя», «чаечка моя», «соколик мой!» [Ю. П. Герман. Россия молодая. Ч 1 (1952)]. Да куда же ты, орел, запропастился? Да чайку, **соколик**, не соизволишь ли? Да баньку, голубчик, не истопить ли? [Саша Черный. Солдатские сказки / С колокольчиком (1932)]. Голубь белый, желанный, соколик мой, дорогой супруг Силантий Пахомович! [Л. Н. Сейфуллина. Виринея (1924)]. Помер, говорю, голубчик мой, соколик ясный, помер [Н. В. Успенский. Старуха (1858)]. Вскричал он, хватаясь за полы царского охабня, — светик мой, государь, не губи меня, солнышко мое, месяц ты мой, **соколик мой, горностаек!** [А. К. Толстой. Князь Серебряный (1861-1863)] [НКРЯ].*

Отсутствие выраженной группы глагольных коллокатов объясняется преобладающим функционированием в качестве ласкового обращения, а не в составе компаративных конструкций, обеспечивающих высокое количество глагольных коллокатов в остальных рассматриваемых зоообразах. Среди единичных примеров обнаруживаются: молчать – 1, притихнуть – 1, сгруснуть – 1 (1880), сидеть – 1, тужить – 1 (1867), гулять – 1.

Контекстное окружение лексемы *соколик* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.19.

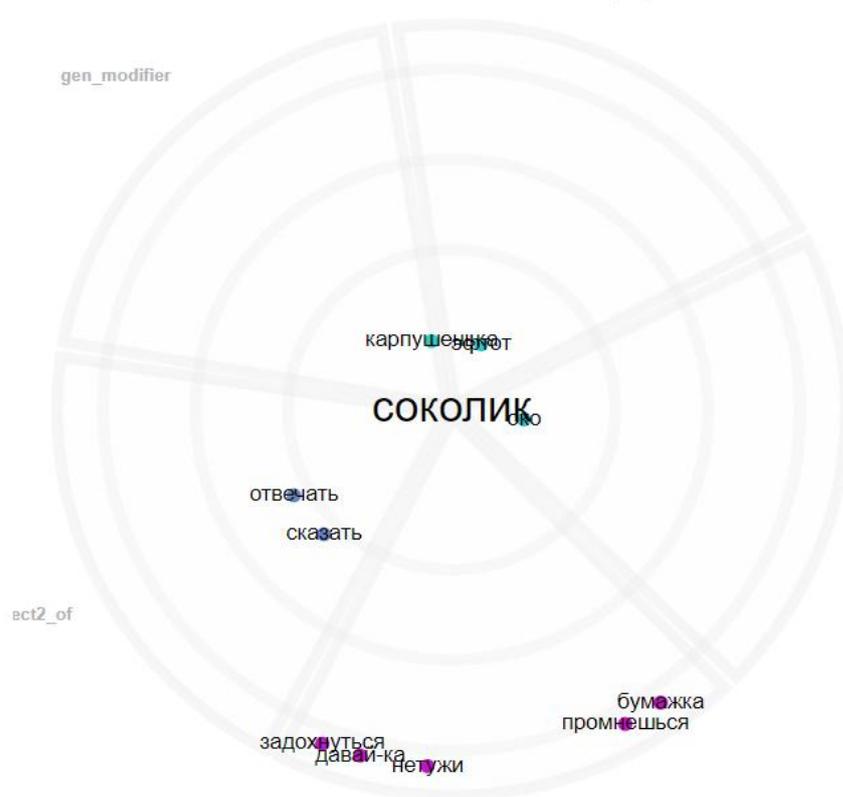

Рисунок 2.19. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «соколик».

В единичных контекстах обнаруживается пересечение данного образа с частотным зоообразом *гусь* в значении «отрицательная оценка»: *Спрашивается, с чем же он поедет воевать, если все оружие невесте подарил? Хорош соколик! Хи-хи-хи...* [Людмила Гурченко. *Аплодисменты (1994-2003)*] [НКРЯ].

В одном из контекстов было зафиксировано нетипичное использование данной единицы с феминно-маркированным зоообразом в отношении единственного описываемого объекта: *Взяли тебя лихие люди, тащат тебя, как горлицу, обижают тебя, моего бедного. Крикни мне, соколик, громче! Отзовись на мои слезы горькие!* [А. Е. Зарин. Двоевластие (1912)] [НКРЯ].

Анализ выявляет характерные **особенности контекстов, типичные** для функционирования представленной единицы, такие, как:

- 1) использование антропоориентированных прилагательных в **архаичном значении** («ясный» в значении «милый, хороший»);
- 2) наличие вариантов флексий прилагательных, **не типичных для современного языка** (миленькой, хорошенькой вместо миленький, хорошенький);
- 3) наличие глагольных коллокатов **в несовременных лексических формах** (тужить (1867г.) вместо грустить);
- 4) наличие в контекстах **имен собственных, вышедших из употребления**: Силантий, Пахом и т.п.

Как следует из анализа, **языковое и речевое значения** данной единицы объединены единым компонентом «**ласковое обращение к лицу мужского пола**», таким образом, объем семантической структуры данной единицы в языковой системе и речевой реализации являются относительно тождественными и не обнаруживают значительных отличий.

Потенциал использования данной единицы в идиоматичном значении на материале русского языка достаточно высок – 99% всех рассмотренных корпусных реализаций основаны на метафорическом употреблении. Однако использование представленной единицы в функции ласкового обращения носит архаичный характер. На сегодняшний день единица соколик представлена в НКРЯ незначительным количеством контекстов (107), большая часть из которых относятся к XIX, началу XX века. Анализируемые контексты подкорпуса свидетельствуют о замещении данного зоообраза единицей «голуб-

чик», имеющей тождественный компонент значения, частотно реализующийся в исследуемом материале.

2.4.12. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *бык*

Гендерно-маркированная зоометафора *бык* имеет неширокую грамматическую сочетаемость на материале рассматриваемых коллокационных групп.

Адъективные коллокаты значительно преобладают над глагольными и субстантивными и представлены единицами со значением:

- 1) **«отрицательная характеристика»**, реализующим подпризнак **«плохой характер/возбужденное эмоциональное состояние»**: упертый – 3, упрямый – 3, бешеный – 2, растравленный – 1, надменный – 1, самонадеянный – 1;
- 2) **«физическое состояние»**: здоровый/здоров – 59, могучий – 1, усталый – 1, мощный – 1, сильный – 1, спортивно-плечистый – 1;
- 3) **«возраст»**: молодой – 2.

Анализ контекстов корпуса обнаруживает ряд метафорических употреблений, основанных на заимствованных из другой культуры образах. Их высокая частотность говорит о приоритете заимствования в ментальной, а не языковой области. Заимствованное образование было перенесено в национальное сознание иной культуры, где произошла его активная ассимиляция и воспроизведение при помощи языковых средств конкретной лингвокультуры. К данной группе можно отнести идиоматические употребления, образованные по модели **«человек – это животное-жертва»**, основанные на заимствованных образах отношений быка и тореодора во время корриды. Данную семантическую группу представляют единицы: как бык на (всемирной) корриде – 6, бойня (мясобойня) – 4, арена – 1, тореодор – 1, красная повязка – 1, раненый – 1, драться – 1.

К основным глагольным сочетаниям можно отнести единицы со значением «активное физическое действие», «отказ выполнять какое-либо действие»: реветь/взречь – 6, уставиться – 3, упереться – 3, смотреть – 3, вздохнуть – 1, бежать – 1, ринуться – 1, помчаться – 1, пахать – 1.

Уточняющие/заменяющие **субстантивные коллокации** выражены малочисленной группой со значением «отрицательная характеристика лица»: жлоб – 1, сволочь – 1.

Контекстное окружение лексемы *бык* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.20.

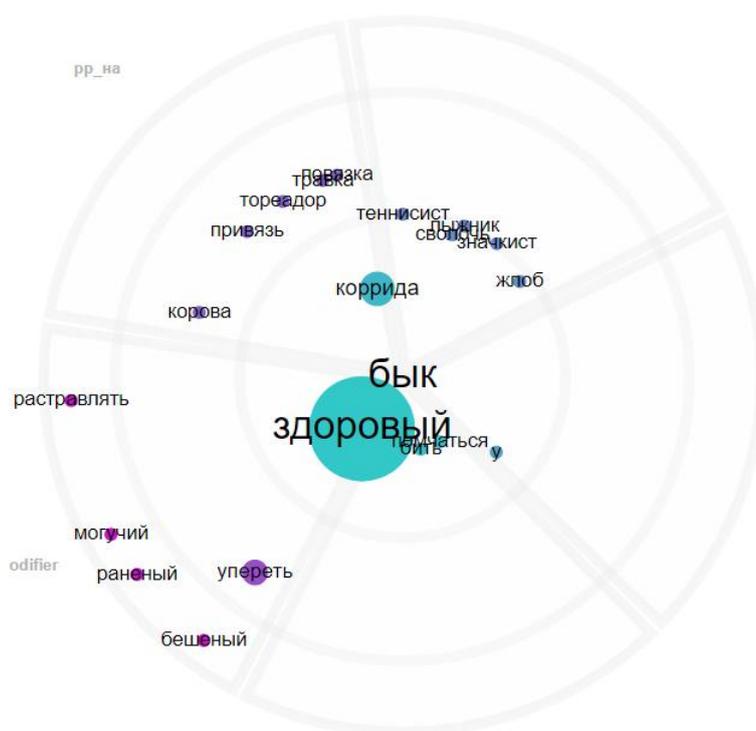

Рисунок 2.20. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «бык».

Языковое и речевое значение единицы обнаруживают некоторое расхождение в объеме с преобладанием речевых компонентов слабой семантики. В речевой реализации более выражены значения:

- 1) «**крепкий, сильный человек**» – 52 %: *Телохранитель должен быть резов, как лань, и силен, как бык* [Сергей Козлов. *Волшебники-недоучки* (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.03.11][НКРЯ];

2) «манера действия» – 34%: *Тот вздыхнул, как усталый бык, продолжая следить за дорогой; казалось, что он о чем-то напряженно думает, хотя ни о чем не думал [Вадим Месяц. Лечение электричеством // «Урал» (2002)]. Вскочили напротивника помчался, как бык на тореадора [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)] [НКРЯ];*

3) «здоровый человек» – 15%: *Но Степан Харитонович Шалейко был здоров, как бык, никакая холера его не брала, сосуды имел крепкие, сердце работало ритмично, а насчет того, что саднило в горле, то это он, как мы помним, просто придумал [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя» (2000)]. Здоров как бык; Врачи на комиссиях говорят, что годен в космонавты [Лев Корнешов. Газета (2000)] [НКРЯ];*

4) «внешний вид»: *У же не Джеймс, а дикий, с налитыми кровью глазами бык бил копытом в разлетающиеся во все стороны доски паркета [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)] [НКРЯ].*

Также в единичных случаях фиксируется значение «плодовитый человек»: *Производителем он может быть только в зоологическом смысле — как, извиняйте, **бык** [Евгения Пищикова. Чистота // «Русская жизнь» (2012)]; Это и есть ответ на заложенную в мужчину от природы тягу к разнообразию. Тожэ мне, бык-оплодотворитель [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)] [НКРЯ].*

С точки зрения гендерной референции, данный зообраз демонстрирует устойчивую маскулинную маркированность. При этом обнаруживаются единичные случаи соотнесения данной зоометафоры с феминным образом через компаративный компонент: *Врёт она! У неё бабушка здоровая как **бык**! Я здоровая как лошадь! [Ирина Пивоварова. О чем думает моя голова (1986)]; Как **бык**! В бой! Она ревет как могучий **бык** [А. Куприн. Via est vita. Бог велик — а лес больше // «Вокруг света»(1995)] [НКРЯ]. Интерес-*

но отметить потенциальное расширение гендерной маркированности представленного компонента на основании сочетания с иным гендерным классом не в одном из выделяемых речевых признаков, но в нескольких – **«манера действия»**, **«физически крепкий человек»**.

2.4.13. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *червь*

Метагендерная метафора *червь* характеризуется выраженным преобладанием адъективных коллокатов с основными речевыми значениями:

1) **«человек, проводящий много времени за книгами / канцелярской работой»**: книжный – 19, ученый – 2, лабораторный – 1, кабинетный – 1, мыслящий – 1;

2) **«отрицательная характеристика лица»**: ползучий – 2, проклятый – 1, ядовитый – 1, презренный – 1, скользкий – 1, грязный – 1, трупный – 1, подлый – 1, навозный – 1, противный – 1;

3) **«человек с особенной фигурой»**: мучной – 2, толстый – 1, длинный – 1.

Глагольные коллокаты выражают основные значения:

1) **«характерный способ передвижения»**: ползти – 2, извиваться – 2;

2) **«манера действия»**: точить (о чувстве) – 2, погрызть – 1, проникать – 1, пропадать – 1, пресмыкаться – 1, выесть – 1.

Уточняющие субстантивные коллокаты также выражены единицами со значением:

1) **«отрицательной характеристики лица»**: мразь (ничтожная) – 1, раб – 1, подлец – 1, ничтожество – 1, (политический) преступник – 1, сухарь – 1, лярва – 1;

2) **«человек, много времени проводящий за книгами»**: бумажная душа – 1, теоретик – 1, кабинетный ученый – 1, начетчик – 1, грамотей – 1;

3) «человек, подчиняющийся воле событий/обстоятельств»: раб Божий – 1, марионетка закономерностей – 1.

В представленном материале можно выделить подгруппу, также выраженную антропоморфными зоометафорами в подобном значении: крот – 1, пес – 1, скот – 1, змея – 1, жаба – 1, муравей – 1.

Отдельные единицы данной группы имеют фразовую структуру и явно выраженную инвективную интенцию – порождение выгребной ямы.

Контекстное окружение лексемы *червь* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.21.

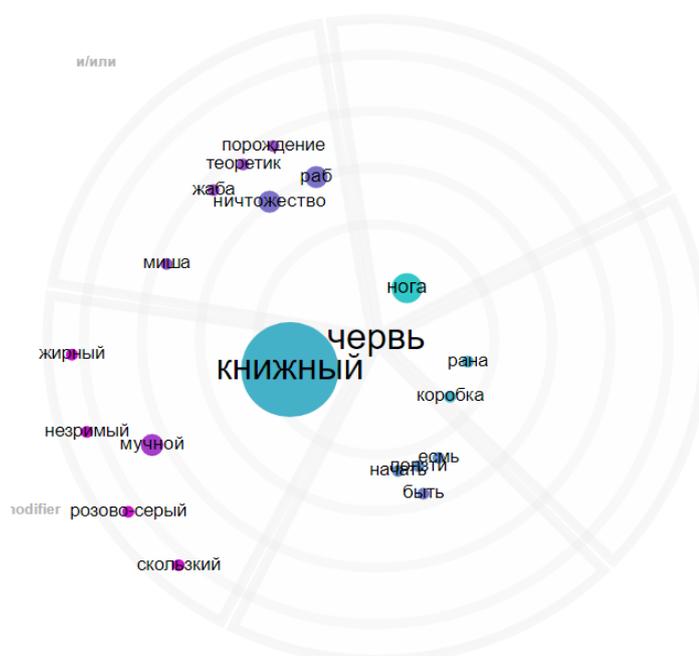

Рисунок 2.21. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «червь».

Структура языкового и речевого значения обнаруживают некоторые различия в пользу преобладания последних:

1) «манера действия»: *Но уже в следующую минуту, в мучительной погоне за вечно ускользящим, он мечется в безмолвных корчах, как червь под пятою. Я всю жизнь верчусь, как червь на солнце, а нет*

мне ни покоя, ни уважения... [Л. Н. Андреев. Анатэма. Трагическое представление в семи картинах (1909)] [НКРЯ];

2) **«внешний вид»:** *Из спальни выплыла супруга, в очень тесном белом платье до пят, без талии, вся — **словно толстый мучной червь*** [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002] [НКРЯ];

3) **«характеристика человека»**, реализующаяся через подпризнаки:

а) **«безызвестно погибающий человек»:** *А сойдешь с тропинки — и пропал: ни к бабушке не дойдешь, ни домой не возвратишься! **Пропадешь, как червь...*** *Была эта Елена просто алчная блудница, и множество господ пропали, например, из-за ее красоты, как червь капустный* [И. А. Бунин. Святые горы (1895)] [НКРЯ];

б) **«человек, не имеющий влияния на окружающие события»:** *Если все жестко предопределено — тогда **я червь, от меня ничего не зависит, я марионетка закономерностей*** — и приходит ужас перед собственным ничтожеством [Наука в школьных отразеньях // «Знание - сила» (2006)]; *Никто, мол, я, токмо раб Божий, тлен, червь* [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)] [НКРЯ];

в) **«опасный/подлый человек»:** *Как **ядовитый червь**, прогрыз он ход к подножию трона!* [Александр Савинов. «Машина власти и Михаил Булгаков» // «Знание-сила» (2012)] [НКРЯ];

г) **«много читающий/образованный человек»:** *Марксист-начетчик и **книжный червь с допуском в спецхран** для чтения западной периодики* [И. А. Бродский. Коллекционный экземпляр (1991)]. *Александр Петрович Зеленин — **книжный червь, теоретик, бумажная душа*** [Александра Маринина. Мужские игры (1997)]; *Мама смеялась: «**книжный червь**». Вся моя «образованность» произросла из беллетристики, научных книг читал мало* [Николай Амосов. Голоса времен (1999)] [НКРЯ];

д) **«нетворческий человек»**: *Он — артист, музыкант, а не книжный червь, можешь ты понять или нет!* [Дина Рубина. *Русская канарейка. Блудный сын (2014)*] [НКРЯ].

Несмотря на то что лексикографические источники маркируют единицу как метагендерную, исследование материалов корпуса свидетельствует об устойчивой маскулинно-маркированной референции данного зоообраза в сознании носителей рассматриваемой лингвокультуры.

Однако единичные употребления демонстрируют случаи феминной маркированности: *Все-таки я не кабинетный червь. Кабинет я выбираю сама* [Алексей Беляков. *Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)*]; *Высунув из-за самовара голову, визгливо закричал рыжий Семен: — Я тоже скажу тебе, червь подлая...* [Максим Горький. *Жизнь Клима Самгина. Часть 4 (1928-1935)*] [НКРЯ].

Для обеспечения адекватного сочетания маскулинно-маркированного зоообраза и феминно-маркированных единиц в речевой реализации избегают прямого соположения разномаркированных компонентов, соотнося их через компаративные конструкции с компонентом **словно** или метагендерное местоимение **я**.

Также было отмечено, что языковая и речевая реализации рассматриваемой зоометафоры не имеют компонента для сознания гендерно-маркированной оппозиции. При этом, данная единица функционирует (7% от общего числа употреблений) как член культурно-обусловленного противопоставления **«бог/влиятельный человек – червь/влияемый человек»**, выражающего отношения доминирования и подчинения: *Христианство же утверждает, что человек — ничтожество, раб, червь и во всем зависит от воли бога* [В. Г. Соколов. *Современное сектантство и его реакционная роль // «Наука и жизнь» (1950)*]; *Он знает, что такое власть барина-самодержца: ты — червь под ногою владыки, тебе ничего не принадлежит — ни колоса, ни волоса* [Ф. В. Гладков. *Повесть о детстве (1948)*]; *Но тогда он был герой, символ, а главное вождь, старшой, а я червь!* [Л. Я. Гинзбург.

Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920-1943)] [НКРЯ]. Реализация значений представленной оппозиции может происходить даже в условиях отсутствия одного из компонентов: «На колени, червь!» [М. А. Булгаков. Иван Васильевич. Комедия в трех действиях (1934-1935)] [НКРЯ].

2.4.14. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *боров*

Гендерно-маркированная метафора *боров* характеризуется выраженным **преобладанием адъективных коллокатов**, описывающих внешние характеристики человека. Основные частотные сочетания можно представить следующими семантическими группами:

1) **«внешний вид»:**

а) **«лишний вес»:** жирный – 9, толстый – 7, брюхатый – 1, ожиревший – 1, крупный – 1, тучный – 1;

б) **«прочие особенности»:** лысый – 1, облезлый – 1, гладкий – 1, рыжий – 1, страшный – 1, немытый – 1;

2) **«отрицательная характеристика»:** эгоистичный – 1, бездушный – 1, грубый – 1, старый – 1, тупой – 1, резанный – 1;

3) **«положительная характеристика»:** хороший – 1, веселый – 1.

Глагольные коллокаты представлены единицами со значением:

а) **«манера производить схожий звук»:** визжать – 1, взреветь – 1, реветь – 1, орать – 1, захрюкать – 1 ;

б) **«манера производить схожие действия»:** заартачиться – 1, свалиться – 1, ворочаться – 1, копошиться – 1, запутаться – 1, лежать – 2, растянуться – 1, разлечься – 1.

Немногочисленные уточняющие/заменяющие **субстантивные коллокаты** представлены единицами: изменник – 1, хозяин – 1, дьявол – 1, воевода – 1, слон – 1, тупица – 1.

Контекстное окружение лексемы *боров* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.22.

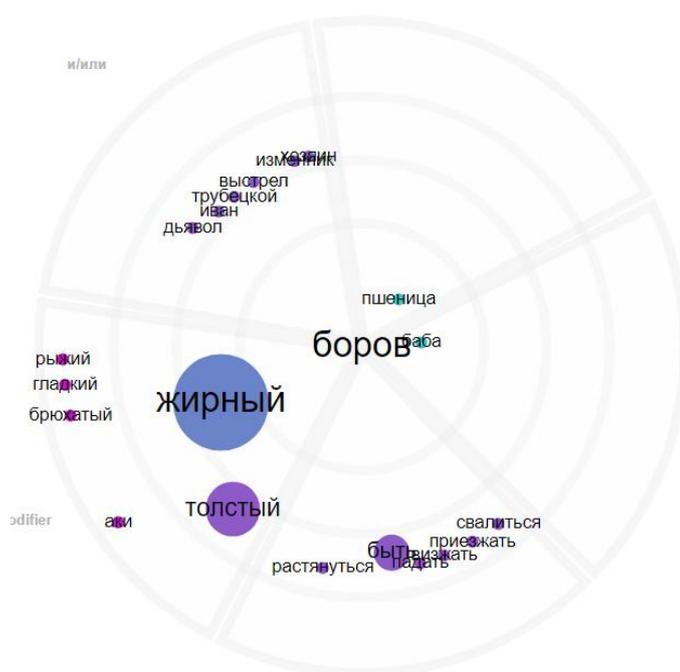

Рисунок 2.22. Контекстное окружение гендерно-маркированной метафоры «боров».

Объем языкового и речевого значения обнаруживают заметные различия в пользу количественного преобладания компонентов слабой семантики и расширения основного языкового значения **«непомерно толстый человек»**.

Анализ контекстов позволяет обнаружить следующие значения:

- 1) **«внешний вид/крупный человек»** (36%), как основной семантический компонент данного зоообраза: *Но что делать: ждать, пока проснется этот жирный боров или выходить на Совет Коррекции?* [Сергей Осипов. *Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)*]; *Боров был огромным, тучным человеком с заплывшими жиром, свинными, беспощадными глазками.* «Как есть палач», — подумал Стёпка» [И. Л. Солоневич. *Две силы (1953)*] [НКРЯ];
- 2) **«отрицательная характеристика лица»** (24%): *Все-таки он **боров**,* — подумал про Генриха Ивановича мальчик [Дмитрий Липскеров. *Сорок*

лет Чанчжоз (1996)]; *Его, дурака, может, и на свете нету, пока ваи-то боров при своей бабе сопит!* [М. М. Роцин. *Эшелон* (1972)]; *А управляющийее — немец Блумберг — только упря́м, как боров, и глуп* [С. Н. Сергеев-Ценский. *Лерик* (1913)] [НКРЯ];

- 3) «схожая манера действия» (19%): *Разлегся, как боров!* [Виктор Астафьев. *Последний поклон* (1968-1991)]; *Что я, боров, что ли, — с боку на бок переваливаться?* [Василий Шукшин. *Беседы при ясной луне* (1972-1974)] [НКРЯ].

Необходимо отметить, что единица **боров** в рассматриваемой лингвокультуре обладает высоким потенциалом функционирования в роли **презрительного обращения** (21% от общего числа употреблений): *Тупица! Боров тупой! Ты когда-нибудь поймёшь!* [Александр Солженицын. *В круге первом*, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]; *Слушай ты, боров узбекский, прекрати орать! Неужели тебе не понятно, что ты влип по самую макушку?* [Андрей Житков. *Кафедра* (2000)]; *Совсем озверел, боров проклятый!* [Дмитрий Липскеров. *Сорок лет Чанчжоз* (1996)] [НКРЯ].

Контексты НКРЯ обнаруживают пересечение данного зоообраза с метафорическим употреблением единицы **слон** в значении «человек, употребляющий много пищи»: *Две нормы на рыло... — Боров! — Слон!* [Борис Можяев. *Лесная дорога* (1964)] [НКРЯ].

Отдельные зафиксированные контексты подкорпуса демонстрируют сочетание с феминно-маркированными единицами в значении «крупный человек»: *Даже у консьержки здешней спрашивал мнение! А она толста, как боров* [Н. Н. Евреинов. *Любовь под микроскопом* (1931)] [НКРЯ].

В единичных случаях единица может функционировать как маскулинно-маркированный член гендерной культурно-обусловленной пары **боров и ярочка**, которая чаще реализуется посредством компонента **баран**: *Добрый день вам, паршивчики! — Парочка! — Боров да ярочка! — Кутишь?* [Андрей Белый. *Москва. Часть 2. Москва под ударом* (1926)] [НКРЯ].

2.4.15. Анализ сочетаемости гендерно-маркированной зоометафоры *заяц*

Метагендерная метафора *заяц* характеризуется выраженным **преобладанием глагольных коллокатов**, со значением манеры действия. Основные адъективные сочетания представлены следующими признаками:

1) **«человек, испытывающий страх»:** трусливый – 3, испуганный – 1, спугнутый – 1, затравленный – 1, трепещущий – 1;

2) **«человек, имеющий схожую манеру действия с животным»:** (как) раненый/подраненный – 4, (как) загнанный – 3, (как) подстреленный – 1, (как) затравленный – 1;

3) **«прочее»:** биржевой – 1, мартовский – 1,дохлый – 1.

Глагольные коллокаты выражены многочисленными единицами со значением **манеры действия:**

а) **«характерная манера движения здорового животного»:** бегать – 4, броситься – 2, прыгать – 3, метнуться – 3, подпрыгивать – 1, рвануть – 1, петлять – 1, путать (следы) – 1, сигануть – 1, вильнуть – 1, проскакать – 1, вырваться – 1, кинуться – 1, проскакать – 1, отпрыгивать – 1, полететь – 1, понестись – 1;

б) **«характерная манера движения раненого/испуганного животного»:** трястись – 3, припадать – 1, вздрогнуть – 1;

в) **«манера издавать характерный звук»:** крикнуть (как раненный заяц) – 2, визжать – 1.

Уточняющие/заменяющие **субстантивные коллокаты** выражены единичными употреблениями: безбилетник – 1.

Контекстное окружение лексемы *заяц* для удобства восприятия представлено в графической форме — см. Рис. 2.23.

щийся занять пустые кресла в первых рядах партера обладатель билета на балкон — кто? [Игорь Милославский. Великий, могучий русский язык // «Наука и жизнь», 2009] [НКРЯ];

б) «человек,двигающийся, как животное»: *Иду по шоссе, от «МАЗов», как заяц, отпрыгиваю* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]; *Рванулся купец вперёд без памяти, понёсся, как заяц, скачками да зигзагами и чувствует — легко бежать стало и уже погони не слышать* [Г. Г. Белых. Лапти (1929)] [НКРЯ];

в) «человек, издающий характерный звук»: *Когда приятели приволокли его домой, он, бедненький, визжал, как заяц* [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002]; *Ничейка оглянулся и завизжал, как подстреленный заяц* [Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)] [НКРЯ];

г) «человек, жадно потребляющий что-то»: *Ну ладно, Кармадон пусть... Дорвался заяц до капусты...Ему и надо...* [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)] [НКРЯ];

2) «отрицательная характеристика – трусливый человек» – 36%: *А сама трясусь как заяц — мне завтра первый раз за руль!* [Беременность: Планирование беременности (форум) (2005)]; *А у меня — как услышу вот это самое... ну, оскорбление по нации, — у меня не то что кровь в голову бросается — я вся, вся закипаю, дурею, как бешеный пьяный заяц!* [Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001)]; *Безумная из Конкорд, подруга и советчица тюнинговой героини полоумна, как мартовский заяц — Полина Кутепова здесь просто замечательна* [Алексей Филиппов. Парад безумиц. Петр Фоменко поставил очередной лучший спектакль сезона (2002) // «Известия», 2002.04.05] [НКРЯ];

3) «человек, в сложной жизненной ситуации» — 3%: *Советский гражданин — это заяц, которого травят партия и КГБ... [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)] [НКРЯ].*

К менее частотным реализациям данного зообраза можно отнести функционирование в значении характеристики лица, выраженной посредством презрительного (4%) и ласкового (1%) обращений: — *Ну не сердись, заяц, — протянула грудным голосом Ася [Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)]; — Ну погоди, заяц! Вот щас со скотовозки выйдем, так там и почитаемся — посулились, тяжело дыша, Коля с Васей [Евгений Попов. Сила печатного слова (1970-2000)] [НКРЯ].*

Зафиксировано единичное использование данной метафоры со значением «**внешний вид**»: *И вот Нинка вышагивает самоуверенной походкой в в своей дурацкой белой шубе, как заяц зимой, и ведёт такую роскошную собаку [Л. Г. Матвеева. Продлёнка (1987)] [НКРЯ].*

Единичными значениями иллюстрируется сема «**доверчивый человек**»: *И он, мало того, что терпелив, он еще, какой странный, снисходителен, великодушен, доверчив, как заяц, как маленький сурок, как крошечный воробей, и благороден, как старый лохматый медведь, и безупречен, как воздух, господи боже мой... [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)] [НКРЯ].*

В целом значение, конструирующее семантическую структуру единицы в лексикографических источниках, обнаруживает крайне низкую частотность на материалах НКРЯ и реализуется в 4% контекстов.

Несмотря на частотную речевую сочетаемость данной единицы с маскулинно-маркированными компонентами, соотнесение с феминно-маркированным образом также присутствует и выражено достаточно активно по сравнению с остальными частотными зообразами — в 18% случаев: *Инецца Матвеевна сидела тихо-тихо, словно заяц, учуявший охотника. Ус-*

покойся, ну что **ты пугливая**, как **заяц**... [Дарья Донцова. *Микстура от косоглазия* (2003)] [НКРЯ].

Анализ контекстов НКРЯ обнаруживает функционирование в национальном сознании оппозиции «человек агрессор – человек жертва», выраженной посредством зоообразов заяц-удава, с возможной подменой компонентов (заяц – хищник, заяц – волк): — Э, нет, — торопливо остановил меня Алексей, — все же Алиска — не **заяц**, а хищник [Юлия Друнина. *Алиска* (1973)]; Гиммлер встал рядом с ним, и шофер, вылезший из кабины, очевидно, чтобы сказать что-то важное, вдруг потерял дар речи и уставился на фюрера, как **заяц на удава** [Виктор Пелевин. *Музыка со столба* (1991)]; Мятлев боялся государя, как опостылевший пасынок боится отчима, как заяц — январского волка, как дворовая девка — нового барина, как бродяга — околоточного надзирателя... [Булат Окуджава. *Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари)* (1971-1977)] [НКРЯ].

2.5. Анализ гендерных пар антропоморфных зоометафор

Конструирование гендера как понятийной категории не ограничивается реализацией семы «пол» в семантической структуре лексических единиц, но являет собой сложный процесс, реализующийся посредством номинативного и имплицативного уровней [Гриценко 2005]. Языковой материал, представляющий гендерные оппозиции, закрепленные в сознании носителей данной лингвокультуры, обнаруживает дополнительные возможности интерпретации рассматриваемого параметра.

В первую очередь рассматривались гендерные оппозиции, обнаруживающие парное функционирование в представленном подкорпусе: голубь – голубка. Затем анализировались единицы, не противопоставляемые в узком

контексте, но противопоставленные по признаку рода в рамках единого зообраза.

Полярные элементы представленных пар были проанализированы как бинарные оппозиции на предмет продуктивности развития универсальных значений в маркированных элементах, а также новых значений при совместном употреблении, проявления комбинаторных возможностей, совпадения выражаемых признаков и изменения коннотации.

Анализ гендерно-маркированных компонентов созданного подкорпуса позволил составить 14 гендерных пар: **гад – гадюка, голубь – голубка, голубь – голубушка, голубь – голубица, гусь – гусыня, кобыла – жеребец, кобель – сука, кот – кошка, бык – корова, козел – коза, петух – курица, орел – орлица, морж – моржиха, тигр – тигрица, баран/боров – ярочка.**

Анализ гендерной пары ГОЛУБЬ – ГОЛУБКА. Самой распространенной по количеству вариантов гендерно-маркированных компонентов является пара *голубь – голубка*, реализация которой может включать до 6 компонентов единого зообраза (*голубь, голубчик, голубок, голубка, голубушка, голубица*). Это единственный зообраз в русской ЯКМ, структурируемый через значительное количество функционирующих единиц.

В процессе анализа были рассмотрены все возможные варианты сочетания гендерных элементов пары (*голубь – голубушка, голубь – голубица, голубок – голубушка и т.п.*). Анализ контекстов подкорпуса показал, что приращение идиоматического смысла происходит только в одной из комбинаций.

Было определено, что для создания гендерной пары членам оппозиции необходимо деактуализировать имеющиеся в их структуре семантические компоненты для создания ментального пространства, где могло бы произойти пересечение единого конструирующего признака.

Анализ языковых значений представленных гендерно-маркированных единиц обнаружил пересечение в компоненте **«ласковое обращение к лицу определенного пола»**. Компоненты речевой семантики также пересекаются

в значениях «кроткий/непорочный человек», «внешний вид лица определенного пола», «манера действия», также обе единицы обнаруживают тенденцию к функционированию ласкового и презрительного обращения.

Наиболее выраженное пересечение признаков (имеется ввиду совпадение семантического значения и его лексической реализации) наблюдается в речевом коллокате, выраженном прилагательным «чистый», который актуализирует языковое и речевое значения «невинный человек». Однако, как видно на рисунке 2.24, в речевой реализации данная единица чаще сочетается феминно-маркированным членом пары и, следовательно, выражает более высокую значимость данного признака для лица женского пола.

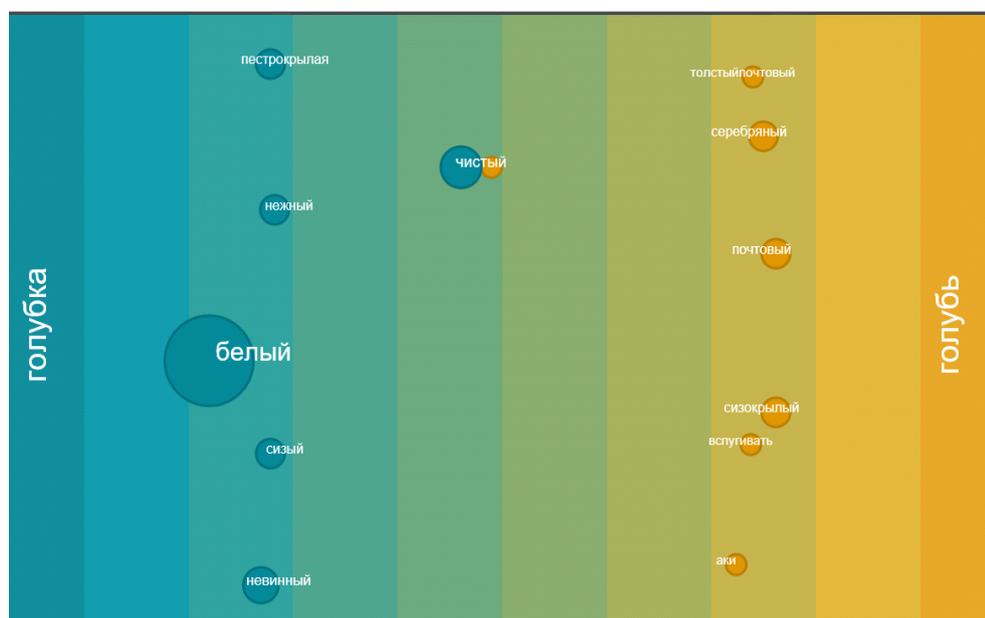

Рис. 2.24. Контекстное сочетание членов гендерной пары «голубь – голубка» с адъективными компонентами.

Таким образом, ни в одном из возможных проявлений рассматриваемых единиц не фиксируется значение «человек, состоящий в гармоничных отношениях с лицом противоположного пола», образуемое в представленной культурно-обусловленной гендерной оппозиции: *Ну как ваши соседи-новоселы? По-прежнему живут, как голубь и голубка?* – *Нет, они порхают, как голубь и голубка* [Коллекция анекдотов: соседи (1970-2000)]; *Как голубь*

с голубкой целуются-милуются [В. В. Бианки. Рассказы (1950-1958) // «Наука и жизнь», 2007] [НКРЯ].

Частотность использования данной парной единицы относительно не высока, что может объясняться снижением частоты использования составляющих ее зообразов. Предполагается, что данное парное употребление потенциально не лишено возможности к развитию и обнаруживает варианты речевой замены одного из компонентов с сохранением семантического содержания, которое легко декодируется носителями данной лингвокультуры: *Иван и пестрокрылая голубка Елена* [Владимир Железников. Каждый мечтает о собаке (1966)] [НКРЯ].

Анализ гендерной пары ГАД – ГАДЮКА. Гендерная пара *гад / гадюка* не обнаруживает парной реализации, но характеризуется высокой частотой употребления ее компонентов: 679 и 93 соответственно (на материале контекстов рассматриваемого подкорпуса).

Для уточнения культурно-обусловленного содержания компонентов данной бинарной оппозиции были рассмотрены их субстантивные и глагольные коллокаты. **Феминно-маркированный член оппозиции** уточняется **адъективами** со значением «отрицательная характеристика лица»: подколодная – 3, ядовитая – 1, смердящая – 1, полосная, полосучая – 1, шестнадцатиполосная – 1, ползучая – 1, семибатюшная – 1. **Субстантивные коллокаты** представлены, преимущественно, единицами с **инвективной интенцией**: сволочь – 2, сволота – 1, гад – 1, гнида – 1, сукин сын – 1, сукин рассын – 1.

Маскулинно-маркированный член оппозиции уточняется **адъективами**: фашистский – 1, вреднючий – 1, злобный – 1, липкий – 2, хитрый – 2, ползучий – 1, скользкий – 1, подлый – 1, ядовитый – 1, коварный – 1 и **субстантивами** гад – 14, сволочь – 7, предатель – 3, ренегат – 2, сука – 2, **Берия** – 1, **Сталин** – 1, **Гитлер** – 1, мерзавец – 1, червь – 1, декан – 1, садист – 1, пролетарий – 1 и т.п. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми

коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.25.

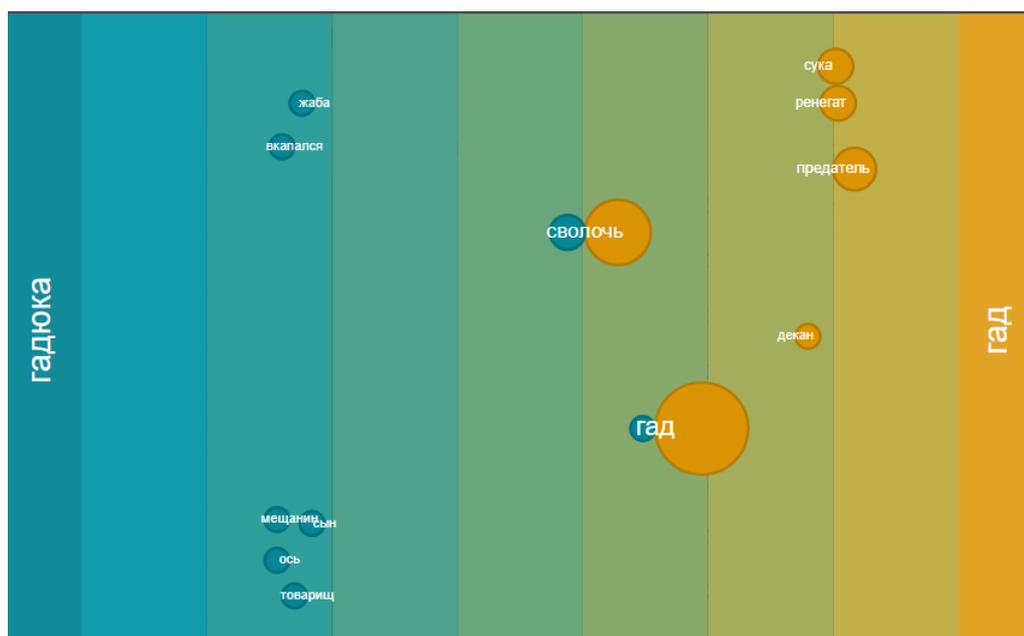

Рис. 2.25. Контекстное сочетание членов гендерной пары «гад – гадюка» с адъективными компонентами.

Использование данных зоообразов, как видно, обнаруживает пересечение коллокатов в значении **«отрицательная характеристика лица любого пола»**.

Представляется, что маскулинный член оппозиции обнаруживает сочетание с культурно-обусловленными компонентами, отражающими связь с концептом **«вторая мировая война»** в лингвокультурном сознании.

Оба компонента имеют ярко выраженную инвективную интенцию, при этом феминно-маркированный компонент может сочетаться с маскулинно-маркированными единицами *сукин сын, сукин рассын*.

Анализ гендерной пары ГУСЬ –ГУСЫНЯ. Значение членов гендерной пары *гусь – гусыня*, уточняются следующим образом. Для феминно-маркированного компонента используются немногочисленные коллокаты, актуализирующие элемент **«недостаточные интеллектуальные способности»**: *глупая – 3*, также объективируются значения **«заносчивая»** или **«недостаточно красивая женщина»** – через противопоставление образов гусыни и лебедя.

Маскулинно-маркированный член пары определяется через **адъективные коллокаты хороший/хорош – 25**, лапчатый – 7, домашний – 3, царопытный – 1, залетный – 1, заграничный – 1, щипаный – 1, голый – 1, невский – 1, московский – 1, самоуверенный – 1, испуганный – 1. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.26.

Данный компонент гендерной пары функционирует на материале НКРЯ в 17 раз чаще, чем его феминный противопоставляемый элемент, при этом не обнаруживает коллокатов с отрицательными значениями, свойственными данному зоообразу для обозначения лиц женского пола.

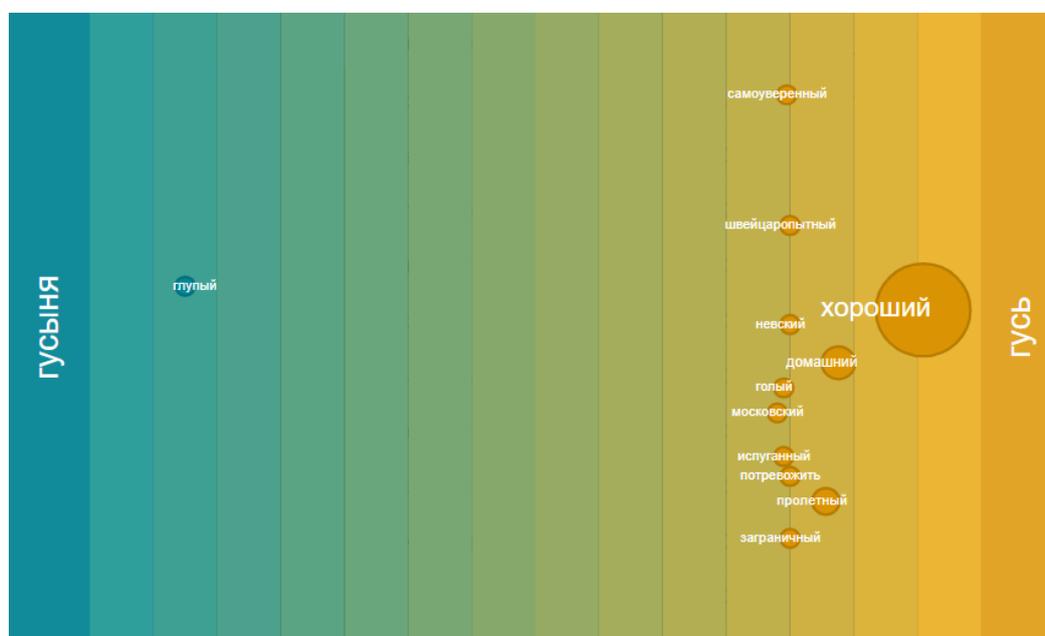

Рис. 2.26. Контекстное сочетание членов гендерной пары «гусь – гусыня» с адъективными компонентами.

Анализ гендерной пары ЖЕРЕБЕЦ – КОБЫЛА. Члены гендерной пары **кобыла – жеребец** имеют следующие коллокаты, свойственные для данной линвокультуры. Феминно-маркированный компонент уточняется адъективными компонентами с преобладающим значением отрицательной характеристики «недостаточные интеллектуальные способности»: глупая – 4, тупая – 1, бестолковая – 1; «старый/бесполезный»: старая – 10, никуда не

годная – 1, однако в единичных контекстах реализуется в положительном значении «проверенный человек» – «старая кобыла борозды не испортит».

Немногочисленные **коллокаты с положительным значением** выражены единицами: молодая – 2, здоровая – 1, красивая – 1, статная – 1.

Субстантивные сочетания представлены единицами с ярко выраженной феминной адресностью и инвективной интенцией: жена – 2, баба – 1, сучонка – 1, бесу кочерга – 1, богу не свечка – 1.

В целом, 70% объектов, обозначаемых данной единицей имеют феминную референцию, маскулинно-маркированные и метагендерные употребления представлены равным соотношением – по 15 %.

Противопоставленный по признаку гендерной референции компонент *жеребец* демонстрирует чуть менее частотное функционирование в контекстах НКРЯ (на 12 употреблений меньше). В рассматриваемой лингвокультуре данный компонент определяется адъективными коллокатами со значением «крепкий/здоровый» – 8 контекстов, «красивый мужчина» – 2; «выносливый/работоспособный человек» – 2, «сексуально-активный/гуляющий человек» – 2, «свободолюбивый человек» – 2. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.27.

В 99% случаев данный зообраз имеет маскулинную референцию, однако обнаруживаются контексты, с противоположной сочетаемостью, выражающие усиление значения семантического компонента при соотнесении с феминным зообразом: *Анну Наумовну лабораторные остряки окрестили «курица-жеребец», она обладала нечеловеческой работоспособностью и терпением, — однажды ей пришлось просидеть 18 часов за микроскопом, исследуя слои фото эмульсии [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]; Я этими делами не занимался, у меня своя законная баба есть, да какая баба-то: прямо жеребец, а не баба! [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928-1940)][НКРЯ].*

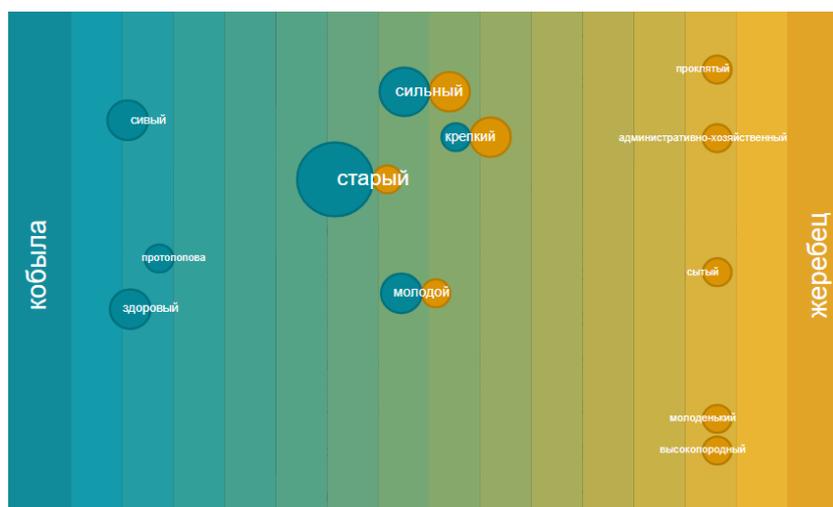

Рис. 2.27. Контекстное сочетание членов гендерной пары «кобыла – жеребец» с адъективными компонентами.

Члены данной гендерной пары обнаруживают пересечение в значении «внешний вид» – крепкий, сильный человек, «манера действия» – ржать, как жеребец/кобыла.

Анализ гендерной пары КОБЕЛЬ – СУКА. Значение членов гендерной пары *кобель – сука* уточняется следующими компонентами. Для феминно-маркированного элемента используются коллокации, актуализирующие речевое значение «отрицательная характеристика лица женского пола»: бешеная – 1, драная – 1, стервозная – 1; «внешний вид лица женского пола»: красивая – 2, обворожительная – 1, жирная – 1, толстоватая – 1, голоногая – 1, зубастенькая – 1, гламурная – 1, лохматая – 1, белобрысая – 1.

Субстантивные коллокации имеют ярко выраженную феминную маркированность и актуализируют признак «сексуально-активная женщина»: красная паскудина – 1, мразь – 1, подстилка богемская – 1, тварь – 1, мисс Панель-91, секс актриса – 1, дура – 1, дочь – 2.

Для использования с лицами мужского пола актуализируется значение «презрительное обращение»: *Сучка, — сказала она, — сучка, говно. Давай-сюда талоны твои сраные, журналист хренов!* [Александр Кабаков. Путешествие экстраполятора (1988-1999)][НКРЯ].

Для маскулинно-маркированного элемента используются коллокаты, актуализирующие речевое значение «**внешний вид**»: красивый – 2, драный – 2, холеный – 1, седоклокий – 1, здоровый – 2, старый – 2; «**отрицательная характеристика лица мужского пола**»: бесстыжий – 2, бессовестный – 1, озабоченный – 1, недобитый – 1, недостреляный – 1, пьяный – 1.

Субстантивные коллокаты представлены единицами пьяница – 1, поддонок – 1, бабник – 1, тварь – 1. В одном контексте было выявлено сочетание, представляющее собой **окказиональное употребление феминно-маркированной единицы** – «трусливый ссук». Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.28.

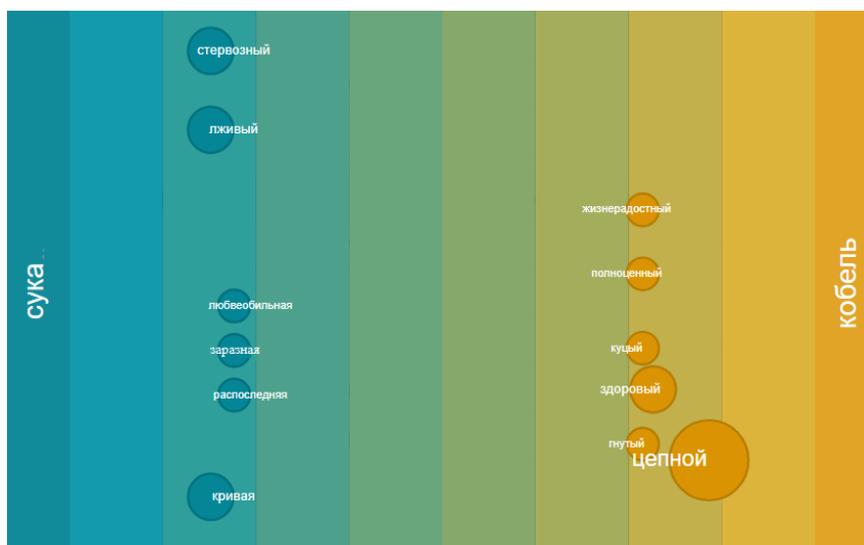

Рис. 2.28. Контекстное сочетание членов гендерной пары «сука – кобель» с адъективными компонентами.

Функционирование членов данной гендерной пары обнаруживает пересечения в семантических компонентах «отрицательная характеристика лица» и «сексуально активный человек».

Совместное контекстное использование данных компонентов реализует значение «**сексуальные отношения**».

Анализ гендерной пары КОТ – КОШКА. В гендерной паре кот – кошка только один из компонентов фиксируется в лексикографических источниках (кот – о похотливом, сластолюбивом мужчине).

Феминно-маркированный компонент уточняется адективными компонентами со значением «внешний вид»: ободранная – 1, облезлая – 1, «отрицательная характеристика»: дикая – 1, извращенная – 1, сумасшедшая – 1; «сексуально активная женщина»: мартовская – 2.

Субстантивные коллокации представлены единицами: жуткая шлюха, тварь безответственная – 1.

Для маскулинно-маркированного элемента используются коллокации, актуализирующие речевое значение «отрицательная характеристика/сексуально активный человек»: мартовский – 2, блудливый – 1, сукин – 1.

Зоометафора *кот* обладает исключительной соотнесенностью с лицами мужского пола, в то время, как зоометафора *кошка*, хоть и характеризуется преимущественной феминно-маркированной референцией (60% от всех контекстных употреблений), может контекстуально соотноситься с лицами мужского пола (27%) или иметь метагендерную сочетаемость (13%). Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокациями и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.29.

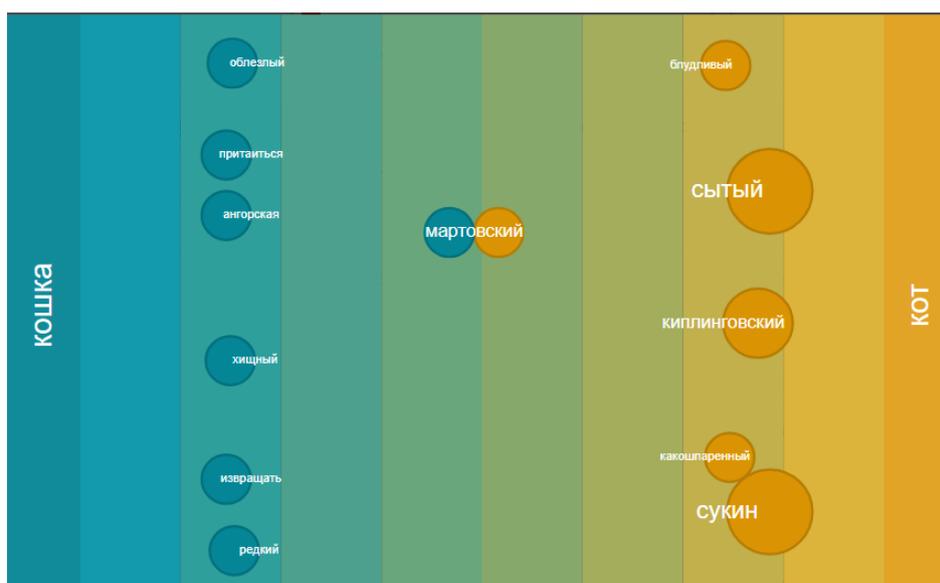

Рис. 2.29. Контекстное сочетание членов гендерной пары «кошка – кот» с адективными компонентами.

Функционирование данных зоометафор обнаруживает пересечение в семантическом компоненте «сексуально активный человек».

Оба компонента функционируют также в оппозиции «кошка/кот – мышка», где актуализируется значение отношений «человек агрессор – человек жертва».

Анализ гендерной пары БЫК – КОРОВА. В гендерной паре **бык – корова** только один из компонентов фиксируется в лексикографических источниках в соотнесении с антропоморфным значением (о толстой, неуклюжей женщине; прост., пренебр.).

Значение феминно-маркированного компонента данной гендерной пары уточняется речевыми адъективными коллокатами, **совпадающими по языковому значению единицы и актуализирующим семантический компонент «некрасивая, крупная женщина»:** толстая – 2, жирная – 1, беременная (актуализируется значение размера) – 1. Также в контекстной реализации к феминному зоообразу добавляются подпризнаки *ленивая, безмозглая, некрасивая.*

Можно отметить, что 17% употреблений данной зоометафоры, соотносятся с лицом мужского пола и обнаруживают сочетание с коллокатами, актуализирующими значения «манера действия» и «источник дохода»: *А для семьи он — дойная корова. Жил на стипендию; когда учился в академии, все деньги — в семью, а сам носил сапоги со шпорами, на обыкновенные денег не хватало [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)] [НКРЯ].*

Маскулинно-маркированный член гендерной пары в речевой реализации определяется адъективами, актуализирующими семантические компоненты «плохой характер/возбужденное эмоциональное состояние»: упертый – 3, упрямый – 3, бешеный – 2, растравленный – 1, надменный – 1, самонадеянный – 1; и «физическое состояние»: здоровый/здоров – 59, могучий – 1, усталый – 1, мощный – 1, сильный – 1, спортивно-плечистый – 1. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объ-

ективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.30.

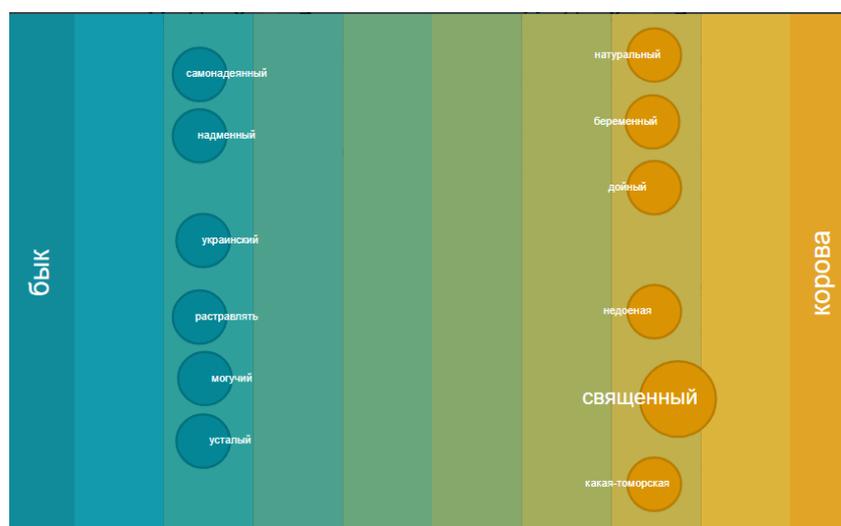

Рис. 2.30. Контекстное сочетание членов гендерной пары «бык – корова» с адъективными компонентами.

Очевидно, что представленные единицы, функционирующие в едином зоообразе, актуализируют различные компоненты значения в зависимости от их гендерной маркированности. Семантический компонент «внешний вид», соотносимый с феминно-маркированным компонентом пары, имеет ярко выраженную отрицательную оценку, в то время, как тот же компонент, выраженный посредством маскулинно-маркированного члена гендерной пары, оценивается носителями данной лингвокультуры, скорее, как положительный.

У феминно-маркированного компонента обнаруживаются значения, такие как «источник финансовой стабильности», соотносимые исключительно с лицами мужского пола и объясняющиеся такими экстралингвистическими параметрами, как устройство социальной системы, в целом, и патриархальный строй конкретной рассматриваемой лингвокультуры в частности.

Анализ гендерной пары КОЗЕЛ – КОЗА. В гендерной паре козел – коза только один из компонентов фиксируется в лексикографических источниках с выраженным антропоморфным значением (коза – о резвой, активной

девочке, девушке). При этом оба компонента данного зообраза могут встречаться в качестве компонента фразеологической единицы или поговорки.

Значение феминно-маркированного компонента данной гендерной пары уточняется речевыми адъективными коллокациями, выражающими в большей степени семантический компонент «**манера действия**»: резвая – 1, вредливая – 1, и «**отрицательная характеристика**»: упрямая – 3, драная – 3, отчаянная – 1, дикая – 3, старая – 2, пьяная – 1. Анализ адъективных коллокаций обнаруживает смещение в функционировании речевого значения в сторону выражения отрицательной характеристики, но не активного поведения.

Субстантивные уточняющие коллокации также объединены наличием отрицательной коннотации: идиотка, дура и некоторые другие.

Маскулинно-маркированный член гендерной пары в речевой реализации определяется адъективами, актуализирующими семантический компонент «**отрицательная характеристика лица мужского пола**»: **старый** – 33, вонючий – 3, похотливый – 3, блудливый – 1, сивый – 1, лысый – 1, опытный – 1, редкостный – 1 и т.п. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокациями и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.31.

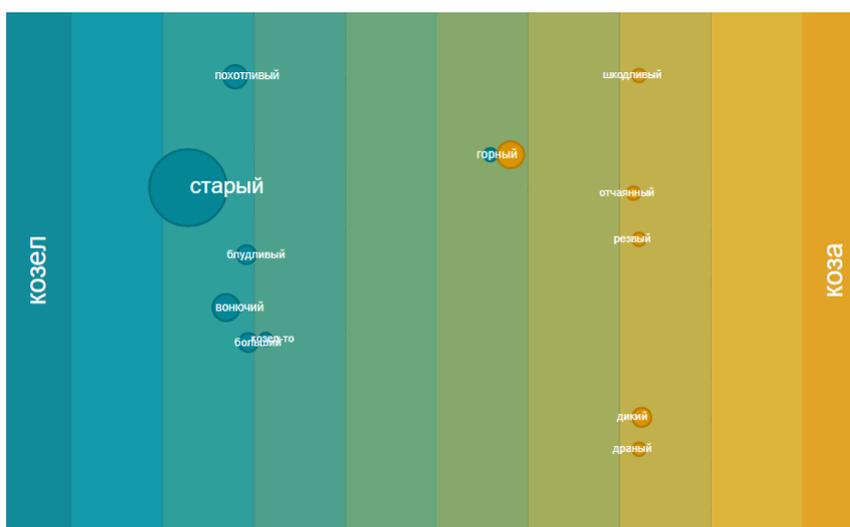

Рис. 2.31. Контекстное сочетание членов гендерной пары «козел – коза» с адъективными компонентами.

Субстантивные уточняющие компоненты рассматриваемой зоометафоры представлены ограниченным перечнем единиц с ярко выраженной инвективной интенцией: *вонючка* – 1, *мудак* – 1, *кретин* – 1, *негодяй* – 1.

Анализ гендерной пары ПЕТУХ – КУРИЦА. В гендерной паре *петух – курица* только один из компонентов фиксируется в лексикографических источниках с выраженным антропоморфным значением (*петух* – о задорном человеке, *забияке*), при этом оба компонента могут функционировать в составе устойчивых сочетаний с антропоморфной референцией (как *мокрая курица* — о жалком на вид человеке; *как мокрая курица ведёт себя кто-н* — вяло, безвольно).

Значение феминно-маркированного компонента, рассматриваемого в гендерной оппозиции, уточняется речевыми адъективными коллокатами, со значением «недостаточные интеллектуальные способности»: *безмозглая* – 1, *тупая* – 2, *глупая* – 2, «отрицательная характеристика лица женского пола»: *старая* – 2, *слабая* – 1, *безвольная* – 1, *заполошная* – 1, *слепая* – 2 (с актуализацией значения «невнимательная»), «внешний вид»: *мокрая* – 6.

Субстантивные уточняющие коллокаты объединены наличием инвективной интенцией и частым присутствием зоообраза: *дерьмо* – 1, *жаба* – 1, *крыса* – 1, *свинья* – 1.

Маскулинно-маркированный член гендерной оппозиции в речевой реализации представлен адъективами, актуализирующими семантический компонент «отрицательная оценка лица»: *недорезанный* – 1, *общипанный* – 1, *старый* – 3.

К остальным уточняющим компонентам относятся единицы, свойственные для тюремного арго: «*козел*», «*опущенный*».

Феминно-маркированный компонент также может участвовать в оппозиции «*курица – яйцо/цыпленок*» для выражения отношений «гиперпекающий человек – гиперпекаемый человек», однако вне представленной оппозиции, семантический компонент «забота» не реализуется посредством данного зоообраза.

Анализ гендерной пары ОРЕЛ – ОРЛИЦА. В гендерной паре **орел** – **орлица** в лексикографических источниках только маскулинно-маркированный компонент фиксируется с выраженным антропоморфным значением (орел - перен.о гордом, смелом, сильном человеке).

Значение феминно-маркированного компонента, рассматриваемого в гендерной оппозиции, уточняется немногочисленными речевыми адъективными коллокатами: ощипанная – 1, большая – 1, старая – 1, сильная – 1, зоркая – 1. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.32.

Анализ субстантивных уточняющих компонентов обнаруживает перекрестное использование орнитологических зоообразов в значении положительной характеристики: голубка и орлица.

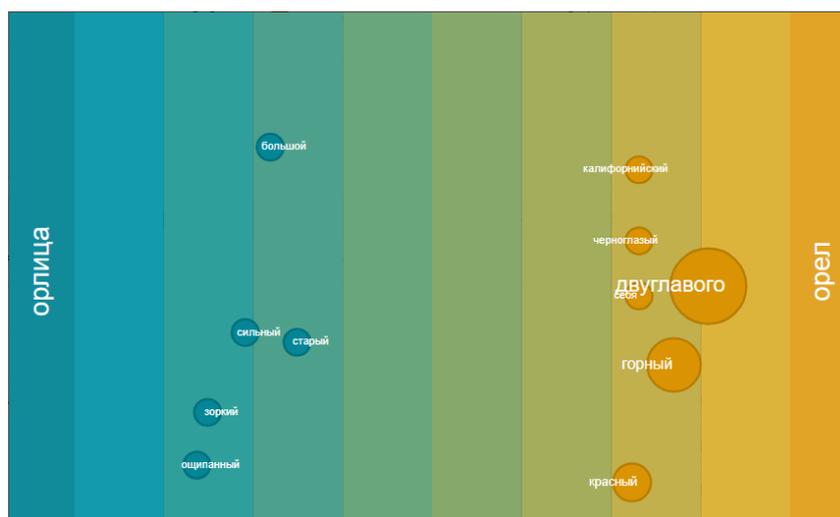

Рис. 2.32. Контекстное сочетание членов гендерной пары «орлица – орел» с адъективными компонентами.

Маскулинно-маркированный член гендерной оппозиции в речевой реализации представлен адъективами: черноглазый – 1, красный – 1, горный – 3; и субстантивными элементами, выражающими положительную оценку: красавец – 3, джигит – 1, сокол – 1, молодец – 1.

Анализ гендерной пары Анализ гендерной пары МОРЖ – МОРЖИХА.

В гендерной паре **морж** – **моржиха** оба компонента фиксируются в лексикографических источниках, при этом имеют нераспространенную семантиче-

скую структуру и характеризуются низкой частотностью речевого употребления.

Значение **феминно-маркированного** компонента данной гендерной оппозиции, уточняется немногочисленными коллокатами типа «**добродушная**», «**с усиками**», «**крупная**»: *Это была довольно крупная, равномерно округлая и морщинистая, словно моржиха, деревенская бабка, обычно молчаливая и угрюмая, но иногда и шумная, оравшая зычным трубным голосом [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990-1998) // «Октябрь», 1998]; С вами была подруга, здоровенная и добродушная моржиха с усиками, наверное, та, с которой вы снимали комнату у седой старушечки... [Анатолий Ким. Белка (1984)] [НКРЯ].*

Маскулинно-маркированный член гендерной оппозиции в речевой реализации представлен немногочисленными адъективами со значениями «**внешний вид**»: усатый – 4, грузный – 1; «**эмоциональное состояние**»: спокойный – 1. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.33.

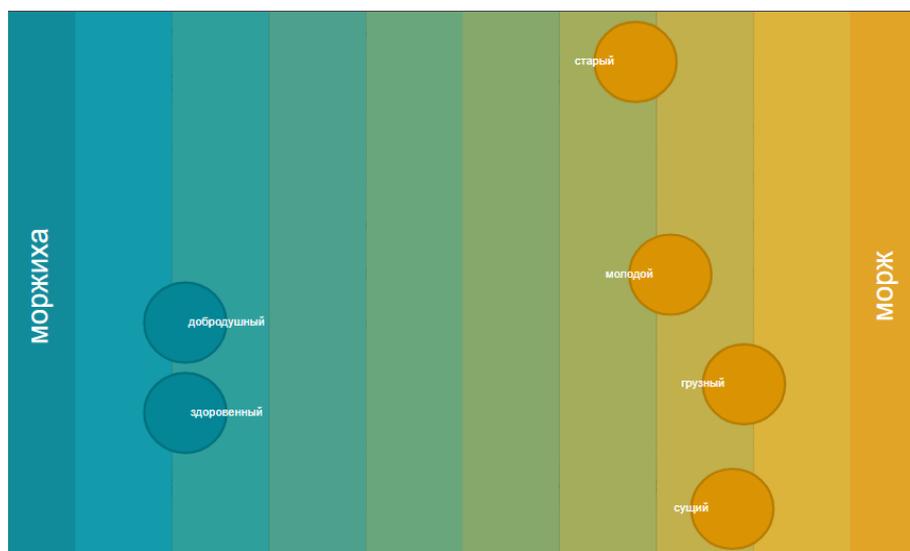

Рис. 2.33. Контекстное сочетание членов гендерной пары «морж – моржиха» с адъективными компонентами.

В лексикографическом значении «**закаляющийся человек**» данная единица функционирует в 40% контекстов НКРЯ: *К счастью, какой-то опо-*

здавший **морж** побежал к проруби окунуться и ее увидел [Марк Гиришин. *Жили-поживали* // «Звезда», 2003][НКРЯ].

Остальные контексты реализуют значения **«особенный внешний вид»**, **«манера действия»**: *Чуковский вился вьюном, смягчая в переводе наиболее острые места. Горький, хмурясь, как морж, кусал усы* [Г. В. Иванов. *Китайские тени (1924-1930)*][НКРЯ].

Также функционируют единицы со значением **презрительного обращения**: *Морды у большинства раскраснелись — определённо, спорили. — Где тебя носит, чёртов ты морж! — сейчас же заорал однорукий Ди* [Грэй Ф. Грин. *Кетополис — Киты и броненосцы (2001)*] [НКРЯ].

В целом, обе единицы данной гендерной оппозиции значительно расширяют свое лексикографическое значение, которое не является преобладающим компонентом в речевой реализации и замещается компонентом **«особенный внешний вид»**.

Анализ гендерной пары ТИГР – ТИГРИЦА. В гендерной паре **тигр – тигрица** один из компонентов фиксируется в лексикографических источниках (тигрица – о жестокой и решительной женщине), также имеется метагендерная единица **тигр снегов** со значением «шерп-восходитель, проводник».

Значение **феминно-маркированного** компонента уточняется немногочисленными коллокатами со значением **«особое эмоциональное состояние»**: яростная – 1, бешеная – 1, разъяренная – 9. Также обнаружены контексты с противоположным значением **«нежная женщина»**: *Мне казалось, что я нежная тигрица и хитрая лиса* [Лидия Иванова. *Искренне ваша грешница (2000)*] [НКРЯ].

Маскулинно-маркированный член гендерной оппозиции в речевой реализации также представлен немногочисленными адъективами со значениями **«особое эмоциональное состояние»**: разъяренный – 2, взбешенный – 1, свирепый – 1, кровожадный – 1.

Данная единица обладает широким показательным рядом глагольных сочетаний со значением **«особая манера действия в эмоциональном со-**

стоянии»: броситься – 6, драться – 1, сражаться – 2, метаться – 4, вскочить – 1, вцепиться – 1, ринуться – 1, кидаться – 1 и т.п. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокациями и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.34.

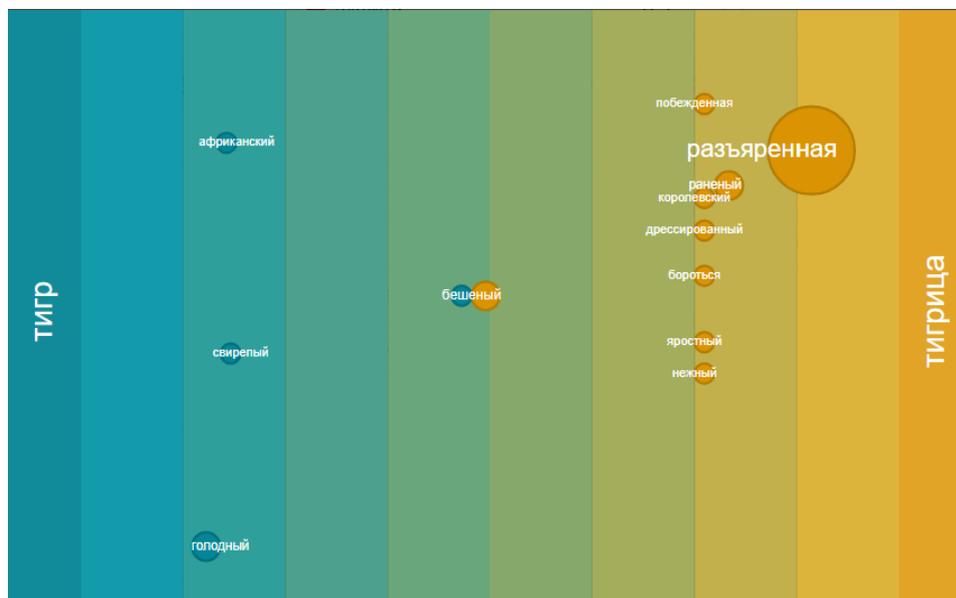

Рис. 2.34. Контекстное сочетание членов гендерной пары «тигр – тигрица» с адъективными компонентами.

В целом функционирование представленных маркированных компонентов обнаруживает совпадение в значении **«особое/возбужденное эмоциональное состояние»**.

Гендерная пара баран/ярочка фиксируется в контекстах НКРЯ, но является нечастотной и архаичной для современного русского языка.

Анализ гендерной пары ЛИС – ЛИСА. Гендерная пара лис-лиса демонстрирует нетипичное распределение функционирования гендерно-маркированных членов оппозиции. Только один из компонентов имеет метафорическое антропоморфное значение в лексикографических источниках (лиса – о хитром, лстливом человеке). Данный компонент маркирован женским родом и при этом демонстрирует в 2 раза более высокую частотность употребления в рассматриваемом значении на материалах НКРЯ, что является нетипично активное поведение феминно-маркированной единицы при наличии маскулинно-маркированного компонента. Необходимо отметить,

что антропоморфная зоометафора *лиса*, имеющая метагендерную лексикографическую маркированность и выраженная единицей в морфологической форме женского пола, в 82% контекстных употреблений соотносится с маскулинно-маркированным объектом.

Значение **феминно-маркированного** компонента уточняется такими адъективными коллокатами со значением «хитрый человек»: хитрая/хитер – 20 (прилагательное в женской форме функционирует в данном случае с лицами обоев полов, не нарушая языковой нормы), старая – 18 (актуализируется компонент «опытная»), изворотливая – 2, подлая – 2, ловкая – 1, коварная – 1, двухчаловая – 1 и т.п.

Субстантивные коллокаты выражены незначительным употреблением зоообразов: цепкий паук – 1, хитрая змея – 1, враг – 1, обманщик – 1, приспособленец – 1, блатмейстер – 1, актуализирующими значение «хитрость» и «подлость».

Маскулинно-маркированный член гендерной оппозиции в речевой реализации также представлен адъективами со значениями «хитрый человек»: хитрый – 14, старый – 10 (в значении опытный), лукавый – 1, стреляный – 1, седовласый – 1, двухголовый – 1, пронырливый – 1, матерый – 1, сталинский – 1 и т.п.

В единичных контекстах актуализируется маскулинно-маркированное значение «похотливый»: « — Ты хочешь соблазнить мою жену и отнять у меня семью, *старый похотливый лис*, прикрывающийся святым чувством — отцовской любовью?!» [Татьяна Дудкевич. *Сериалы (1997)* // «Столица», 1997.06.10] [НКРЯ].

Субстантивные уточняющие коллокаты представлены инвективными единицами: борзой кобель – 1, овцеобразный волк – 1, адов пес – 1, шиш антихристов – 1, плут – 1 и т.п. Элементы гендерной пары с наиболее используемыми коллокатами и единицы, объективирующие категориальное пересечение реализуемых признаков, представлены на рис. 2.35.

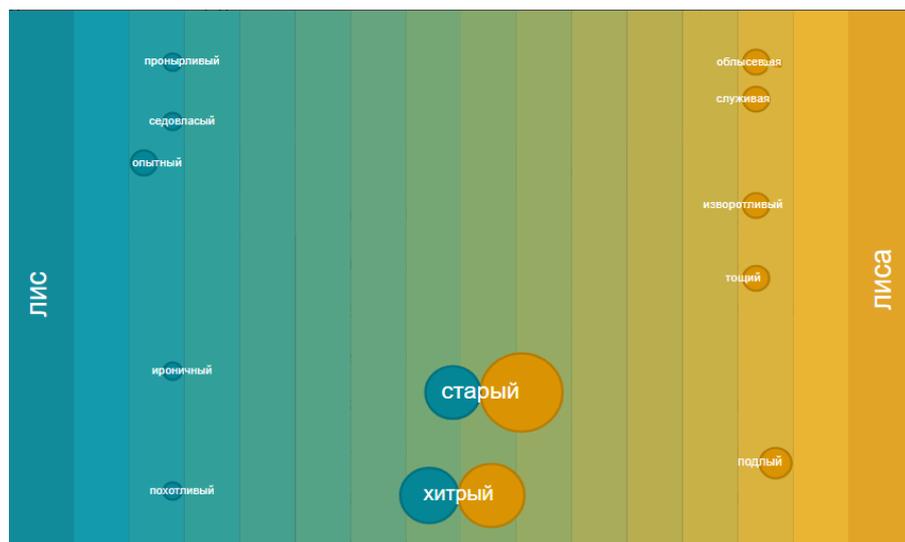

Рис. 2.35. Контекстное сочетание членов гендерной пары «лиса – лиса» с адъективными компонентами.

Необходимо отметить, что «хитрость», как семантический признак, эксплицируемый из контекстов НКРЯ посредством целого зообраза, имеет тенденцию сочетаться со значениями «**опытный, мудрый**», дополняя исходное значение национально-специфическим компонентом: — *Анна хитро взглянула на шефа.* — *Мудра, лиса. Мой совет будет такой* [Александр Михайлов. *Капкан для одинокого волка* (2001)]; *Александр Первый, и хитрый лис Кутузов точно знали, с какими целями Наполеон прибыл в Россию* [Валерий Лебедев. *Умно-ленивый полководец Кутузов* (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14]; *Как не крути, но Кутузова даже его противники аттестовали как умного старого лиса* [Валерий Лебедев. *Умно-ленивый полководец Кутузов* (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14] [НКРЯ].

Также выявлены единицы с значением «**ласковый человек**»: *Я же тебе говорила, что она настоящая лиса, поет сладким голосом, будто колыбельную, будто укачивает тебя своей лаской, а сама под дых бьет* [Владимир Железников. *Чучело* (1981)]; — *Ишь, Лиса Патрикеевна, всегда бы такой был ласковый да хороший...* [Виктор Астафьев. *Последний поклон* (1968-1991)] [НКРЯ].

С точки зрения оценки данного признака речевая реализация обнаруживает контексты, имеющие как положительную, так и отрицательную коннотацию. Таким образом, определяется, что «хитрость», как антропоморфный признак, имеющий маскулинную и феминную сочетаемость, является собой пример аксиологической амбивалентности и неоднозначно трактуется национальным сознанием носителей рассматриваемой лингвокультуры.

Анализ выявил, что функционирование данной гендерной пары обнаруживает незначительные расхождения в семантической структуре компонентов, вызванные их гендерной принадлежностью: семантический подпризнак «**ласковый человек**» чаще соотносится посредством феминно-маркированными объектами, а подпризнак «**похотливый человек**» – с мужскими.

Выводы по содержанию II главы

Значимым представляется тот факт, что анализ контекстов корпуса позволяет:

- а) делать выводы не только посредством интерпретации качественных показателей рассматриваемого элемента, но и с привлечением дополнительных количественных параметров;
- б) соотносить полученные данные с точной датой их речевой реализации, что в сочетании со статистическими методами дает возможность выносить заключения о существующих языковых тенденциях;
- в) обеспечивать прирост лингвистического и экстралингвистического знания (часто культурологической направленности) посредством сравнения и дополнения взаимозависимых ЯКМ и ее речевой реализации.

Статистический анализ употребления зоометафор в НКРЯ обнаружил, что:

- 1) **самыми частотными** антропоморфными зооупотреблениями, представленными в контекстной реализации, являются: **голубчик** (2,000/млн)⁴,

⁴Относительная частота метафорического употребления словарной единицы, получаемая в результате соотношения ее абсолютной частоты и длины корпуса.

голубушка (1,642/млн), **гад** (1,850/млн), **скотина** (1,315/млн), **козел** (1,174/млн), **щенок (454)**, **свинья** (888/млн), **сука** (548/млн), **гусь** (476/млн), **баран** (473/млн), **соколик** (217/млн), **бык** (294/млн), **червь** (350/млн), **боров** (265/млн), **заяц** (267/млн);

2) **меньшей значимостью** обладают единицы: **мастодонт** (35/млн), **гнус** (32/млн), **росомаха** (29/млн), **битюг** (29/млн), **одер** (24/млн), **выкормок** (24/млн), **сорока** (19/млн), **дикобраз** (19/млн), **сколопендра** (11/млн), **слеток** (6/млн), **хавронья** (3/млн);

3) **не обнаруживают речевых реализаций** единицы: **выросток**, **сыченьок**.

Частота использования зоокомпонентов в речевой реализации, исходя из полученных наблюдений, объясняется:

а) **широким импликационалом речевых значений, варьирующим комбинаторность компонентов слабой семантики** в зависимости от контекста, интенций говорящего и т.п.;

б) **высокой степенью компрессии при выражении комплексных значений**, достигающейся устойчивым и длительным функционированием представленных единиц в культурном коде рассматриваемой языковой среды;

в) **наличием ярковыраженного эмоционально-оценочного компонента**, имеющего корреляцию с частотой использования данных единиц в языковой системе, в целом, и ранжирующим степень их частотности внутри рассматриваемой группы антропоморфных зоометафор, в частности.

3. С точки зрения выявлений изменений в плане соотношения **гендерной маркированности языковой объективации и речевой реализации антропоморфных зоометафор** было установлено следующее:

1) **73%** самых частотных зоометафор изменили гендерную референцию с общего рода на мужской: **гад м-г. → м.р. (98%)**, **скотина м-г. → м.р. (81%)**, **козел м-г. → м.р. (99%)**, **щенок м-г. → м.р.**, **свинья м-г. → м.р. (70%)**, **гусь м-г. → м.р. (92%)**, **баран м-г. → м.р. (93%)**, **бык м-г. → м.р.**

(95%), червь м-г. → м.р. (75%), боров м-г. → м.р. (96%), заяц м-г. → м.р. (71%);

2) 21% самых частотных зоометафор сохранили свою гендерную референцию: голубчик м.р. → м.р., голубушка ж.р. → ж.р., соколик м.р. → м.р.;

3) 6% не имевших языковой единицы в подобном значении, но относящиеся к самым частотным зоообразам, установили гендерную референцию совпадающую с грамматическим родом: сучка → ж.р..

В целом, в ЯКМ 16% антропоморфных зоометафор имели референцию с лицами женского пола, 7% – соотносились с лицами мужского пола и 77% определялись метагендерной сочетаемостью.

Рассмотрение подобной референции на материале контекстов НКРЯ обнаруживает изменение акцентов в функционировании гендерных классов:

1) 67% или около 6,600 всех антропоморфных употреблений зоометафоры соотносятся с лицами мужского пола,

2) 26% или около 2,700 всех антропоморфных употреблений зоометафоры соотносятся с лицами женского пола,

3) всего 7% или около 700 всех антропоморфных употреблений зоометафоры имеют метагендерную референцию.

Общие результаты проявления гендерной маркированности в контекстной реализации свидетельствуют, что:

1) 13% всех анализируемых единиц сохраняют тенденцию к преобладающему функционированию в рамках феминной гендерной референции: бабочка, выдра, карга, кобыла, корова, моржиха, тигрица, хавронья, гусыня.

В качестве особой подгруппы (33%) можно выделить единицы, представленные орнитологическими зоообразами, имеющими особый вес в национальной лингвокультуре и частотно функционирующие в роли ласкового обращения: лебедь, ласточка, голубка, голубушка, голубица.

2) **7%** анализируемых единиц сохраняют тенденцию к преобладающему функционированию в рамках маскулинной гендерной референции: *битюг, жеребец, кабан, кобель, морж*.

В данной группе в качестве особой подгруппы (55%) можно выделить единицы, представленные орнитологическими зоообразами, и частотно функционирующими в роли ласкового обращения к лицу мужского пола: *сокол, соколик, голубь, голубчик, голубок*.

3) **2%** анализируемых единиц имели/получили двойную гендерную референцию. Это проявляется в статистически равных показателях, свидетельствующих о тождественном соотношении определенной зоометафоры с лицами разных полов на исследуемом материале (*сорока, слеток*) или соотношении единицы с различными гендерными классами, но в разных значениях (*петух, лев*).

4) **2%** анализируемых единиц демонстрируют стабильную метагендерную референцию: *аспид, вобла*.

5) **73%** анализируемых единиц сменили феминную/ метагендерную сочетаемость на преобладающую маскулинную: *гадюка, ворона, жаба, заяц, ишак, карась, кит, кот, крыса и т.п.*

6) **3%** анализируемых единиц проявляют тенденцию к сужению гендерной сочетаемости (с метагендерной на феминную): *змея, каракатица, лошадь, мартышка*.

В целом сохранение гендерной референции чаще наблюдается у единиц:

1) имеющих гендерную пару в языковой системе: *морж – моржиха, кобыла-жеребец и т.п.*;

2) функционирующих в роли обращения: *голубь-голубка, коза – козел и т.п.*

Прямой зависимости между гендерным классом и выражаемым единицей признаком, выявлено не было.

Анализ обнаружил, что смена гендерной референции может влиять на **добавление инвективной интенции, в случае соотнесения феминно-маркированной зоометафоры с лицами мужского пола (голубушка, сучка):** *А вон еще длинноволосый бежит... ату его, ату его, попался, голубушка!* [Василий Аксенов. *Любовь к электричеству* (1969)]; *Когда я поднял глаза, она стояла передо мной и ствол моего автомата был направлен мне прямо в лоб. — Сучка, — сказала она, — сучка, говно. Давай сюда талоны твои сраные, журналист хренов!* [Александр Кабаков. *Путешествие экстраполятора* (1988-1999)] [НКРЯ]. Таким образом, единица может **приобрести инвективное значение**, которое не являлось частью ее семантической структуры или усилить его, если оно имелось.

В случае соотнесения маскулинно-маркированных единиц с лицами женского пола подобной тенденции не наблюдается: *Ниночка, голубчик, сыграй, пожалуйста, за меня, — попросила Света* [Евгений Велтистов. *Новые приключения Электроника* (1988)] [НКРЯ].

Анализ обнаружил, что в случае соотнесения лица определенного пола с зоометафорой, имеющей противоположную гендерную маркированность, **избегают прямого соположения маркированных компонентов.** Сочетание гендерно-маркированных местоимений *он/она* и зоометафоры противоположного рода не встречается. Подобные комбинации в большинстве случаев используются со значением «**манера действия**» и соотносятся с единицей через наличие компаративных оборотов, вводимых союзами *как, словно, аки, точно, что и т.п.*, таким образом лингвистически реализовывая одну из основных когнитивных операций – категоризацию.

4. Анализ **семантической структуры и объема** рассматриваемых зоометафор обнаруживает, что в ЯКМ самыми часто актуализируемыми признаками в описании человека становятся «**положительна характеристика лица**» (41%) и «**внешний вид**» (28%). При этом речевое функционирование данных единиц смещает фокус описания в сторону признаков «**отрицательная характеристика лица**» (36%) и «**манера действия**» (30%).

Анализируемый материал обнаруживает устойчивую тенденцию к расширению семантического объема единиц в процессе речевой реализации. Единицы, обнаружившие тенденцию к заметному сужению семантического объема, не выявлены, однако наблюдаются зоометафоры с отсутствующей контекстуальной реализацией в необходимом антропоморфном значении: выросток, слеток, цепка. Тот факт, что данные единицы фиксировались в лексикографических источниках, но не представлены в НКРЯ, говорит о потере важности данных элементов для национальной лингвокультуры и их возможным замещением иными, более активно используемыми носителями языка зоообразами.

В целом, развитие речевой полисемии также, как и языковой, проявляет общую тенденцию к экономии когнитивных усилий.

Анализ исследуемого материала свидетельствует, что маскулинно-маркированный компонент гендерной пары характеризуется более активным речевым употреблением. Однако орнитологические зоообразы, выражающие значение «ласковое/презрительное обращение к лицу женского пола», могут обнаруживать противоположную тенденцию (голубушка - 650 – голубь - 112; курица - 72 – петух - 38).

Все члены гендерных пар демонстрируют заметное расширение семантической структур слова посредством добавления компонентов слабой семантики. При этом феминно-маркированные единицы могут развивать значения, важность которых объясняется экстралингвистическими факторами. Так, значение «**внешний вид лица женского пола**» с актуализацией подпризнака «**красивая/некрасивая**» женщина. Актуализация данного признака в связи с маскулинно-маркированными компонентами происходит реже и обладает меньшей значимостью.

Анализ не обнаружил значительных различий в потенциале и возможности развивать новые речевые значения у единиц, маркированных разным родом. Речевая реализация всех маркированных компонентов представлена

дробной семантической структурой, компоненты которой дифференцируются при помощи многочисленных коллокатов.

В большинстве гендерных пар существуют пересечения отдельных семантических признаков, которые также присутствуют в их независимом употреблении.

Подтвердилось наблюдение о возможности использования/трансформации феминно-маркированной единицы для усиления инвективной интенции в случае ее соотнесения с маскулинно-маркированным компонентом. Представляется, что в подобной ситуации единица обладает большей эмоциональной окраской по сравнению с членом гендерной пары, имеющим корректную гендерную соотнесенность.

Примеров функционирования данной тенденции в соотнесении с лицами женского пола на материалах НКРЯ выявлено не было.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Посредством анализа лексикографических источников и текстового материала Национального корпуса русского языка реализованы цель и задачи исследования — проведено комплексное описание семантической структуры и объема понятийной категории «гендер», объективирующейся в современной русской речи и зафиксированной в сознании носителей данной лингвокультуры.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты.

Переход к новой научной парадигме позволил обратить внимание на базовые проявления антропоцентрических параметров в языке с позиции новых интерпретационных возможностей. Данная категория получила освещение таких структурных и содержательных аспектов, которые не могли рассматриваться в рамках традиционной семантики.

Основываясь на неосознанном процессе когнитивной категоризации, гендер представляет возможность доступа к национально-специфическому наполнению признаков, раскрывающих особый способ восприятия маркированных моделей поведения, естественных для данного социума. Культурно-обусловленное содержание когнитивной категории раскрывается через процесс когнитивной элиминации доминирующих зоообразов для выражения гендерно-ориентированных значений, который происходит под влиянием накопленного опыта и определяет процесс когнитивной языковой интерпретации.

В качестве рабочего определения в работе предложено следующее: гендер как понятийная категория – это некоторый объем лингвокультурологических знаний об общепринятых гендерных референциях, рассмотренный посредством суммы их языковых проявлений в конкретном культурном контексте в определенный период времени.

С точки зрения гендерного параметра, рассматриваемая категория, развивающаяся в условиях патриархальной культуры, традиционно представлялась двучленной оппозицией с закрытой структурой (м.р. v.s. ж.р.). Однако, появление новых феноменов в социальной сфере, а также изменения гендерных ролей в социальной структуре общества повлияли на представление рассматриваемого параметра в языковой системе, что теоретически может привести к выделению новых субкатегорий или перекатегоризации имеющихся зоообразов.

В ходе анализа было обнаружено проецирование традиционных маскулинно-маркированных зоообразов на объекты с феминной референцией для объективации наличия признаков, присущих лицам мужского пола. При этом в ЯКМ доминирующими признаками, определяющими лицо женского пола, остаются «скромность» и «красота», что представляет традиционные ценности феминно-маркированных объектов в патриархальном укладе культуры, где любые проявления независимости и самостоятельности от лица женского пола могли трактоваться как отступление от предписываемой гендерной роли.

Примеры противоположного проецирования гендерно-ориентированных зоообразов (ж.р.→м.р.) обнаруживают тенденцию формировать усиленное инвективное обращение к лицу мужского пола. Лингвокультурологическое освещение подобного факта может эксплицировать различную значимость гендерных ролей мужчины и женщины, закрепившуюся в процессе становления национального сознания и представляющую собой пример языкового андроцентризма, объясняющегося экстралингвистическими факторами.

Изучение лингвокультурной специфики рассматриваемой категории представляется невозможным без верификации полученных языковых данных на материале языковых контекстов НКРЯ. Анализ контекстного окружения рассматриваемых зоообразов обнаружил лингвокультурную специфику оценочных значений частотно сочетающихся с ними единиц. В качестве уси-

ления инвективной интенции используются лексемы, обнаруживающие референцию с политическими деятелями/политическим строем государства, вызывающие устойчивую отрицательную оценку в сознании большинства носителей данного языка.

Гендер как категория, находящаяся под влиянием социально-обусловленных трансформационных процессов, не может рассматриваться вне хронологической референции относительно доминирующих гендер-конструирующих признаков и способов их выражения. Особое внимание было уделено частотно реализующимся функциям зоообразов в соотнесении с их временной актуальностью, позволяющей рассмотреть эволюцию используемых гендерно-маркированных единиц и их значений. Анализ обнаружил значимую роль орнитологических зоообразов в представлении рассматриваемой ЯКМ, функционирующих в качестве обращений. Самым продуктивным из рассмотренных является зоообраз *голубь*, представленный маскулинно- и феминно-маркированными вариантами *голубчик*, *голубка*, *голубица*, *голубушка*. Данная метафорическая модель, функционирующая в роли обращения на материалах Национального корпуса русского языка, обнаруживает растущую частотность употребления с начала XIX века. Самое активное использование маскулинно-маркированных единиц данного зоообраза приходится на вторую половину XX века, феминно-маркированных — на первую его часть. Единственным орнитологическим метафорическим употреблением, превосходившим по частотности речевых реализаций зоообраз *голубь*, была единица *соколик*, пик употребления которой пришелся на конец XIX века. Однако отсутствие продуктивных вариантов данной единицы, имеющих различную гендерную референцию, не позволило конкурировать с более прагматически-приспособленными зоообразами.

В процессе анализа единиц, функционирующих в роли обращения, были обнаружены отдельные случаи подмены гендерной ориентированности, устойчиво функционирующей в определенном гендерном классе. Использование маскулинно-маркированных единиц типа «голубчик», сочетающихся с

лицами женского пола, сохраняет свое основное лексикографическое значение «ласковое обращение», но меняет гендерную референцию.

Употребление феминно-маркированных зоообразов в сочетании с маскулинно-маркированными единицами также, как в случае с характеристикой лица, приобретает отрицательное значение.

В целом, можно отметить, что частота употребления зоообраза сказывается на степени проявления его гендерной маркированности в сторону нивелирования референции с ограниченным гендерным классом.

Рассмотрение инвективных употреблений зоообразов представляется эффективным с позиции выявления системы ценностей/антиценностей в сознании носителей определенной лингвокультуры. Анализ показал, что 43% всех исследуемых гендерно-маркированных зооединиц могут функционировать в качестве инвективных употреблений, однако частота реализации данной интенции значительно разнится. К самым употребительным единицам на рассмотренном материале можно отнести *скотина, гад, козел, сука, карга*. Для достижения высокой степени декодируемости инвективного значения в данных метафорических моделях не используются животные, представляющие экзотические виды в сознании носителей рассматриваемой культуры.

В качестве основания для реализации инвективного значения используются такие признаки, как *отрицательно оцениваемые внешний вид, поведение или интеллектуальные способности*. В качестве единиц, усиливающих интенсивность инвективного компонента, используются прилагательные со значением несоответствующего происхождения или места обитания (*подкольная, детдомовский*), отрицательно оцениваемой политической или национальной принадлежности (*эсэсовский, петлюровский, татарский*). Высокая степень религиозности рассматриваемой культуры, проявляется в возможности использования прилагательных с референцией к отрицательным библейским сюжетам (*каинский, дьявольский, адов*).

Одним из универсальных прилагательных для усиления инвективной интенции, не проявляющих гендерной маркированности является единица

«старый», реализующая преобладающее значение отрицательной оценки, а не возраста. Анализ контекстов НКРЯ обнаруживает, что большинство нейтральных прилагательных, сочетающихся с инвективными зоометафорами, попадают в зону их семантического влияния и приобретают новые контекстуальные значения.

Степень проявления инвективного признака согласно проведенным наблюдениям в большинстве случаев не зависит от референции с зоообразом и определяется контекстом.

Состав единиц, использующихся в качестве инвективных зоообразов в определенной ЯКМ, имеет тенденцию изменяться с течением времени. Так, антропоморфная зоометафора *карась*, которая могла использоваться в подобном значении в начале XX века, сегодня не проявляет возможности самостоятельной реализации инвективного потенциала.

В целом, высокая частота использования моделей «человек/мужчина/женщина – это животное» объясняется: **а) широким импликационалом речевых значений, варьирующим комбинаторность компонентов слабой семантики** в зависимости от контекстуальных интенций говорящего, **б) высокой степенью компрессии при выражении комплексных значений, в) наличием ярко-выраженного эмоционально-оценочного компонента.**

С точки зрения выявления изменений в плане соотношения **гендерной маркированности языковой объективации и речевой реализации** антропоморфных зоометафор, было выявлено, что большинство речевых употреблений (73%) сменили свою метагендерную сочетаемость, фиксирующуюся в лексикографических источниках на маскулинную ориентированность, присутствующую в контекстах НКРЯ. Сужение гендерной сочетаемости (с метагендерной на феминную) обнаружено в 3% случаев. Сохранение гендерной референции, соответствующей лексикографическому источнику, наблюдается у единиц имеющих гендерную пару в языковой системе: морж – моржиха, гусь – гусыня и т.п. или проявляющих возможность частотного функциони-

рования в роли обращения гендерно-маркированного обращения: *голубь-голубка, коза – козел* и т.п.

На синтаксическом уровне соотнесение лица определенного пола с зоометафорой, имеющей противоположную гендерную маркированность, проявляется в тенденции **избегать прямое соположение маркированных компонентов**. Сочетание гендерно-маркированных местоимений *он/она* и зоометафоры противоположного пола не встречается.

Анализ **семантической структуры** рассматриваемых зоометафор обнаруживает, что ЯКМ самыми актуализируемыми признаками становятся **«положительная характеристика лица» (41%)** и **«внешний вид» (28%)**, при этом речевое функционирование данных единиц смещает фокус описания в сторону признаков **«отрицательная характеристика лица» (36%)** и **«манера действия» (30%)**.

Анализ контекстуального функционирования гендерно-маркированных зоометафор обнаруживает устойчивую тенденцию к расширению их семантического объема. Однако отдельные единицы, фиксирующиеся в лексикографических источниках (выросток, слеток, цепка) характеризуются отсутствием соответствующих контекстов в НКРЯ, что говорит о заметном снижении их значимости в сознании носителей данной лингвокультуры.

Анализ обнаружил, что конструирование гендер-ориентированных различий строится посредством реализации единых антропоцентрических категориальных параметров, наполненных отличными дифференциальными признаками. Так, **«внешний вид человека»** может реализовываться частотным признаком **«красивая/некрасивая»** для лиц женского пола и единичными употреблениями прилагательных типа **«статный»** в адрес лиц мужского пола.

В целом, можно отметить, что анализ маркированных элементов в их лексикографическом описании и речевой реализации позволяет объективировать важную культурно-специфическую информацию, фиксирующую не-

осознанное знание об идеальном/неидеальном представителе лица определенного пола.

Поскольку гендер как категория имеет тенденцию структурно и содержательно усложняться в процессе развития языковой личности, представляется целесообразным подробное его рассмотрение в связи с другими антропоцентрическими параметрами, такими, как возраст, референция с определенной социальной группой, социальный статус и т.п. Это позволит выделить степень градации и проявления гендер-ориентированных признаков внутри описываемых подкатегорий «мужчина» и «женщина».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).

Научная и научно-методическая литература:

2. Абакумов 2001 – *Абакумов, Г. А.* О некоторых закономерностях процессов метафоризации : когнитивные аспекты исследования русского языка [Текст] / Г. А. Абакумов // Русский язык : исторические судьбы и современность : тр. и материалы Международ. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, 13–16 марта 2001 г.) / под общ. ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова ; филол. фак. М-Г.У им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2001. – 520 с.

3. Абишева 2013 – *Абишева, К. М.* Категоризация и ее основные принципы [Текст] / К. М. Абишева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 21–31.

4. Абрамова 2014 – *Абрамова, Е. С.* Ассоциативно-смысловое поле концепта [Электронный ресурс] / Е. С. Абрамова // APRIORI. Сер. «Гуманитарные науки»: электрон. науч. журн. – 2014. – № 1. – С. 1–6. – URL : <http://www.apriori-journal.ru/serial/1-2014/Abramova.pdf>.

5. Азимов, Щукин 2009 – *Азимов, Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий [Текст] / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва: ИКАР, 2009. – 448 с.

6. Азнаурова 1975 – *Азнаурова, Э. С.* Очерки по стилистике слова [Текст] / Э. С. Азнаурова. – Ташкент : Фан, 1973. – 405 с.

7. Алефиренко 2002 – *Алефиренко, Н. Ф.* Ценностно-смысловая природа этноязыкового сознания [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания

: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград : Колледж, 2002. – С. 143–167.

8. Алефиренко 2003 – *Алефиренко, Н.Ф.* Проблема вербализации концепта: теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.

9. Алпатов 1993 – *Алпатов, В. М.* О системоцентричном и антропоцентричном подходах к языку [Текст] / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.

10. Андреева 2008 – *Андреева, Р. Ф.* Гендерные характеристики зоометафор (в газетно-публицистическом дискурсе) [Текст] / Р. Ф. Андреева, А. М. Агеева // Вестник Кемер. гос. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 90–93.

11. Антология концептов 2007 – Антология концептов [Текст] / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – 512 с.

12. Апресян 1995 а – *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

13. Апресян 1995 б – *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян. // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

14. Арутюнова 1979 – *Арутюнова, Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [отв. ред. В. П. Григорьев]. – Москва, 1979. – С. 147–174.

15. Арутюнова 1988 – *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.

16. Арутюнова 1990 – *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – Москва : Наука, 1990. – С. 5–32.

17. Арутюнова 1999 а – *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

18. Арутюнова 1999 б – *Арутюнова, Н. Д.* Метафора [Текст] // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва, 1998. – С. 297–298.
19. Асабин 2011 – *Асабин, Р. К.* Способы интерпретации этноконнотации в межкультурной коммуникации (на материале английских зоометафор): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19[Электронный ресурс] / Р. К. Асабин. – Уфа, 2011. – 25 с. – URL : <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004850278#?page=1>.
20. Аскольдов 1997 – *Аскольдов, С. А.* Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антол. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279.
21. Бабушкин 2001 – *Бабушкин, А. П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 52–57.
22. Баранов 1991 – *Баранов, А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] // Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва, 1991. – С. 184–193.
23. Баранов 1997 – *Баранов, А. Н.* Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1997. – № 1. – С. 11–21.
24. Баранов 2004 – *Баранов, А. Н.* Когнитивная теория метафоры : почти двадцать пять лет спустя [Текст] / А. Н. Баранов // Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–24.
25. Баранов, Караулов 1991 – *Баранов, А. Н.* Русская политическая метафора : материалы к словарю [Текст] / А. Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – Москва, 1991. – 193 с.
26. Баско 1995 – *Баско, Н. А.* Половой дисбаланс и синтаксис простого предложения [Текст] / Н. А. Баско // Язык : антропоцентризм и прагматика

: сб. исслед. по антропол. – Кривой Рог : МИЦ ЧЯКП – Москва, 1995. – С. 97–100.

27. Бахтин 1979 – *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1979. – 445 с.

28. Беседина 2010 – *Беседина, Н. А.* Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике [Текст] / Н. А. Беседина // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия Социология. Право. – 2010. – № 20 (91). – Вып. 14. – С. 31–37.

29. Битокова 1996 – *Битокова, С. Х.* Метафорическое использование зоонимов в формировании языковой картины мира [Текст] / С. Х. Битокова // Проблемное описание и преподавание романо-германских языков. Семантика и структура слова, предложения и текста. – Нальчик, 1996. – С. 24–30.

30. Божанова 2012 – *Божанова, Н. Г.* Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы [Текст] / Н. Г. Божанова // Вестник Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 5 (109). – С. 69–74.

31. Болдырев 2000 – *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2000. – 123 с.

32. Болдырев 2001 а – *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

33. Болдырев 2001 б – *Болдырев, Н. Н.* Концепт и значение слова [Текст] / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. – Воронеж, 2001. – С. 25–45.

34. Болдырев 2004 – *Болдырев, Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

35. Болдырев 2006 а – *Болдырев, Н. Н.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка [Текст] / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – №3. – С. 3–15.
36. Болдырев 2006 б – *Болдырев, Н. Н.* Прототипический подход: проблемы метода [Текст] / Н. Н. Болдырев // Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26–28 сентября 2006 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 34–39.
37. Болдырев 2006 в – *Болдырев, Н. Н.* Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2 – С. 5–22.
38. Болдырев 2012 – *Болдырев, Н. Н.* Категориальная система языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2012.– Вып. X. Категоризация мира в яз. – С. 17–120.
39. Бубнова 2010 – Бубнова, И. А. Личностный смысл : результат познания или внешнего воздействия? [Электронный ресурс] / И. А. Бубнова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст./ под ред. Н. В. Уфимцевой [и др.]. – Москва : МАКСПресс, 2010. – Вып. 40. – С. 27–36. – URL : http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_40_04bubnova.pdf.
40. Будаев 2007 – *Будаев, Э. В.* Становление когнитивной теории метафоры [Текст] / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1. – С. 16–32.
41. Бузаджи 2006 – *Бузаджи, М. Д.* Норма ненормативного: ругаемся адекватно [Текст] / М. Д. Бузаджи // Мосты. – 2006. – №1 (9). – С. 43–55.
42. Бурмистрова 2005 – *Бурмистрова, М. А.* Когнитивная метафора в научном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / М. А. Бурмистрова. – Москва, 2005. – 28 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/kognitivnaya-metafora-v-nauchnom-tekste>.
43. Буслаев 1868 – *Буслаев, Ф. И.* История русского языка и словесности : Лекции, читанные ординарным профессором Ф. И. Буслаевым студентам II, III и IV курсов Историко-филологического факультета император-

ского Московского университета [Электронный ресурс] / Ф. И. Буслаев. – [Москва, 1868]. – 108 с. – Перед загл. : 1867/8 acad. г. – URL:<http://elibr.shpl.ru/nodes/21728>.

44. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021700 "Филология" [Текст] / З. Д. Попова [и др.] ; под ред. М. В. Пименовой. – Кемерово : Графика, 2004. – 206 с.

45. Вежбицкая 1997 – *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – Москва : Русские словари, 1997. – 412 с.

46. Верещагин, Костомаров 2005 – *Верещагин, Е. М.* Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1038 с.

47. Вершинина 2002 – *Вершинина, Т. С.* Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 226 с. – URL : http://politlinguist.ru/materials/avtoref/vershinina_avtoref.pdf.

48. Войченко 2009 – *Войченко, В. М.* Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре [Текст] / В. М. Войченков // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 64–70.

49. Воркачев 2001 – *Воркачев, С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

50. Воркачев 2002 – *Воркачев, С. Г.* Методологические основания лингвоконцептологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 79–95.

51. Воркачев 2003 – *Воркачев, С. Г.* Концепт как «зонтиковый термин» [Текст] / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – Москва, 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
52. Воробьев 1997 – *Воробьев, В. В.* Лингвокультурология (теория и методы) : монография [Текст] / В. В. Воробьев. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
53. Воробьев 2008 – *Воробьев, В. В.* Лингвокультурология / В. В. Воробьев. - Москва : Изд-во РУДН, 2008. - 338 с.
54. Воронина 2001 – *Воронина, О. А.* Теоретико-методологические основы гендерных исследований [Текст] / О. А. Воронина // Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. – Москва : МЦГИ ; МВШСЭН ; МФФ, 2001. – С. 13–106.
55. Герд, Захаров 2004 – *Герд, А. С.* Национальный корпус русского языка в свете проблемы современной филологии [Текст] / А. С. Герд, В. П. Захаров // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». – Санкт-Петербург, 2004. – С. 122–131.
56. Глазунова 2000 – *Глазунова, О. И.* Логика метафорических преобразований [Текст] / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург, 2000. – 190 с.
57. Голев 1999 – *Голев, Н. Д.* Юридический аспект языка в юридическом освещении [Текст] / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 1 : Проблемы и перспективы. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 11–58.
58. Голев 2000 – *Голев, Н. Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема [Текст] / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сборник науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 8–40.
59. Голованова 2011 – *Голованова, Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение : учебное пособие [Текст] / Е. И. Голованова. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2011. – 224 с.
60. Голованова 2013 – *Голованова, Е. И.* Когнитивное терминоведение : проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития

[Текст] / Е. И. Голованова // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2013. – Вып. № 24 (315). – С. 13–18.

61. Головин, Кобрин 1987 – *Головин, Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах : учебное пособие [Текст] / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – Москва : Высшая школа, 1987. – 105 с.

62. Гончарова 2012 – *Гончарова, Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания [Текст] / Н. Н. Гончарова // Известия Тул. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.

63. Горбачевский 2011 – *Горбачевский, А. А.* Теория языка. Вводный курс: учебное пособие [Текст] / А. А. Горбачевский. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2011. – 280 с.

64. Горелов 2003 – *Горелов, И. Н.* Избранные труды по психолингвистике [Текст] / И. Н. Горелов. – Москва : Лабиринт, 2003. – 320 с.

65. Горошко 1999 – *Горошко, Е. И.* Особенности мужского и женского стиля письма [Текст] / Е. И. Горошко // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 1999. – С. 28–41.

66. Горошко 2002 – *Горошко, Е. И.* Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций : опыт качественной интерпретации [Текст] / Е. И. Горошко // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. 2-й Междунар. конф. – Москва, 2002. – С. 77–86.

67. Горошко 2003 – *Горошко, Е. И.* Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е. И. Горошко // Методология современной психолингвистики : сборник науч. тр. – Москва ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 99–102.

68. Гринев 1998 – *Гринев, С. В.* Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения [Текст] / С. В. Гринев – Москва, 1998. – 96 с.

69. Гриценко 2005 – *Гриценко, Е.С.* Язык как средство конструирования гендера : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / Е.

С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с. – URL : <http://politlinguist.ru/materials/thesis/Gritsenko.pdf>.

70. Гукетлова 2008 – *Гукетлова, Ф. Н.* Зооморфизмы как фрагмент формирования лингвокультурологической компетенции [Текст] / Ф. Н. Гукетлова // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 105–123.

71. Гукетлова 2009 – *Гукетлова, Ф. Н.* Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мировидения [Текст] / Ф. Н. Гукетлова // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 2. – С. 121–125.

72. Гулик 2014 – *Гулик, О.О.* Гендерный аспект зооморфных метафор [Текст] / О. О. Гулик // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2. – С. 366–368.

73. Гусар 2006 – *Гусар, Е. Г.* Зоометафора: полихромная модель отношений он – она – они [Текст] / Е. Г. Гусар // Известия Алтай. гос. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 97–100.

74. Гутман 1976 – *Гутман, Е. А.* Образные значения зоонимов в словарях [Текст] / Е. А. Гутман, М. И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1976. – С. 21–42.

75. Демьянков 1994 а – *Демьянков, В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

76. Демьянков 1994 б – *Демьянков, В. З.* Теория прототипов в семантике и прагматике языка [Текст] / В. З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке. – Москва, 1994. – С. 32–86.

77. Демьянков 2005 – *Демьянков, В. З.* Когнитивная лингвистика и понимание текста / В. З. Демьянков [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – Москва: Институт языкознания ; Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. – № 3. – С. 5–10.

78. Демьянков [и др.] 1997 – *Демьянков, В. З.,* Когнитивная деятельность [Текст] / В. З. Демьянков // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац

Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва: Изд-во М-Г.У, 1997.– С. 51–52.

79. Дзюба 2013 – *Дзюба, Е. В.* Субкатегоризация как когнитивный феномен: овощи, фрукты, ягоды, орехи в русском языковом сознании [Текст] / Е. В. Дзюба // Вестник Ленинград. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 2. – С. 33–45.

80. Дзюба 2015 – *Дзюба, Е. В.* Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. [Электронный ресурс] / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2015. — 629 с.– URL : <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/lingvokognitivnaja-kategorizacija-dejstvitelnosti-v-russkom-jazykovom-soznanii.html>.

81. Добровольский 1997 – *Добровольский, Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии [Текст] / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.

82. Добровольский, Кирилина 2000 – *Добровольский, Д. О.* Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности [Текст] / Д. О. Добровольский, А. В. Кирилина // Гендер как интрига познания. – Москва, 2000. – С. 19–35.

83. Ермакова 2014 – *Ермакова, Л. В.* Дискурсивный анализ: учебное пособие [Текст] / сост. Л. В. Ермакова. – Благовещенск : Изд-во Ам-г.У, 2014. – 80 с.

84. Ефанова 2013 – *Ефанова, Л. Г.* Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира [Текст] / Л. Г. Ефанова // Сибирский филологический журнал. – 2013.– № 1. – С. 101–106.

85. Ефремов 2009 – *Ефремов, В. А.* «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира [Текст] / В. А. Ефремов // СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 184 с.

86. Ефремов 2009–*Ефремов, В. А.* Основы гендерной лингвистики: Учебно-методическое пособие [Текст] /В.А.Ефремов// СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 118 с.
87. Ефремов 2009 –*Ефремов, В. А.* Гендерные стереотипы как элемент концептуализации [Текст] /В.А.Ефремов// Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 149—158.
88. Жаботинская 2011 – *Жаботинская, С. А.* Элементарный код и динамика концептуальных структур (данные естественного языка) [Текст] / С. А. Жаботинская // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2011. Тр. конференции. – Нижний Новгород : Ин-т прикладной физики РАН, 2011. – С. 57–60.
89. Жельвис 1988 – *Жельвис, В. И.* Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика [Текст] / В. И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика. – Москва, 1988. – С. 98–108.
90. Жельвис 1999 – *Жельвис, В. И.* Стратегия и тактика брани: гендерный аспект проблемы [Текст] / В. И. Жельвис // Гендер: язык, культура, коммуникация. Докл. Первой международной конф. (Москва, 25–26 ноября 1999 г.) – Москва, 2001. – С. 180 – 187.
91. Жинкин 1998 – *Жинкин, Н. И.* Избранные труды. Язык. Речь. Творчество [Текст] / Н. И. Жинкин. – Москва: Лабиринт, 1998. – 364 с.
92. Завалишина 1998 – *Завалишина, Ю. Г.* Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремииологии в аспекте этнического менталитета: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Ю. Г. Завалишина. – Курск, 1998. – 220 с. – URL : <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/zoonimy-i-fitonimy-v-russkoj-i-anglijskoj-paremiologii-v-aspekte-jetnicheskogo.html>.
93. Залевская 2000 – *Залевская, А. А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию [Текст] / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 39–54.

94. Залевская 2001 – *Залевская, А. А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – С. 36-44.
95. Залевская 2007 – *Залевская, А. А.* Введение в психолингвистику : учебник [Текст] / А. А. Залевская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : РГГУ, 2007. – 559 с.
96. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 – *Зализняк, А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей [Текст] / Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
97. Захаров, Богданова 2011 – *Захаров, В.П.* Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов [Текст] / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
98. Здравомыслова 2001 – *Здравомыслова, Е.А.* Социальное конструирование гендера : Феминистская теория [Текст] / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Введение в гендерные исследования. Ч. I. : учеб. пособие / И. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ, 2001; Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – С. 147 – 174.
99. Земская[и др.] 1993 – *Земская, Е.А.* Особенности мужской и женской речи [Текст] / Е. А. Земская [и др.] // Русский язык в его функционировании.– Москва : Наука, 1993. – С. 90-136.
100. Золотова 2003. – *Золотова, О. Н.* Ядро ментального лексикона : функциональная роль в познании и общении [Текст] / О. Н. Золотова // Вопросы психолингвистики. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2003. – Вып.1. – С. 35–42.
101. Зусман 2003 – *Зусман, В. Г.* Концепт в системе гуманитарного знания: Понятие и концепт [Текст] / В. Г. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 3–15.
102. Ионова 1998 – *Ионова, С. В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Волгоград, 1998. –

197 с. – URL : <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jemotivnost-teksta-kak-lingvisticheskaja-problema.html>.

103. Калинина 2018 – *Калинина, О. Н.* Способы выражения гендерных отношений в современном русском языке [Текст] / О. Н. Калинина // Молодой ученый. – 2018. – №16. – С. 333–335.

104. Кандиоти 1992 – *Кандиоти, Д.* Эволюция гендерных исследований : обзор [Текст] / Д. Кандиоти // Женщины и социальная политика : гендерный аспект. – Москва : ИСЭПН, 1992. – С. 156–163.

105. Карасик 1996 – *Карасик, В. И.* Культурные доминанты [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград, 1996. – 316 с.

106. Карасик 2000 – *Карасик, В. И.* О типах дискурса [Текст] // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

107. Карасик 2001 – *Карасик, В. И.* О категориях лингвокультурологии [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.

108. Карасик 2002 а – *Карасик, В. И.* Концепт как категория лингвокультурологии [Текст] / В. И. Карасик // Известия Волгоград. пед. ун-та. Сер. филол. науки. – 2002. – № 1. – С. 14–23.

109. Карасик 2002 б – *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

110. Карасик, Слышкин 2001 – *Карасик, В. И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 75–79.

111. Карасик, Слышкин 2005 – *Карасик, В. И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград : Перемена, 2005. – С. 13–15.

112. Караулов 2004 – *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва, 2004. – 264 с. – URL : <https://www.twirpx.com/file/2016187/>.

113. Караулов, Филиппович 2009 – *Караулов, Ю. Н. Филиппович, Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования [Текст] / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. – Москва, 2009. – 336 с.

114. Карташова 2013 – *Карташова, А. В.* Особенности когнитивной метафоры в различных коммуникативных культурах (сопоставительный анализ на материале научных текстов русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 [Электронный ресурс] / А. В. Карташова. – Чебоксары, 2013. – 28 с. – URL : <http://cheloveknauka.com/osobennosti-kognitivnoy-metafory-v-razlichnyh-kommunikativnyh-kulturah>.

115. Картушина 2003 – *Картушина, Е.А.* Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации: дис. . канд. филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / Е. А. Картушина. – Ижевск, 2003. – 175 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/gendernye-aspekty-frazeologii-v-massovoi-kommunikatsii>.

116. Касевич 1998 – *Касевич, В. Б.* О когнитивной лингвистике [Текст] / В. Б. Касевич // *Общ. языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона.* – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – С.14–21.

117. Каюмова 2013 – *Каюмова, Д.Ф.* Сравнительная когнитивная лингвистика: краткий конспект лекций [Текст] / Д. Ф. Каюмова ; Казан. федер. ун-т. – Казань, 2013. – 110 с.

118. Кибрик [и др.] 2006 – *Кибрик, А. Е.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования [Текст] / А. Е. Кибрик [и др.] // *Вопросы языкознания.* – 2006. – Вып. 1. – С. 16–45.

119. Кибрик 1994 – *Кибрик, А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу [Текст] / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

120. Кибрик 2005 – *Кибрик, А. А.* Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) [Текст] / А. А. Кибрик // Исследования по теории грамматики. Грамматические категории в дискурсе / под ред. В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманичевой. – Москва : Индрик, – 2008. – С. 99–134.

121. Киклевич, Камалова 2010 – Камалова А. Концепты культуры в языке и тексте : теория и анализ [Текст] / А. Киклевич, А. Камалова. – Ольштин : Centrum badań Europy Wschodniej Uniw. warmińsko–mazurskiego w Olsztynie. 2010. – 219 с.

122. Кирилина 1999 а – *Кирилина, А. В.* Гендер : лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. – 190 с.

123. Кирилина 1999 б – *Кирилина, А. В.* Символика мужественности и женственности в личных именах [Текст] / А. В. Кирилина // Филология и культура : тез. II междунар. конф. (12–14 мая 1999 г.) / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 37–38.

124. Кирилина 2001 – *Кирилина, А. В.* Освещение связи языка и пола в истории лингвистики [Текст] / А. В. Кирилина // Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. – Москва : МЦГИ ; МВШСЭН ; МФФ, 2001. – С. 366–381.

125. Кирилина 2002 а – *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в отечественной лингвистике : 374 проблемы, связанные с бурным развитием [Текст] / А. В. Кирилина // Гендер : Язык, Культура, Коммуникация : докл. Второй междунар. конф. (Москва, 22 – 23 нояб. 2001 г.). – Москва, 2002. – С. 5–14.

126. Кирилина 2002 б – *Кирилина, А. В.* Семантика личных имен : гендерный аспект [Текст] / А. В. Кирилина // Аксиологич. лингвистика : про-

блемы изучения культур. концептов и этноспецифики / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград, 2002. – С. 153–141.

127. Кирилина 2003 – *Кирилина, А. В.* Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах [Текст] / А. В. Кирилина // Гендерные образования в системе высшей и средней школы, состояние и перспективы : материалы междунар. науч. конф. (Иваново, 24–25 июня 2003 г.) – Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2003. – С. 132–138.

128. Кирилина 2004 – *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / А. В. Кирилина. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 252 с.

129. Кирилина 2005 – *Кирилина, А. В.* Постмодернистская философия как стимул развития гендерных исследований [Текст] / А. В. Кирилина // Язык. Человек. Общество : международ. сб. науч. тр. (к 60-летию проф. В. Т. Малыгина). – Санкт-Петербург ; Владимир, 2005. – С. 86–93.

130. Ковшова 2013 – *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2013. – 456 с.

131. Козлова 2013 – *Козлова, Н. В.* Лингвистические корпуса : определение основных понятий и типология [Текст] / Н. В. Козлова // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. 1 (т. 11). – С. 79–88.

132. Колесов 2007 – *Колесов, В. В.* Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербург. Востоковедение, 2007. – 624 с.

133. Колосова 1996 – *Колосова, О. Н.* Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 [Текст] / О. Н. Колосова. – Москва, 1996. – 356 с.

134. Колпакова 2001 – *Колпакова, Г. В.* Корпусная лингвистика и лексикография [Электронный ресурс] / Г. В. Колпакова // Электронный научно-

образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2001. – № 2 (12). – С. 1–9. – URL : <http://grani.vspu.ru/files/publics/1311758595.pdf>.

135. Коновалова 2005 – *Коновалова, С. А.* Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / С. А. Коновалова. – Москва, 2005. – 24 с. – URL : <http://cheloveknauka.com/gendernaya-spetsifika-vyrazheniya-predikativnyh-otnosheniy-v-tekste-russkoy-narodnoy-volshebnoy-skazki>.

136. Коноплева 2002 – *Коноплева, Н. А.* Гендерные стереотипы [Текст] / Н. А. Коноплева // Словарь гендерных терминов. – Москва : Информация. – XXI в., 2002. – С. 65.

137. Корнилов 2003 – *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета [Текст] / О. А. Корнилов. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

138. Коули 2006 – *Коули, С. Д.* Динамика когнитивных процессов и науки о языке [Текст] / С. Д. Коули, А. В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С.133–141.

139. Кравченко 1997 – *Кравченко, А. В.* Восприятие и категоризация [Текст] / А. В. Кравченко // Языковая категоризация: материалы круглого стола, посвящ. юбилею Е. С. Кубряковой. – Москва : ИЯ РАН ; Тамбов : ТГУ, 1997. – С. 39–46.

140. Кравченко 2004 – *Кравченко, А. В.* Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода [Текст] / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37–52.

141. Кравченко 2009 – *Кравченко, А. В.* О традициях, языкознании и когнитивном подходе [Текст] / А. В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики : традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – С. 51–65.

142. Красавский 2001 – *Красавский, Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. — 495 с.
143. Кривнова 2006 – *Кривнова, О. Ф.* Области применения речевых корпусов и опыт их разработки [Текст] / О.Ф. Кривнова // Тр. XVIII Сессии Рос. акустич. о-ва РАО. – Таганрог, 2006. – С. 81–84.
144. Крысин 1996 – *Крысин, Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – Москва, 1996. – С. 384–408.
145. Кубрякова 1994 – *Кубрякова, Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
146. Кубрякова 1999 – *Кубрякова, Е. С.* В защиту когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН, СЛЯ, 1999. – Т. 58. – № 6. – С. 35–42.
147. Кубрякова 2001 – *Кубрякова, Е. С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4–10.
148. Кубрякова 2004 – *Кубрякова, Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 4–18.
149. Кубрякова 2004 – *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
150. Кубрякова 2008 – *Кубрякова, Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова память [Текст] / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва, 2008. – С. 85–91.

151. Кубрякова 2009 – *Кубрякова, Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. – 3-е изд. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.
152. Кузнецова 2014 – *Кузнецова, Н. В.* К вопросу о лингвистическом прогнозировании и лингвистических перспективах новой лексики в современном английском языке [Текст] / Н. В. Кузнецова // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (2). – С. 378–382.
153. Лакофф 1988 – *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 30–45.
154. Лакофф, Джонсон 1990 – *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
155. Ласкова 2001 – *Ласкова, М. В.* Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... канд. филол. наук / М. В. Ласкова. – Ростов-на-Дону, 2001. – 302 с. – URL : <http://www.dslib.net/jazykoznanie/grammaticheskaja-kategorija-roda-v-aspekte-gendernoj-lingvistiki.html>.
156. Липатова 1981 – *Липатова, М. К.* Типы переносных значений слов–зоонимов в позиции обращения [Текст] / М. К. Липатова // Вестник ЛГУ им. Жданова. Сер.: История, язык, литература. – Ленинград, 1981. – 13 с.
157. Литвин 1974 – *Литвин, Ф. А.* Об изучении разновидностей зооморфных характеристик [Текст] / Ф. А. Литвин // В помощь преподавателям ИЯ. – Новосибирск, 1974. – Вып. 5. – С. 81–93.
158. Лихачев 1997 – *Лихачев, Д. С.* Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Русская словесность : антол. – Москва : Academia, 1997. – С. 28–37.
159. Магировская 2009 – *Магировская, О. В.* Репрезентация субъекта познания в языке : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 [Электронный ресурс] / О. В. Магировская. – Тамбов, 2009. – URL :

<http://www.dslib.net/jazyko-znanie/reprezentacija-subekta-poznanija-v-jazyke.html>.

160. Макаров 2003 – *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.

161. Маккормак 1990 – *Маккормак, Э.* Когнитивная теория метафоры [Текст] / Э. Маккормак // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 358–386.

162. Малафеева 1989 – *Малафеева, Е. Р.* Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимом в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Е. Р. Малафеева. – Челябинск, 1989. – 231 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/semanticheskaya-struktura-frazeologizmov-s-komponentom-zoonimom-v-sovremennom-russkom-litera>.

163. Мангова 2012 – *Мангова, О. Б.* Зооморфная метафора в биржевом дискурсе [Текст] / О. Б. Мангова // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 287–290.

164. Маслова 2001 – *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с. – (Высшее образование).

165. Маслова 2004 а – *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика : учебное пособие [Текст] / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

166. Маслова 2004 б – *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учебное пособие для высших учебных заведений [Текст] / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Академия, 2004. – 208 с.

167. Махмутова 2006 – *Махмутова, А. Н.* Компонентное выражение концептов мужественность / женственность : вопросы гендерной симметрии и асимметрии в языке [Текст] / А. Н. Махмутова // III Международные Бодуэновские чтения : И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоре-

тического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : тр. и материалы. В 2 т. Т. 7. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – С. 209–211.

168. Мерзлякова 2008 – *Мерзлякова, И. С.* Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры [Текст] / И. С. Мерзлякова // Гуманитарный вектор. – 2008. – № 2. – С. 36–39.

169. Милованова 2018 – *Милованова, М.С.* Образ мира в языке: развитие лексического фонда категории состояния [Текст] / М.С. Милованова // Русский язык за рубежом. – 2018. – №3. – С. 4-11.

170. Моисеева 1998 – *Моисеева, В. Л.* Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / В. Л. Моисеева. – Санкт-Петербург, 1998. – 147 с. – URL : <http://cheloveknauka.com/bezlichnye-glagolnye-predikaty-sostoyaniya-litsa-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira>.

171. Нагорная 2014 – *Нагорная, Е. Н.* Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Е. Н. Нагорная. – Таганрог, 2014. – 313 с. – URL : <http://cheloveknauka.com/zoometafora-v-sisteme-yazyka-i-v-diskurse-chehovskoy-prozy>.

172. Надолинская 2007 – *Надолинская, Л. Н.* Трансформация гендерных отношений : социокультурный анализ [Текст] / Л. Н. Надолинская. – Ростов-на-Дону : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2007. – 288 с.

173. Никитин 1979 – *Никитин, М. В.* О семантике метафоры [Текст] / М. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91–102.

174. Огдонова 2000 – *Огдонова, Ц. Ц.* Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Ц. Ц. Огдонова. – Иркутск, 2000. – 162 с. <http://www.dissercat.com/content/zoomorfnyaya-leksika-kak-fragment-russkoi-yazykovoi-kartiny-mira>.

175. Опарина 1990 – *Опарина, Е. О.* Концептуальная метафора и ее функции в языке (на примере субстантивных метафор) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. [Электронный ресурс] / Е. О. Опарина. – Москва, 1990. – 29 с. – URL : <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/konceptualnaja-metafora-i-ejo-funkcii-v-jazyke.html>.

176. Павилёнис 1983 – *Павилёнис, Р.* Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка / Р. Павилёнис. – Москва : Мысль, 1983. – 286 с. – URL : http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_jazyka/paviljonis_problema_smysla_sovremennyj_logiko_filosofskij_analiz_jazyka/32-1-0-478.

177. Пименова 2004 – *Пименова, М. В.* Предисловие [Текст] / М. В. Пименова. // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименовой. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – 208 с.

178. Пименова 2007 – *Пименова, М. В.* Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово : Кем-г.У, 2007. – 500 с.

179. Пименова 2011 – *Пименова, М. В.* Концептуальные исследования. Введение [Текст] / М. В. Пименова. – М. : Флинта, 2011. – 210 с.

180. Пименова, Кондратьева 2011 – *Пименова, М. В.* Концептуальные исследования. Введение : учебное пособие [Текст] / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.

181. Плотникова 2001 – *Плотникова, А. М.* Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) : учебное пособие [Текст] / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – 140 с.

182. Плунгян 2005 – *Плунгян, В. А.* Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? [Текст] / В. А. Плунгян // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – С. 296–308.

183. Плунгян 2006 – *Плунгян, В. А.* «Интегрум» и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях [Текст] / В. А. Плунгян // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* – Москва, 2006. – С. 76–84.

184. Попова 2005 – *Попова, З. Д.* Основные черты семантико–когнитивного подхода к языку [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. Т. 1 / под ред. И. В. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С.7–10.
185. Попова, Стернин – 2004 *Попова, З. Д.* К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Введение в когнитив. лингвистику. – Кемерово, 2004. – С.53–54, 116.
186. Попова, Стернин 2003 – *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с.
187. Попова, Стернин 2003 – *Попова, З. Д.* Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И.А. Стернин // Мир человека и мир языка: Сер. Концептуал. исслед. – Вып. 2. – Кемерово : Изд-во Кем-г.У, 2003. – С. 6–16.
188. Попова, Стернин 2007 – *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ: 2007. — 314 с.
189. Попова, Стернин 2007 – *Попова, З. Д.* Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
190. Потапов 2001 – *Потапов, В. В.* К опыту пересмотра гендерного признака в лингвистике (на материале английского языка) / В. В. Потапов // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Первой междунар. конф. (Москва, 25–26 нояб. 1999 г.). – Москва, 2001. – С. 289 – 302 с.
191. Потапов 2002 – *Потапов, В. В.* Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии [Текст] // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 103–130.
192. Потebня 1989 – *Потebня, А. А.* Мысль и язык [Электронный ресурс] / А. А. Потebня // Слово и миф. – Москва: Правда, 1989. – С. 17-200. – URL : http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb_lth.htm.

193. Пушкарёв 2015 – *Пушкарёв, Е. А.* О структуре идеализированной когнитивной модели при метонимизации [Текст] // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 2. – С. 16–21.

194. Радбиль 1996 – *Радбиль, Т. Б.* О термине и понятии "идеологема" [Текст] / Т. Б. Радбиль // Человек и его язык: антропологический аспект исследований : межвуз. сб. науч. тр. – Нижний Новгород, НГПУ, 1996. – С. 11–26.

195. Радбиль 2006 – *Радбиль, Т. Б.* Современные проблемы филологии. Часть I. Человек и его язык. Этнолингвистика. Лингвокультурология : основные термины и понятия : учебно-методическое пособие для магистров I года обучения по магистерским программам «Русский язык», «Русская литература» и «Литература зарубежных стран» [Текст] / Т. Б. Радбиль. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2006. – 21 с.

196. Радбиль 2010 – *Радбиль, Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета [Электронный ресурс] : учебное пособие / Т. Б. Радбиль. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – URL : <https://docplayer.ru/32636355-Osnovy-izucheniya-yazykovogo-mentaliteta.html>.

197. Радбиль 2011 – *Радбиль Т. Б.* Основы изучения русского языкового менталитета [Текст] / Т. Б. Радбиль // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII Конгресс МАПРЯЛ / под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова : Т. I. – Шанхай : Изд-во Шанхайского ун-та ин. яз., 2011. – С. 216–222.

198. Радбиль 2012 – *Радбиль, Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета : учебное пособие [Текст] / Т. Б. Радбиль. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта; Наука, 2012. – 328 с.

199. Рахилина 1998 – *Рахилина, Е. В.* Когнитивная семантика : История. Персоналии. Идеи. Результаты [Текст] // Семиотика и информатика. – Москва, 1998. – Вып. 36. – С. 274–318.

200. Рахилина 2008 – *Рахилина, Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – Москва : Русские словари, 2008. – 416 с.
201. Резанова 2011 – *Резанова, З. И.* Гендерная метафора : типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация [Текст] / З. И. Резанова // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 47–57.
202. Резанова 2012 – *Резанова, З. И.* Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология [Текст] / З. И. Резанова, О. В. Комиссарова // Язык и литература.– Томск : ТГУ, 2012. – № 2 (18). – С. 80–90.
203. Роль человеческого фактора в языке 1988 – Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / отв. ред. Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1988. – 216 с.
204. Романов 2000 – *Романов, А. А.* Гендерная компонента в лингвистике : проблемы объекта и предмета исследования [Текст] / А. А. Романов, Е. Г. Романова // *Animus et anima: языковые картины мира и формы речевого поведения* / под ред. А. А. Романова. – Москва : ИЯ РАН ; Тверь : ТИЭМ, 2000. – С. 4–20.
205. Романова 2014а – *Романова, Т. В.* Когнитивное варьирование способа задания смысла в когнемах [Текст] / Т. В. Романова // Когнитивные исследования языка / отв. ред. Н. Болдырев. – Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 376-384.
206. Романова 2014б – *Романова, Т. В.* Моделирование как метод верификации в когнитивной лингвистике [Текст] / Т. В. Романова // Когнитивные исследования языка. – Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С.322-327.
207. Рудакова 2004 – *Рудакова, А. В.* Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.

208. Рыжкина 1979 – *Рыжкина, О. А.* Системное исследование зоонимов в русском языке (в сопоставлении с английским) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / О. А. Рыжкина. – Москва, 1979. – 328 с.

209. Рыков 1999 – *Рыков, В. В.* Прагматически ориентированный корпус текстов [Текст] / В. В. Рыков // Тверской лингвистический меридиан : сб. ст. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 89–96.

210. Рябов 2000 – *Рябов, О. В.* Национальная идентичность : гендерный аспект (на материале русской историографии) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / О. В. Рябов. – Иваново, 2000. – 492 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-identichnost-gendernyi-aspekt-na-materiale-russkoi-istoriosofii>.

211. Рябова 2000 – *Рябова, Т. Б.* Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность [Электронный ресурс] / Т. Б. Рябова // Женщина в российском обществе. – 2000. – № 4. – С. 19–26. – URL : <https://riabova.wordpress.com/2012/08/29/maskulinnost-v-politicheskom-diskurse-rossiyskogo-obshestva/>.

212. Светоносова 2007 – *Светоносова, Т. А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология : черты и различия // Филологические науки в М-Г.ИМО: сб. науч. тр. – № 27. – Москва : М-Г.ИМО–Университет, 2007. – 203 с.

213. Свионтковская 2000 – *Свионтковская, С. В.* Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста (на материале испанского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 [Электронный ресурс] / С. В. Свионтковская. – Пятигорск, 2000. – 24 с. – <http://cheloveknauka.com/funksii-zoomorfizmov-v-formirovanii-pragmaticeskogo-potentsiala-hudozhestvennogo-teksta>.

214. Сергеева 2003 – *Сергеева, М. В.* Гендерные асимметрии и стереотипы в иллюстративных контекстах словарей [Текст] / М. В. Сергеева // Гендер : язык, культура, коммуникация : материалы Третьей междунар. конф. (Москва, 27–28 нояб. 2003 г.). – Москва, 2003. – С. 95–96.

215. Сеченова 2012 – *Сеченова, Е. Г.* Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса [Текст] / Е. Г. Сеченова // Вестник Тюмен. гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 86-91.

216. Складаревская 2002 – *Складаревская, Г. Н.* Метафора – «свернутое сравнение»? [Текст] / Г. Н. Складаревская // Проблемы семантического анализа лексики. – Москва, 2002. – С. 90–92.

217. Скребцова 2000 – *Скребцова, Т. Г.* Американская школа когнитивной лингвистики [Электронный ресурс] / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург, 2000. – 202 с. – URL : [http://userbooks.booksee.org/1/9b1eeb756e20855c038bb7c19cf104f3/_as/\[Skrebcova_T.G.\]_Amerikanskaya_shkola_kognitivnoi_\(BookSee.org\).pdf](http://userbooks.booksee.org/1/9b1eeb756e20855c038bb7c19cf104f3/_as/[Skrebcova_T.G.]_Amerikanskaya_shkola_kognitivnoi_(BookSee.org).pdf).

218. Скребцова 2002 – *Скребцова, Т. Г.* Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Текст] / Т. Г. Скребцова // *Respectus Philologicus*. – 2002. – № 2. – С. 137-142.

219. Скребцова 2011 – *Скребцова, Т. Г.* Когнитивная лингвистика : курс лекций [Текст] / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филол. фак. СпбГУ, 2011. – 256 с.

220. Слышкин 2000 а – *Слышкин, Г. Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г. Г. Слышкин // *Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр.* – Волгоград : ВГУ, 2000. – С. 38–45.

221. Слышкин 2000 б – *Слышкин, Г. Г.* От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с.

222. Слышкин 2002 – *Слышкин, Г. Г.* Гендерная концептосфера современного русского анекдота [Текст] / Г. Г. Слышкин // *Гендер как интрига познания . Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации : альм.* – Москва, 2002. – С. 66 – 73.

223. Слышкин 2004 а – *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование [Текст] / Г. Г. Слышкин // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 29–34.

224. Слышкин 2004 б – *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 [Электронный ресурс] / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnye-kontsepty-i-metakontsepty>.

225. Смирнов 2009 – *Смирнов, О.Н.* К вопросу о методологии описания концептов [Текст] / О. Н. Смирнов // Вестник ННГУ им. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 247–253.

226. Солнцева 2004 – *Солнцева, Н. В.* Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]: 10.02.20 / Н. В. Солнцева. – Омск, 2004. – 220 с. – URL : <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/sopostavitelnyj-analiz-zoonimov-russkogo-francuzskogo-i-nemeckogo-jazykov-v.html>.

227. Степанов 1997 – *Степанов, Ю. С.* Константы : Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

228. Степанов 2001 – *Степанов, Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 135 с.

229. Степанов 2002 – *Степанов, Ю. С.* Метод [Текст] / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская Энциклопедия, 2002. – С. 298–300.

230. Стернин 2001 – *Стернин И. А.* Методика исследования структуры концепта [Текст] / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 58–65.

231. Стернин 2002 – *Стернин, И. А.* Общение между мужчинами и женщинами [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 34 с.
232. Стернин 2004 – Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65–69.
233. Телия 1988 – *Телия, В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – Москва, 1988. – С.173–203.
234. Теория метафоры: сборник [Текст] / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с.
235. Терских 2011 – *Терских, Н. В.* О зоонимах в нефтегазовой терминологии [Текст] / Н. В. Терских // Вестник Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2011. – № 1. – С. 191–195.
236. Токарев 2000 – *Токарев, Г. В.* Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта "трудовая деятельность") : учебное пособие [Текст] / Г. В. Токарев.– Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2000. – 92 с.
237. Томская 2008 – *Томская, М. В.* Социоконструктивистские основания лингвистического изучения гендера [Текст] // Культура в зеркале языка и литературы : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Н. В. Ушкова. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 104–107.
238. Томская, Маслова 2006 – *Томская, М. В.* Гендерные исследования в отечественной лингвистике [Текст] / М. В. Томская, Л. Н. Маслова // Русский язык в современном обществе : Функциональные и статусные характеристики : сб. обзоров. – Москва, 2006. – С. 104–132.
239. Трофимова 2002 – *Трофимова, Е. И.* Терминологические вопросы в гендерных исследованиях [Текст] / Е. И. Трофимова // Гендер : язык, культура, коммуникация : докл. Второй междунар. конф. (Москва, 22–23 нояб. 2001 г.). – Москва, 2002. – С. 41–55.

240. Ушакин 2002 – *Ушакин, С. А.* «Человек рода он»: знаки отсутствия [Текст] / сост. С. А. Ушакин // О муже(N)ственности: сб. ст. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 7 – 42.
241. Фрумкина 1992 – *Фрумкина, Р. М.* Концепт, категория, прототип [Текст] / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – Москва : ИНИОН РАН, 1992. – С. 28–43.
242. Фрумкина 1996 – *Фрумкина, Р. М.* “Теории среднего уровня” в современной лингвистике [Текст] // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 55–67.
243. Фрумкина 2003 – *Фрумкина, Р. М.* Психолингвистика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Р. М. Фрумкина. – . Москва : Академия, 2003. – 320 с.
244. Фрэнсис 1983 – *Фрэнсис, У. Н.* Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текста [Текст] / У. Н. Фрэнсис // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. В. Ю. Городецкий. – Москва, 1983. – Вып. 14. – С. 47–61.
245. Халеева 1999 – *Халеева, И. И.* Гендер как интрига познания [Текст] / И. И. Халеева // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Москва : М-Г.У, 1999. – С. 7–14.
246. Хамитонова 2008 – *Хамитонова, Э. Р.* Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX – XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный ресурс] / Э. Р. Хамитонова. – Уфа, 2008. – 332 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-metafora-priroda-chelovek-v-russkoi-poeticheskoi-kartine-mira-xix-xx-vekov-1>.
247. Хахалова 2000 – *Хахалова, С. А.* Когнитивная реальность эгоцентрической категории метафоричности [Текст] / С. А. Хахалова // Вестник ИГЛУ. Сер. : Лингвистика. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – Вып. 1. – С. 173–179.

248. Хахалова 2011 – *Хахалова, С. А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры [Текст] / С. А. Хахалова. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. – 292 с.

249. Хлебникова 2016 – *Хлебникова, А. Л.* Метафорическое моделирование образов человека : к проблеме гендерной и этнокультурной специфичности [Текст] / А. Л. Хлебникова // Вестник Том. гос. ун-та. – 2016. – № 406. – С. 18–24.

250. Цурикова 2001 – *Цурикова, Л. В.* Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике [Электронный ресурс] / Л. В. Цурикова // Вестник ВГУ – Сер. 1, Гуманитарные науки. – Воронеж, 2001. – № 2. – С. 128-157. – URL –<https://www.twirpx.com/file/717988/>.

251. Ченки 1996 – *Ченки, А.* Современные когнитивные подходы к семантике : сходства и различия в теориях и целях [Текст] // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 68–78.

252. Чериан 2000 – *Чериан, О. В.* Зоофитоморфизмы в русском арго XIX – XX вв. (семантико-образовательный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Чериан . – Нижний Новгород, 2000. – 24 с. – URL : <http://www.dissercat.com/content/zoofitomorfizmy-v-russkom-argo-xix-xx-vv-semantiko-slovoobrazovatelnyi-aspekt>.

253. Черниговская 2013 – *Черниговская, Т. В.* Чеширская улыбка кота Шредингера : язык и сознание [Текст] / Т. В. Черниговская. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.

254. Чудинов 2001 – *Чудинов, А. П.* Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) [Текст] / А. П. Чудинов // Лингвистика. – 2001. – № 6. – С. 38–53.

255. Чудинов 2003 – *Чудинов, А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

256. Шафиков 2007 – *Шафиков, С. Г.* Категории и концепты в лингвистике [Текст] / С. Г. Шафиков // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2. – С. 3–18.

257. Шахмайкин 1996 – *Шахмайкин, А. М.* Проблема лингвистического статуса категории рода [Текст] / А. М. Шахмайкин // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. – Москва : М-Г.У, 1996. – С. 226–273.

258. Шаховский 1995 – *Шаховский, В. И.* О лингвистике эмоций [Текст] / В. И. Шаховский // Язык и эмоции : сборник научн. тр. / Волгоград. гос. пед. ун-т, Каф. языкознания. – Волгоград : Перемена, 1995. – С. 3–15.

259. Шаховский, Карасик 1998 – *Шаховский, В. И.* Лингвистика – базовая наука всех наук [Текст] / В. И. Шаховский, В. И. Карасик // Методологические и мировоззренческие основы научно-исследовательской деятельности : сборник науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1998. – 283 с.

260. Янко-Триницкая 1966 – *Янко-Триницкая, Н. А.* Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода [Текст] / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие словообразования современного русского языка. – Москва : Наука, 1966. – С. 153 – 167.

261. Bartmiński 1999 – *Bartmiński, Jerzy.* Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata [Текст] / J. Bartmiński // Bartmiński J. Językowy obraz świata. – Lublin: UMCS, 1999. – S.103–120.

262. Eckert 1992 – *Eckert, P.* Think practically and look locally: language and gender as community-based practice [Текст] / P. Eckert // Annual review of anthropology. – 1992. – № 21. – P. 461–490.

263. Fauconnier 1995 – *Fauconnier, J.* Methods and generalizations in Cognitive Linguistics [Текст] / J. Fauconnier // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Edd by T. Janssen and G. Redeker. – Berlin, N.Y. : Mouten de Gruyer. – 1995. – P. 95–128.

264. Fauconnier 1999 – *Fauconnier, G.* Methods and generalizations [Текст] / G. Fauconnier // Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics:

Foundations, Scope, and Methodology. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 95–127.

265. Feldman, Jerry – 2000. *Feldman, Jerry*. From Molecule to Metaphor: Neural theory of language [Текст] / Jerry Feldman. – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts ; London, England, 2006. – 357 p.

266. Fillmore 1985 – *Fillmore, Ch. J.* Frames and the Semantics of Understanding Text [Текст] / Charles, J. Fillmore. – «Quaderni di semantics». – December 1985. – Vol. 6. – No. 2. – P. 222–254.

267. Geeraerts 1988 a – *Geeraerts, D.* Cognitive grammar and the history of lexical semantics [Текст] / D. Geeraerts // B. Rudzka–Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988. – P. 647–677.

268. Geeraerts 1988 б – *Geeraerts, D.* Where does prototypicality come from? [Текст] / D. Geeraerts // Rudzka–Ostyn (ed.). – 1988. – p. 207–229.

269. Gibbs 1996 – *Gibbs, R. W.* What's cognitive about cognitive linguistics [Текст] / R. W. Gibbs // E. H. Casad (ed.). Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1996. – P. 207–233.

270. Grady, Taub, Morgan 1996. Grady, J. Primitive and compound metaphors [Текст] / Grady J., Taub S., Morgan S. // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, 1996. – P. 177–187.

271. Jenkins 2000 – *Jenkins, L.* Biolinguistics : Exploring the Biology of Language [Текст] / L. Jenkins. – Cambridge, MA.: Cambridge University Press, 2000. – 264 p.

272. Jespersen 1998 – *Jespersen, O.* The Woman [Текст] / O. Jespersen // The Feminist Critique of Language / ed. by D. Cameron. – London, 1998. – P. 225–241.

273. Lakoff 1987 – *Lakoff, G.* Women, Fire and Dangerous things [Текст] / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

274. Lakoff 1990 – *Lakoff, G.* The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image–schemas? [Текст] / G. Lakoff // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1. – No. 1. – P. 54–71.
275. Lakoff2003 – *Lakoff, G.* The Contemporary Theory of Metaphor [Текст] / G. Lakoff // *Metaphor and Thought*, edited by Andrew Ortony. – Cambridge : CambridgeUniversity Press, 2003. – 276 p.
276. Lakoff 1973 – *Lakoff, R.* Language and Women’s Place [Текст] / R. Lakoff // *Language in Society*. – 1973. – N 2. – P. 45–79.
277. Lakoff, Johnson 1990 – *Lakoff, G.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought [Текст] / G. Lakoff, M. Johnson. – New York, NY : Basic Books, 1999. – 624 p.
278. Langacker 1987 – *Langacker, R.* Foundations of cognitive grammar. Vol.1: Theoretical prerequisites [Электронныйресурс] / R. Langacker. – Stanford: SUP,1987. – 516 p. – URL : <https://www.twirpx.com/file/2561424/>.
279. Langacker 1994 – *Langacker, R.* The limits of continuity: discreteness in cognitive semantics // C. Fuchs; B. Victorri (eds.), *Continuity in linguistic semantics*. – Amsterdam: Benjamins, 1994. – P. 9–20.
280. Langacker 1999 – Langacker, R. W. Assessing the cognitive linguistic enterprise / R. W. Langacker // Th. Janssen, G. Redeker (eds). *Cognitive Linguistics : Foundations, Scope, and Methodology*. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter. – 1999. – 395 p.
281. Rosh 1973 – *Rosh, E.* Natural Categories / E. Rosh // *Cognitive Psychology*. Vol. 4. – 1973. – P. 328–350.
282. Rosh 1978 – *Rosh, E. H.* Principles of Categorization [Текст] // *Cognition and Categorization*. Hillsdale. – N.Y. : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.
283. Stubbs 2001 – *Stubbs, M.* Words and phrases: corpus studies of lexical semantics [Текст] / M. Stubbs – Oxford, 2001. – 267 p.
284. Talbot 1998 – *Talbot, M.* Language and Gender: an Introduction [Текст] / M. Talbot. – Cambridge : Polity Press, 1998. – 257 p.

285. Talmy 2000 – *Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics . Vol. I : Concept structuring systems ; Vol. II: Typology and process in concept structuring [Электронныйресурс] / L. Talmy. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. – 565 p. – URL : <https://www.twirpx.com/file/1449753/>.*

286. Tannen 1990 – *Tannen, D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation [Электронныйресурс] / D. Tannen. – New York: William Morrow, 1990. – 319 p. – URL :<https://psychology74.ru/static/doc/0000/0000/0059/59195.2dabug7huu.pdf>.*

Словари и энциклопедии:

287. Жеребило 2010 – *Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.*

288. Кубрякова 1996 – *Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. фак. М-Г.У им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.*

289. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Денисовой ; Регионал. обществ. орг. "Восток–Запад : Женские Инновационные Проекты". – Москва : Информация XXI век, 2002. – 256 с. – URL: <http://www.owl.ru/gender/>.

290. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovardalja.net>.

291. Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. – URL :<http://slovarozhegova.ru>.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**Сопоставительный анализ языковой и речевой реализации моделей гендерно-маркированной зоометафоры в роли обращения**

Зоообраз	Наличие в ЛГ источниках	Наличие в НКРЯ
1. акула	-	-
2. аспид	-	25
3. бабочка	+	1
4. байбак	-	3
5. баран	-	17
6. бык	-	2
7. битюг	-	1
8. блоха	-	6
9. боров	-	17
10. буренка	-	-
11. вобла	-	8
12. волчонок	-	5
13. волк	-	5
14. воробей	-	-
15. ворона	-	3
16. выдра	-	4
17. выкормок	-	1
18. выросток	-	-
19. вьюн	-	1
20. гад	-	150

21.гадюка	-	44
22.глист	-	4
23.глиста	-	6
24.гнида	-	32
25.гнуc	-	6
26.голубь	-	68
27.голубчик	-	846
28.голубица	-	39
29.голубка	+	263
30.голубушка	+	593
31.гусь	-	20
32. гусыня	-	2
33.динозавр	-	-
34.дикообраз	-	2
36 .ехидна	-	13
37.жаба	-	15
38.жеребец	-	3
39.заяц	-	5
40.змея	-	3
41.змий	-	6
42.зубр	-	-
43. ишак	-	15
44.кабан	-	4
45.каракатица	-	3

46.карась	-	4
47.карга	-	56
48.КИТ	-	-
49.кобель	-	31
50.кобыла	-	50
51.корова	-	11
52.кошка	-	1
53.КОТ	-	1
54.коза	-	29
55.козел	-	79
56.крыса	-	16
57.курица	-	10
58.ласточка	-	43
59.лебедь	-	2
60.лев	-	-
61.летун	-	44
62.лошадь	-	-
63.лошадка	-	-
64.мартышка	-	4
65.мастодонт	-	-
66.медведь	-	-
67.мышь	-	-
68.морж	-	-
69.моржиха	-	-

70.обезьяна	-	8
71. одер	-	6
72. орел	-	4
73.орлица	-	-
74.осел	-	22
75.ослик	-	-
76.овечка	-	3
77.паук	-	9
78.пчелка	-	4
79.пес	-	11
80.петух	-	3
81.пиявка	-	-
82.попугай	-	1
83.поросенок	-	9
84.птица	-	-
84.пустельга	-	-
86.рыба	-	4
87.рыбешка	-	-
88.росомаха	-	-
89.саврас	-	-
90.селедка	-	3
91.свинья	-	32
92.сколопендра	-	-
93.скот	-	13

94.скотина	-	167
95. слеток	-	-
96.слизняк	-	10
97.слон	-	-
98.собака	-	4
99.сокол	-	15
100.соколик	-	141
101.соловей	-	1
102.сорока	-	-
103.сучка	-	65
104.сычонок	-	-
105.таракан	-	8
106.тетеря	-	12
107.тигр	-	-
108.тигрица	-	-
109.трутень	-	-
110.тюлень	-	1
110.щенок	-	118
112.хамелеон	-	-
113. хавронья	-	-
114.черепаха	-	-
115.червь	-	5
116.цыпка	+	6
117.цыпочка	-	19

ПРИЛОЖЕНИЕ 2**Гендерная дистрибуция в речевой реализации антропоморфных зоометафор (по данным НКРЯ)**

Зоообраз /маркированность	М.р .(%)	Ж.р. (%)	М-Г (%)
1. акула (м-г. -делец)	40	32	28
2. аспид (м-г. -человек)	98	0	2
3. бабочка (ж.р.-женщина)	26	70	4
4.байбак (м-г.-человек)	97	0	3
5.баран (м-г.-человек)	92	3	5
6.бык (м-г.-человек)	90	3	7
7.битюг (м.р.-мужчина)	90	10	0
8.блоха (м-г. -человек)	54	23	23
9.боров (м-г.-человек)	96	3	1
10. буренка (-нет перен.знач.)	0	100	0
11.вобла (-нет перен.знач.)	20	20	60
12. волчонок (м-г.-ребенок)	98	2	0
13. волк (м-г.-чел)	98	2	0
14. воробей (м-г.-человек)	77	13	10
15.ворона (м-г.-зевака)	40	27	33
16.выдра (ж.р.-женщина)	3	97	0
17.выкормок (м-г.-ребенок)	100	0	0
18.выросток (м-г.-ребенок)	-	-	-

19.вьюн (м-г.-человек)	94	3	3
20.гад (м-г.-человек)	97	1	2
21.гадюка (ж.р.-женщина)	50	37	13
22.глист (м-г.-человек)	100	0	0
23.глиста (м-г.-человек)	65	10	25
24.гнида (м-г.-человек)	70	5	25
25.гнус (м-г.-человек)	82	0	18
26.голубь (м.р.-мужчина)	86	8	6
27.голубчик (ласк обращ., обычно к м.р.)	97	2	1
28.голубица (ж.р.- девушка)	10	90	0
29.голубка (ж.р.- женщина)	0	100	0
30.голубушка (ж.р.- женщина)	0	100	1
31.гусь (м-г.-человек)	92	0	8
32. гусыня (ж.р.- женщина)	0	100	0
33.динозавр (нет перен.знач.)	90	10	0
34.дикобраз (м-г.- человек)	100	0	0
35. дракон (нет перен.знач.)	73	15	12
36 .ехидна (м-г.- человек)	21	64	15
37.жаба (ж.р.- женщина)	46	33	21
38.жеребец (м.р.- мужчина)	95	5	0

39.заяц (м-г.- пассажир)	71	15	14
40.змея (м-г.-человек)	23	68	9
41.змий (нет перен.знач.)	85	5	10
42.зубр (м-г.- специалист; человек)	100	0	0
43. ишак (м-г.- человек)	100	0	0
44.кабан (м.р.- мужчина)	97	3	0
45.каракатица (м-г. - человек)	18	64	18
46.карась (м-г.- человек)	35	5	60
47.карга (ж.р. - старуха)	1	98	1
48.КИТ (м-г.-человек)	57	8	35
49.кобель (о человеке с грубо чувственным отношением к женщинам)	100	0	0
50.кобыла (ж.р.- женщина, девушка)	14	73	13
51.корова (ж.р.- женщина)	17	80	3
52.кошка (нет пере.знач.)	27	60	13
53.КОТ (м-г.- ПОХОТЛИВЫЙ человек)	54	36	10
54.коза (ж.р.- девочка, девушка)	10	73	17
55.козел (м-г.- человек)	99	0	1
56.крыса (м-г.- человек)	57	13	30
57.курица (нет перен.знач.)	23	63	14

58.ласточка (ж.р.-женщина, девочка)	10	82	8
59.лебедь (ж.р.-девушка)	37	55	8
60.лев (м-г.-кто-то, м\человек; м.р.-мужчина)	86	7	7
61.летун (м-г.-кто-то)	100	0	0
62.лошадь (м-г.-кто-то)	31	48	21
63.лошадка (м-г.-человек)	64	18	18
64.мартышка (м-г.-человек)	38	45	17
65.мастодонт (м-г.-кто-то)	87	13	-
66.медведь (м-г.-человек)	87	3	10
67.мышь (м.р.-любитель)	54	33	13
68.морж	100	0	0
69.моржиха (ж.р.-любительница)	0	100	0
70.обезьяна (м-г.-человек)	40	47	13
71.одер (м-г.-человек)	80	20	0
72.орел (м.р.-мужественный человек)	97	3	0
73.орлица (нет перен.знач.)	10	90	0
74.осел (м-г.-человек)	90	3	7
75.ослик (нет перен.знач.)	67	33	0
76.овечка (м-г.-человек)	38	60	2
77.паук (м-г.-тот,кто..)	80	6	14

78.пчелка (м-г.-человек)	38	31	31
79.пес (м-г.-человек)	92	5	3
80.петух (м-г.-чел.; м.р.-гомосексуалист)	100	0	0
81.пиявка (м-г.-тот, кто...)	57	32	11
82.попугай (м-г.- тот, кто...)	66	22	12
83.поросенок (м-г.-ребенок)	95	5	0
84.птица (м-г.-человек)	39	22	5
85.пустельга (м-г.-человек)	60	33	7
86.рыба (м-г.-человек)	55	20	25
87.рыбешка (нет перен.знач.)	46	8	46
88.росомаха (м-г.-человек)	55	33	12
89.саврас (о человеке, склонном к разгулу и кутяжам)	100	0	0
90.селедка (нет перен.знач.)	54	36	10
91.свинья (м-г.-человек)	70	10	20
92.сколопендра (нет перен.знач.)	67	33	0
93.скот (м-г.-человек)	58	2	40
94.скотина	81	3	16
95.слеток (м-г.-выскочка)	50	0	50
96.слизняк (м-г.-человек)	100	0	0
97.слон (м-г.-человек)	62	21	17

98.собака (м-г.- человек)	60	30	10
99.сокол (м.р.- мужчина)	96	3	1
100.соколик (м.р.- мужчина)	100	0	0
101.сорока (м-г.- человек)	50	50	0
102.сучка	3	97	0
103.сычонок (м-г.- человек)	-	-	-
104.таракан (нет перен. знач.)	86	4	10
105.тетеря (м-г.- человек)	40	25	35
106.тигр (нет перен.знач.)	96	2	2
107.тигрица (ж.р.- женщина)	0	100	0
108.трутень (м-г.- человек)	95	0	5
109.тюлень (м-г.- человек)	88	6	6
110.щенок (м-г.- человек)	-	-	-
111.хамелеон (м-г.- человек)	63	15	22
112. хавронья (ж.р.- женщина)	0	100	0
113.черепаха (м-г.- человек)	63	5	32
114.червь (м-г.- человек)	75	7	18

ПРИЛОЖЕНИЕ 3**Изменения знака гендерной маркированности зоометафор в языке и речи**

Зообраз	Маркированность в ЛГ источниках	Маркированность в НКРЯ*
1. акула	М-Г.	М.р.
2. аспид	М-Г.	М-Г.
3. бабочка	Ж.р.	Ж.р.
4. байбак	М-Г.	М.р.
5. баран	М-Г.	М.р.
6. бык	М-Г.	М.р.
7. битюг	М.р.	М.р.
8. блоха	М-Г.	М.р.
9. боров	М-Г.	М.р.
10. буренка	-	Ж.р.
11. вобла	-	М-Г.
12. волчонок	М-Г.	М.р.
13. волк	М-Г.	М.р.
14. воробей	М-Г.	М.р.
15. ворона	М-Г.	М.р.
16. выдра	Ж.р.	Ж.р.
17. выкормок	М-Г.	М.р.
18. выросток	М-Г.	-
19. вьюн	М-Г.	М.р.
20. гад	М-Г.	М.р.

21.гадюка	ж.р.	м.р.
22.глист	м-г.	м.р.
23.глиста	м-г.	м.р.
24.гнида	м-г.	м.р.
25.гнуc	м-г.	м.р.
26.голубь	м.р.	м.р.
27.голубчик	м.р.	м.р.
28.голубица	ж.р.	ж.р.
29.голубка	ж.р.	ж.р.
30.голубушка	ж.р.	ж.р.
31.гусь	м-г.	м.р.
32. гусыня	ж.р.	ж.р.
33.динозавр	-	м.р.
34.дикобраз	м-г.	м.р.
36 .ехидна	м-г.	ж.р.
37.жаба	ж.р.	м.р.
38.жеребец	м.р.	м.р.
39.заяц	м-г.	м.р.
40.змея	м-г.	ж.р.
41. змий	-	м.р.
42. зубр	м-г.	м.р.
43. ишак	м-г.	м.р.
44. кабан	м.р.	м.р.
45. каракатица	м-г.	ж.р.
46. карась	м-г.	м.р.

47.карга	ж.р.	ж.р.
48.кит	м-г.	м.р.
49.кобель	м.р.	м.р.
50.кобыла	ж.р.	ж.р.
51.корова	ж.р.	ж.р.
52.кошка	-	ж.р.
53.кот	м-г.	м.р.
54.коза	ж.р.	ж.р.
55.козел	м-г.	м.р.
56.крыса	м-г.	м.р.
57.курица	-	ж.р.
58.ласточка	ж.р.	ж.р.
59.лебедь	ж.р.	ж.р.
60.лев	м-г./м.р.	м.р.
61.летун	м-г.	м.р.
62.лошадь	м-г.	ж.р.
63.лошадка	м-г.	м.р.
64.мартышка	м-г.	ж.р.
65.мастодонт	м-г.	м.р.
66.медведь	м-г.	м.р.
67.мышь	м-г.	м.р.
68.морж	м.р.	м.р.
69.моржиха	ж.р.	ж.р.
70.обезьяна	м-г.	ж.р.
71.одер	м-г.	м.р.

72.орел	М-Г.	м.р.
73.орлица	-	ж.р.
74.осел	М-Г.	м.р.
75.ослик	М-Г.	м.р.
76.овечка	М-Г.	ж.р.
77.паук	М-Г.	м.р.
78.пчелка	М-Г.	м.р.
79.пес	М-Г.	м.р.
80.петух	М-Г. / м.р.	м.р.
81.пиявка	М-Г.	м.р.
82.попугай	М-Г.	м.р.
83.поросенок	М-Г.	м.р.
84.птица	М-Г.	м.р.
85.пустельга	М-Г.	м.р.
86.рыба	М-Г.	м.р.
87.рыбешка	-	м.р./М-Г.
88.росомаха	М-Г.	м.р.
89.саврас	М-Г.	м.р.
90.селедка	-	м.р.
91.свинья	М-Г.	м.р.
92.сколопендра	-	м.р.
93.скот	М-Г.	м.р.
94.скотина	М-Г.	м.р.
95.слеток	М-Г.	м.р./М-Г.
96.слизняк	М-Г.	м.р.

97.слон	М-Г.	м.р.
98.собака	М-Г.	м.р.
99.сокол	м.р.	м.р.
100.соколик	м.р.	м.р.
101.соловей	М-Г.	м.р.
102.сорока	М-Г.	м.р./ж.р.
103.сучка	-	ж.р.
104.сычонок	М-Г.	-
105.таракан	-	м.р.
106.тетеря	М-Г.	м.р.
107.тигр	-	м.р.
108.тигрица	ж.р.	ж.р.
109.трутень	М-Г.	м.р.
110.тюлень	М-Г.	м.р.
111.щенок	М-Г.	м.р.
112.хамелеон	М-Г.	м.р.
113. хавронья	ж.р.	ж.р.
114.черепаха	М-Г.	м.р.
115.червь	М-Г.	м.р.

*выделена по признаку самой высокой частотности сочетания зоокомпонента и соотношенности с гендерным классом